

Джони Эрексон, Стив Эст

Джони
СЛЕДующий
шаг

Джони Эрексон, Стив Эст

ДЖОНИ СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Джони Эрексон-Тада. Стив Эст

Джони. Следующий шаг. Перевод с английского.
Издание первое, 224 стр. Иллюстрации Джони Эрексон-Тада.

© 1978 by Joni Eareckson and Steve Estes

© 1991 Издательство „Свет на Востоке“, Корнталь

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю	6
Мозаика страданий	9
Я могу понять тебя	12
Членов много, а тело одно	24
Мы страдаем, но не напрасно	35
Странные святые	45
Божьи окна	54
Когда никто не видит	62
Бог сокрушает и формирует нас	70
Из мозаичных камешков создается образ	91
Следование и упование	92
Разделенное горе – половина горя, разделенная радость – двойная радость	108
Устоять	119
В плане ли Божиим мое исцеление?	131
Я бы хотела, чтобы Бог исцелил меня	132
Почему Бог не исцелил меня?	142
Сатана имеет в виду зло, Бог же имеет в виду добро	158
Молитвы и обетования	186
Когда мозаичные камешки подходят друг к другу	195
Помышления Божии выше наших помышлений	196
Небо	212

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Читатели моей первой книги, наверное, помнят, сколько времени и силы понадобилось мне для примирения и согласия с моей инвалидностью и жизнью в кресле-коляске, которую Бог предопределил мне. В этой книге я хочу поделиться некоторыми мыслями о том, как и чего добивается Господь посредством наших страданий. Я была приятно удивлена, когда стала получать письма от товарищей по несчастью, от людей, которым, как и мне, приходится бороться с подавленностью, сомнениями и одиночеством. Многие писали, что моя книга ободрила их и показала, каким образом они могут справиться со своими собственными страданиями. Я никогда не могла бы даже предположить, что существует такое многообразие страданий. Я получаю письма от родителей, имеющих дефективных детей; от одиноких вдов, живущих в домах престарелых; от супругов, в отчаянии пытавшихся лишиться себя жизни; от домохозяек, которые находятся в состоянии нервного расстройства; от юношей, вступивших в недопустимые любовные отношения и теперь страдающих от запятнанной чести.

Вначале задача, ответить на все трагедии в

этой книге, показалась мне чересчур тяжелой. Книга предназначена в первую очередь для тех, кому приходится задавать себе, главным образом, два вопроса: почему меня постигла столь суровая судьба и как мне справиться с ней? Потом я вспомнила о тех, кто находился рядом со мною в мой роковой час и помог мне словом и делом в моей тяжбе с Богом. Читатели моей первой книги знают, что Бог предназначил молодого человека по имени Стив Эст для того, чтобы особо повлиять на мое мышление и мою веру. Благодаря нашим „Павло-Тимофеевым“ отношениям, во мне постепенно выросла истинная любовь к Богу и Его Слову. Я знакома со Стивом уже одиннадцать лет, и Бог постоянно дарует мне через этого дорогого брата утешение, ободрение, новое знание и понимание. Семя, зароненное в мою жизнь нашей дружбой, все еще приносит плод.

Бог через Стива даровал мне возможность найти ответы на многие из моих вопросов (подобных тем, которые задают мне в многочисленных письмах), а потому я решила попросить моего „Павла“ помочь мне написать эту книгу. Мы выполнили свою задачу с большим воодушевлением и радостью. Нам пришлось много потрудиться, многое исследовать и о многом подумать.

„Небо“ – это моя любимая глава. Как я радуюсь, когда думаю о небе. Считая ее самой важной главой, я озаглавила бы ее так: „Помышления Божии выше наших помышлений“. Только уразумев это, я стала видеть Бога в истинном свете, только тогда я оказалась в состоянии справиться со своей болезнью. „В плане ли Божиим

мое исцеление?“ – это часть книги, потребовавшая от меня напряженнейшего труда. Если вас не интересует тема чудотворного исцеления, вы можете пропустить эту главу. Но я должна сказать, что сегодня эта тема просто необходима.

Эта книга – следующий шаг к тому, чтобы вы могли принять участие в моей жизни, шаг в мою борьбу и уроки, поражения и победы. Я ни в коем случае не утверждаю, что способна ответить на все эти вопросы, видя многообразие страданий и бедствий на этой земле. Однако, опираясь на собственный опыт, я хотела бы рассказать, как Бог посредством людей и событий открывает Себя, как я научилась правильно принимать постигающие меня испытания.

Я хотела бы давать то утешение, которое получила сама, а потому прошу Бога воспользоваться моей жизнью и этой книгой для ободрения и укрепления других в их испытаниях и вере. Но прежде всего я молюсь о том, чтобы все мы научились славить Бога в наших страданиях.

С любовью Иисуса
Джони

МОЗАИКА СТРАДАНИЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

Меня опять начали мучить мысли о самоубийстве. Я сидела, как гусеница в убежище-коконе. Я могла двигать только головой, во всем остальном мало отличалась от трупа. У меня не было ни малейшей искорки надежды на то, что буду ходить. Я никогда не смогу вести нормальную жизнь, не смогу выйти замуж за Дика. Можно даже предположить, что он навсегда уйдет из моей жизни, думала я. При всем желании я не могла себе представить, как я найду смысл в этой жизни, состоящей из пробуждения, приема пищи, телепередач и сна.

Почему человек в мире вынужден вести столь безумно скучную жизнь? Я молилась о гибели при каком-нибудь несчастном случае, положившем бы конец этой жизни. Душевные мучения были столь же невыносимы, как и телесные страдания.

Но и на этот раз мне не представилась возможность самоубийства. Мной овладело безграничное отчаяние. Я стала малодушной и одновременно негодовала из-за своей беспомощности. О, как же мне нужны были мои руки, чтобы что угодно предпринять, лишь бы положить конец своей бедственной жизни.

И вот я сижу на нашей крытой веранде, откуда открывается чудесный вид на холмы вокруг нашей фермы, где мы растим лошадей, и впитываю в себя запахи и звуки этого прекрасного летнего дня. Едва ли можно поверить, что у меня когда-то были мысли о самоубийстве. Да, я почти ничего не осязаю. Я по-прежнему парализована и все еще не могу ходить, не в состоянии помыться или одеться. Но я уже не отчаиваюсь. Я могу честно сказать, что благодарна своей судьбе.

Благодарна? Возможно ли это? Как могла совершиться подобная перемена? Мои друзья и семья помогли мне освободиться от подавленности. Однако прежде всего я обязана Богу и Его Слову тем, что сегодня могу благодарить Его от всего сердца за эту жизнь в инвалидной коляске.

Он помог мне в кладке того мозаичного образа, который вначале так пугал и смущал меня. Все это стоило большого труда, однако, оглядываясь назад, я могу сказать с полной уверенностью, что в основе всех бедствий, сопряженных с моей болезнью, лежит любовь Божия. Я не подопытный кролик, не объект, отданный на произвол жестокой судьбе. У Бога свои причины на то, что Он послал мне это бремя. Знание этого одним махом изменило все мое положение. И ваши страдания не бессмысленны. Бог знает, зачем он возлагает их на вас.

Я МОГУ ПОНЯТЬ ТЕБЯ

Когда я впервые начала понимать, как моя инвалидность изменит всю мою жизнь, я подумала, что мой жребий является самым тяжким. Никому из людей так не скверно, как мне! Кто еще обречен на такое унижение, когда необходимо, чтобы кто-то купал тебя или опорожнял твое судно? Какая еще девушка не в состоянии провести рукой по плечу или расчесать волосы?

Конечно, я вскоре увидела очень многих людей с такими же или даже еще более сложными проблемами, чем мои. Во всем мире живут тысячи людей, которых необходимо купать и за которыми нужно опорожнять судна. Многие парализованные еще неподвижнее, нежели я. У некоторых потеряна часть тела, другие больны смертельно. А кроме этого, у многих инвалидов члены семьи либо не в состоянии ухаживать за ними дома, либо не хотят этого делать (если вообще они столь благополучны, что у них есть семьи).

Наконец мне пришла в голову мысль: ведь существует же своего рода шкала страданий. Каждый человек измерим по этой шкале, восходящей от незначительных до самых страшных страданий. Это действительно так. На каком бы

делении этой шкалы мы не находились, т.е. сколько бы нам не приходилось переносить в жизни горя, всегда существуют люди, которые страдают меньше нас, но всегда существуют и страдающие более нашего. К сожалению, обычно мы сравниваем себя с теми, кому приходится переносить в жизни менее нас. Ведь в таком случае мы можем сострадать сами себе, полагая, что находимся на вершине этой шкалы. Однако как только мы посмотрим действительности в глаза, сопоставим себя с теми, которые страдают острее, тогда беды наши тускнеют...

Приблизительно в полутора километрах от дома моих родителей в Балтиморе есть детская больница, расположенная в живописной местности, окруженная зелеными холмами и мощными вязами. Иногда после школьных занятий я отправлялась туда на велосипеде, бродила по осенней листве, подбирая палые листья. Я любила этот чудесный парк, но редко задумывалась о детях в этой больнице. Мне никогда не приходила мысль сравнивать себя с ними, но я настойчиво сравнивала себя с теми девочками-школьницами, которые были красивей меня. Ученица гимназии, я полностью была захвачена школьной жизнью, а потому мне никогда не приходило на ум, что все мои проблемы незначительны и ничтожны в сравнении с бедами детей, вынужденных порою проводить годы в этом доме. Но какое было мне дело до этих несчастных детей? Или какое мне было дело до голодающих малышей в Индии, о которых мама читала однажды вечером? У меня было достаточно

других проблем: свидания, друзья и подруги, спорт!

Однако вскоре после несчастного случая меня некоторое время лечили и оперировали именно в этой больнице. Когда Бог поднял меня по шкале страданий на несколько делений выше, я сразу же увидела вещи в новом свете. Тогда стерильные запахи и атмосфера больницы стали для меня не просто теорией, а грубой реальностью. Предомною раскрылся совершенно иной мир, только этот мир нельзя было назвать прекрасным.

Наконец я пришла к выводу, что Бог посылает нам более тяжкие испытания еще и затем, чтобы мы проявляли сочувствие к людям, которых, в противном случае, не поняли бы вообще.

Я хотела бы обратить ваше внимание на причину, почему это столь важно. Я часто замечала, что восторженные свидетельства христиан, довольных жизнью, лишь отталкивают людей, переносящих тяжкие испытания. Представьте себе, что находитесь в больнице, лежите в кровати и притом смертельно больны. Как бы вы реагировали, если б вдруг на экране телевизора в вашей палате появился привлекательный, талантливый молодой христианин, знающий жизнь с ее лучших сторон, и начал рассказывать, как Иисус Христос дарует человеку победу во всех испытаниях жизни? Вы, несомненно, сказали бы: „Что этот парень знает о жизни? Он не представляет себе боли. Если бы у него были мои проблемы, то скоро исчезла б его рекламная улыбка и он перестал бы болтать, что „Иисус дает радость“.

Было бы, конечно, прекрасно, если бы евангельскую весть принимали или отвергали ради нее одной. Но в действительности едва ли возможно отделить ее от проповедующего ее человека.

Я, конечно, не хочу сказать, что прежде необходимо сломать себе шею и купить кресло-коляску, чтобы вас слушали! Уже парализованная, я встречала людей, не желающих слушать, когда я говорила о страданиях. Они видели лишь огромную разницу между моим положением и их хронической болезнью, они видели, что я в состоянии путешествовать, тогда как они прикованы к постели, они видели, что моя семья помогает мне, а у них нет родственников.

Многие охотнее всего слушают и принимают утешение лишь того человека, чьи проблемы аналогичны. Я, конечно, способна сочувствовать тому, кто парализован. Вы, может быть, не в состоянии сочувствовать ему. Но у вас могут быть такие трудности, какие, по существу, чужды мне, например, сложности в браке. Как христиане, мы скорее всего способны постичь людей, переживших менее или столько же, сколько мы, а не тех, которым приходится переносить больше. Бог помещает каждого на то деление шкалы страданий, которую Он считает наиболее подходящей для нас. Но нельзя забывать, что Он сохраняет за Собой право в любую минуту „передвигать“ нас выше или ниже, открывая новые возможности для служения.

Приблизительно десять лет тому назад мне приходилось выступать в одной сельской церкви

на юге Пенсильвании. После богослужения, беседуя с некоторыми членами церкви, я обратила внимание на высокого обаятельного мужчину, стоявшего со своей семьей несколько в стороне. Наконец он подошел ко мне и сказал: „Извини, Джони, я Доуг Сорцано. Я только хочу сказать, что при всем желании никак не могу понять переживаемого тобою. Знаешь, паралич или несчастный случай – для меня просто невообразимы. У меня очаровательная жена, милые здоровые дети, они здесь. Я хотел бы представить их тебе“.

Затем он сказал, что глубоко тронут всем увиденным и услышанным в этот вечер и находится под большим впечатлением. Он честно признался, что он не в силах понять объема моих страданий. Он просто не мог сказать: „Я знаю, что ты переживаешь“.

Позже, возвращаясь в автомобиле домой, мои спутницы и я молились о том, чтобы Бог воспользовался моим свидетельством для помощи людям.

Проходили недели. Я рисовала, читала, меня приглашали на выступления.

Но вот однажды после обеда, примерно через месяц после знакомства с Доугом, мне позвонила соседка семьи Сорцано, которая тогда тоже была на собрании в Пенсильвании. Она сообщила мне, что случилось нечто страшное.

– Это случилось в прошлую субботу, Джони. Доуг был хорошим мотоциклистом. Он действительно был отличным мотоциклистом. На этот раз он и его друзья решили прочесать неизвестную им часть леса.

– Рассказывайте дальше, – попросила я, запинаясь.

– Так вот, насколько мне известно, он слишком поздно заметил поворот. Во всяком случае, он ударился передним колесом в ствол дерева, скрытый в темноте. Его отбросило в сторону...

Я напряженно слушала, но мои мысли опережали рассказ женщины. Я очень хотела знать, чем все кончилось, и потому прервала ее:

– Он... да... значит... он?..

Она поняла мою мысль и коротко ответила:

– Да, он сломал себе шею.

Водворилась мучительная тишина.

Какой ужас! Я не могла поверить своим ушам.

К счастью, она не могла видеть, как я была потрясена. Как могла, я старалась владеть собою, хотела что-то сказать, но не знала, что именно. Наконец я пообещала, что письмом или по телефону сообщу этой семье, что буду молиться о них в это тяжелое для них время.

После телефонного разговора я попыталась вспомнить тот короткий разговор, который состоялся у меня с Доугом: „Я не перенес ни одного несчастного случая, Джони, у меня очаровательная жена и милые здоровые дети. Я не могу прочувствовать переживаемое тобою“.

Позже я узнала, что Доуг был полностью парализован и впал в крайнее отчаяние.

Моя сестра принесла мне ручку и бумагу и помогла написать письмо Доугу и его семье. Но что я могла написать человеку, который только что сломал себе шею? Следует ли что-то советовать?

вать? Нет, по крайней мере, не теперь. Или указать на места из Библии? Хорошо, но может быть, стоит написать и несколько строк личного свидетельства? В чем фактически нуждается страдающий человек? Я думаю, в любви и понимании. Да, он нуждается в ком-нибудь, кто понимает, что он переживает. Я знаю это по собственному опыту.

Я рада, что действительно могла утешить Дуга своим письмом. Моя собственная парализованность позволила мне войти в его положение, чтоб взглянуть на вещи с его точки зрения. Поэтому я могла сказать ему честно: „Я знаю, что происходит с тобою“.

Эти слова – бальзам для души, однако лишь в том случае, если они окажутся достоверными в силу наших собственных переживаний. Люди чувствуют, действительно ли мы понимаем их, способны ли ощущать тот страх, который гложет их. Когда у нас с легкостью слетают с языка слова: „Я знаю, что вы переживаете“, – они звучат глухо и пусто. Если же они идут от сердца, то могут принести настоящую помощь.

Иисус, между прочим, пришел на землю ради того, чтобы никто не мог упрекнуть Его, будто в славе небес Он лишен представления о страданиях и горе людей. „...Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь“ (Евр. 2, 18). „Итак, имея Первосвященника... Который... может сострадать нам в немощах наших (Евр. 4, 14-15). Если Иисус подчинился бедствиям и лишениям, чтобы показать страдающему человечеству, что Он не страшится

их, тогда наши страдания должны служить тому, чтобы мы могли понимать боль и горе других. А потому я научилась видеть в своем несчастье особое вмешательство Божие, в силу которого я в состоянии понимать и утешать людей, оказавшихся в подобном положении! Между тем и Доуг Сорцано примирился со своей инвалидностью и стойко несет свой крест. Из разговора с ним по телефону я узнала, что он свидетельствует о своей вере в Иисуса и другим страдающим.

До сих пор я говорила о нашем отношении к людям, борющимся с большими трудностями, нежели мы, об отношении к людям, которым приходится мириться с неизбежностью смерти, с неизлечимой болезнью или банкротством (я обращаю внимание только на некоторые беды). Но это еще не все.

Через несколько месяцев после своего несчастного случая я стала постепенно замечать, что ничтожные повседневные заботы моих друзей и родственников: сломанный ноготь, счет от зубного врача, насморк, порча автомобиля — были столь же реальны, как для меня моя инвалидность. И постепенно мне стало ясно, что у каждого, без исключения, есть какое-то бремя, которое необходимо нести, и каждый воспринимает это бремя, как нечто тягостное, вне зависимости от того, сколько ему приходится нести. Надоедливая муха способна на какое-то время украсть у нас счастье точно так же, как сломанная нога в гипсе.

Именно потому, что каждому приходится бороться с теми или иными трудностями и бедами,

Библия, говоря о страданиях, вне сомнения обращается ко всем нам. Благодати Божией хватает как для парализованного, так и для юноши, огорченного тем, что его не приняли в футбольную команду. И хозяйка, у которой не удалось тесто, и больной лейкемией – равно нуждаются в помощи Божией. Конечно, мы больше всего соболезуем тем, кому приходится нести такое же бремя, какое несем и мы сами, но мы можем оказаться большим утешением и для тех, кому приходится нести груз более тяжкий, нежели нам. Чтобы справиться со своими маленькими проблемами, нам необходима такая же благодать, как и преодолевающим огромные трудности. Я хотела бы пояснить эту мысль на следующем примере.

Я живу на прекрасной ферме в сердце Мериленда, среди холмов и пастбищ. По всей здешней округе разбросаны старые конюшни, амбары и колодцы, сооруженные десятки лет тому назад.

Аналогичное строение было и на нашей ферме. Прекрасная старая конюшня, построенная очень давно прибывшими в Пенсильванию голландцами, очевидно отлично знавшими свое ремесло, казалось, способна противостоять любой непогоде и видеть поколения, сменяющие друг друга. Мой отец очень любил эту старую конюшню, а потому устроил там себе мастерскую, в которой мастерил изделия из дерева, металла и кожи.

Однако лет пять назад одним летним вечером, в пятницу, все разом переменялось. Моя сестра Катя, ее муж Бутч и я уютно сидели в столовой и беседовали. В то время, как Бутч наигрывал на

гитаре, мы с сестрой посматривали в открытое окно на звездное небо. До нас доносились шорохи, скрипы и прочие деревенские звуки. Внезапно мы услышали визг тормозов автомобиля. Он доносился с узкой, со многими поворотами, улицы перед нашим домом. Мы едва ли обратили на это внимание. Молодые люди часто гоняют по улице.

Но в тот вечер было иначе. Автомобиль не промчался мимо нашего дома, чтобы исчезнуть вдаль, но остановился возле конюшни. При внезапно наступившей тишине Бутч выглянул на улицу, а мы вопросительно посмотрели друг на друга; гитара замолкла. Катя подошла к окну, тщетно пытаясь что-нибудь разглядеть во тьме. Кроме ночных бабочек, кружившихся вокруг лампы, все было неподвижно.

Мы услышали, как автомобиль тронулся с места. Через некоторое время Кате показалось, что она видит свет... И вдруг она вскрикнула: „Джони, Бутч! Горит конюшня!“ Бутч побежал к телефону и стал искать в справочнике номер пожарной части. Я, конечно, не могла помочь и только смотрела, как Катя побежала к конюшне, а Бутч за нею.

Между тем вся окрестность ярко осветилась, словно наступил день. Над старой крышей поднялись черные клубы дыма. Когда пожарная команда наконец прибыла, было уже поздно. Через час от конюшни остались лишь дымящиеся развалины.

Сердце обливалось кровью, когда на следующий день я смотрела на отца, невысокого семи-

десятилетнего мужчину, страдающего артритом, — как он копался на пепелище. Он искал остатки своих инструментов и мебели, собранных им в течение многих лет. Единственным утешением для него было старинное каменное основание здания, уцелевшее во время пожара.

Однако отец не произнес ни одного слова жалобы. Он не был подавлен и не упрекал Бога. Вместо этого он сразу же приступил к восстановлению конюшни. Через два месяца у нас была новая конюшня — истинное свидетельство его непоколебимой веры.

Как ни странно, но через два года наша семья пережила ту же беду. В одну из летних ночей наша конюшня опять сгорела! На этот раз мы не знали, как возник пожар, но последствия были те же. Под вой сирены примчались пожарные машины. Соседям опять пришлось сдерживать рвущихся с привязи лошадей. Жар не позволял приступить к тушению пожара, а огонь обжигал листья близко растущих деревьев. Вновь папа собрал остатки и принялся строить. Он верил: Бог знает, что делает.

Мы с сестрой с глубоким волнением наблюдали, как отец без ропота смирился перед волей Господа и принял это новое несчастье из Его рук. Сила папиного характера служила мне примером и ободрением. В двух этих пожарах он потерял много драгоценных ему вещей. Однако эта потеря не представлялась ему значительнее моего несчастного случая. Папа не был парализован и не мог сказать: „Я знаю, что ты испытываешь“. Его испытания стояли на лестнице страданий

гораздо ниже. Но глядя, как он справлялся с ними, я научилась многому. Он не роптал и не восставал против воли Божией. Так я пришла к убеждению, что христианину не обязательно переносить ту же меру страданий, что и его братьям по вере, для того чтоб быть для них истинной помощью.

Я издали наблюдала, как отец разгребал пепелище, чтобы вторично начать строительство. И тогда я опять подумала про лестницу страданий, на которой одни находятся выше, а другие – гораздо ниже. Бог порой заставляет нас нести особенно тяжелое бремя, чтобы мы могли, сочувствуя, честно сказать другим, находящимся в таком же положении: „Я знаю, что ты переживаешь“. Но верно и то, что мы в состоянии утешить и страдающих больше нашего, если только в своих менее значительных бедствиях мы верны Богу.

Это имел в виду апостол Павел, выразивший аналогичные мысли в следующих словах: „Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!“ (2 Кор. 1, 3-4).

ЧЛЕНОВ МНОГО, А ТЕЛО ОДНО

Приходилось ли вам обращать внимание на то, что самыми важными жизненными вещами более всего злоупотребляют? Подумайте хотя бы об огне – одном из величайших жизненных благ человечества. То же пламя, на котором мы готовим бифштекс, способно в несколько минут уничтожить много гектаров ценного леса или сжечь конюшню. Когда мы размышляем о половых инстинктах, мы видим, что они могут направляться и на добро, и на зло. По плану Божьему они должны соединять мужчину и женщину, доставлять им радость и дарить им детей. Однако сколько боли, сердечных страданий и слез причиняет как раз злоупотребление этими инстинктами!

Аналогично обстоит дело и со страданиями. В руках Божьих они – средство формирования нашего характера, но они же способны превратить нас в эгоистов. Много часов я провела в размышлениях, сострадав самой себе и предполагая, что Бог этим несчастным случаем хотел наказать меня за грехи. Однако не это имел Он в виду. Тогда я еще не понимала, что весь смысл моей парализованности – доказательство Его любви ко мне и к моим близким. Бог хочет, чтобы

благодаря испытаниям мы были способны не только сочувствовать друг другу, но и наставлять друг друга.

Этот урок я получила зимой 1975 года. Пастор одной баптистской церкви в Уичите в Канзасе пригласил меня на ежегодную конференцию в свою церковь, чтобы я сказала там свидетельство. Я с радостью согласилась. С одной стороны, я как раз только начала совершать поездки и для меня было большой радостью то там, то здесь свидетельствовать различным людям. С другой стороны, я еще ни разу не принимала участия в миссионерской конференции, не говоря уже о том, чтобы выступать на ней с речью. Я мало знала о миссионерском деле и никогда не беседовала с миссионерами. Я воображала, что жизнь миссионера состоит главным образом в опасных переходах через девственные леса, где им своими ножами приходится убивать змей. Мои спутницы Шерри и Джули знали не больше меня. Поэтому, когда начали говорить миссионеры, мы, сидя в последних рядах большой переполненной церкви, все обратились в слух. Кто знает, может быть, они расскажут нам что-то о людоедах!

Но знаете, что мы уяснили себе тогда? Что миссионеры такие же люди, как и мы! Когда мы услышали их рассказ о повседневной борьбе и победах в таких странах, как Бразилия, Япония, Филиппины, — мы стали сознавать свою ответственность по отношению к народам этих стран. В конечном итоге мы составляли с ними одно целое, то, что Библия называет „телом Христовым“, несмотря на нашу удаленность друг от друга на

тысячи километров. Мы особенно уяснили себе эту мысль тогда, когда увидели христиан, беженцев из Румынии, среди участников конференции и поняли, что эти верующие рассчитывают на наши молитвы. Я была так благодарна миссионерам за эти сообщения, что очень обрадовалась, когда на заключительном собрании в воскресенье вечером мне предоставили возможность выступить.

Но мы встречались не только с миссионерами. Каждый вечер мы общались с церковной молодежью, сдружившись с нею. Однажды, после субботнего вечернего собрания, никто из нас не спешил вернуться домой и мы решили посидеть в кафе-мороженое. Было уже одиннадцать часов, но мы еще не хотели расходиться.

После того, как мы расплатились, Шерри одела на меня пальто, и мы отправились на улицу подышать ночным зимним воздухом. После несчастного случая „термостат“ моего тела работает совсем не безупречно, поэтому я тяжело переношу мороз и зной. Я попросила Шерри откинуть мое кресло назад, чтобы меньше ощущать холод, и поскорей сесть в машину.

И вот, две смеющиеся фигуры скользили во тьме по гладкому асфальту в направлении уличного фонаря. Из-за ночной темноты мы не заметили опасность, наши мысли были заняты еще радостной встречей в кафе. Кто мог бы предположить, что в нескольких метрах от нас – гололеда, которую не видно во тьме?

Вдруг Шерри вскрикнула. Она поскользнулась, кресло подбросило, оно накренилось и пока-

тилось на одном колесе. Лицом вниз я вылетела из него. Конечно, я не могла вытянуть вперед рук. Я видела приближающуюся бровку тротуара, но лица своего я уже не смогла спрятать и лишь зажмурила глаза. Все это длилось какие-то доли секунды. Лицо так сильно ударилось обо что-то твердое, что из глаз посыпались искры. Падения своего тела я не почувствовала, но заметила, как я покатила мимо нашего автомобиля.

„О, нет!“ – услышала я издалека крик ужаса Шерри.

Удивительно, что в такие мгновения все как бы замедляется. Каждый звук слышен сверхчетко, каждая мелочь неизгладима из памяти.

„Иди сюда, Шерри!“

Я услышала приглушенный говор и шаги по асфальту. Кошелек вывалился на землю, покатились монеты – деньги за открытки и рисунки, проданные в тот вечер.

„У нее все лицо в крови!“ – крикнула какая-то девушка.

Молодые люди окружили меня, но я не видела их. Я крепко закрыла глаза, чтобы туда не попала кровь. Помню, что я чуть шевельнула шеей, дабы убедиться, что не сломала ее. Языком тронула зубы, ни один из них не был выбит, и нижняя челюсть тоже была в порядке.

Какая-то девушка стала на колени возле меня и взяла мою голову в руки. Это была Юлия. Она постоянно спрашивала, все ли в порядке, а я только кивала головой. Она сдерживала рыдания, пытаясь скрыть от меня свои слезы. Подруга

считала себя обязанной оставаться спокойной и сильной.

И вдруг я уяснила себе собственную ответственность. На этой неделе несколько молодых людей спросили меня: как мне удалось смириться с жизнью в кресле, – и я ответила, что следует без ропота принимать испытания. Мы обратились к Библии за подтверждением, что все дела, трудности и непонятные нам пути содействуют благу. Вот теперь предоставилась возможность претворить слово в дело. Как я буду реагировать?

Всю неделю я училась у миссионеров тому, что у нас есть обязанность в отношении других членов тела Христова. „Вот здесь теперь частицы этого тела, – мелькнуло у меня в голове, – группа молодежи и другие. Они глядят на меня“.

Но мой „ветхий человек“ не мог сейчас думать „о других“, он думал лишь о себе. Я страшно мерзла и испытывала острую боль.

„Почему это должно было случиться именно со мной? Разве я и без того не страдала больше всех, стоящих теперь вокруг? Почему Бог не избрал кого-то другого, если хотел дать наглядный урок?“

Я знала, что это ложные мысли. Однако как тяжело преодолеть собственное „я“ пред лицом Бога и ближних, особенно когда больно.

„Какое мне дело, как другие расценят мое поведение в такой ситуации? Лицо у меня изранено. Да и вообще: зачем это ранение в голову – единственную часть моего тела, обладающую чувствительностью?“

Но Дух Святой стал наставлять меня. Я вспом-

нила Слово Божие: „Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии“ (1 Кор. 6, 19-20). Кто беспокоится о моей реакции? Бог. Имею ли я право негодовать и жаловаться из-за своего раненого лица? Нет! Тело мое принадлежит не мне, Бог может делать с ним, что угодно. Он купил его кровью Своего Единородного Сына.

Прежде всего, я должна воздать хвалу Богу, что имею возможность конкретно показать друзьям то, о чем говорила теоретически: в жизни христианина нет случайностей. Если Бог что-то посылает нам, то в конечном итоге все это должно обратиться нам во благо или во благо ближних. Иногда у нас, христиан, вообще нет выбора. Если мы хотим достойно вести себя, нам необходимо реагировать так, как это угодно Богу.

Еще лежа на холодном асфальте, я знала, что надо делать. Мне показалось, что я уже тысячу раз это делала в жизни. Я внутренне сосредоточилась и беззвучно возблагодарила Бога за этот несчастный случай: „Господи, благодарю Тебя за то, что случилось, помоги мне не озлобиться. Эти юноши и девушки глядят сейчас на меня... Пусть они учатся, как надо преодолевать трудности, видя, как я преодолела этот удар. Да будет Тебе честь и слава!“

Наконец я приобрела уверенность, что Бог посредством этого случая явит Свою славу. Но я

не знала, что это уже вскоре должно было совершиться. Бог действовал посредством самоотверженной любви и забот, оказываемых мне всеми. Кто-то укрыл меня своим пальто, чтобы защитить от холода. Один мужчина заметил, что мне плохо. Он встал на колени и крепко прижал к себе, чтобы согреть меня, а затем прошептал: „Все будет хорошо“. Другие стали молиться. Кто-то вызвал „скорую помощь“, другой сообщил о случившемся пастору церкви, в которой мы были.

В больнице мне сделали рентген и наложили швы на лоб. Долго тянулась эта тревожная ночь. Боли, вызванные сотрясением мозга и переломом носовой кости, не позволяли мне спать. Так что у меня было много времени для размышлений. „Боже, благодарю, что Ты удержал меня в Своей руке и спас от худшего“, – молилась я.

Лишь на рассвете я задремала. Спала беспокойно, каждые два часа меня будили, чтобы проверить мое состояние.

На следующий день я проснулась около одиннадцати часов от шума в ванной. Шерри заглянула ко мне и спросила с жалкой улыбкой:

„Ну, как дела?“

„Хорошо“, – ответила я, но боль сразу напомнила о падении прошлой ночью. Физически мне было нехорошо. Ныли швы, мучила резкая головная боль, лицо отекло. Однако я находилась в хорошем расположении духа.

„Думаю, что мне неплохо. Что новенького?“

„Мы думали разбудить тебя вовремя, чтобы ты могла посмотреть телепередачу, – пропела Юлия и стала настраивать антенну. – Пастор

сказал, что мы можем смотреть еженедельное богослужение по телевизору“.

Мне подложили подушки под спину, и мы стали внимательно смотреть. После исполнения хорового гимна пастор сказал: „К сожалению, мы вынуждены вам сообщить, что мисс Джони Эрексон упала вчера вечером, разбила себе нос и ей наложили швы. Когда я говорил с нею в карете скорой помощи после несчастного случая, я предложил ей отказаться выступать сегодня вечером, но она думает, что все-таки окажется в состоянии выступить. Мы просим всех помолиться о ней вместе с нами“.

Я радовалась, что обо мне молятся. Откинувшись на подушки, я вынуждена была улыбнуться. Подлинный кризис – внутренний – уже миновал.

Вечером в переполненном зале мне на миг показалось, что не хватает воздуха. Проходы были заставлены стульями, позади стояли люди, балконы были переполнены. Я решила не пользоваться тщательно подготовленными заранее записями. Вместо этого я прочла несколько мест из Писания, взаимосвязанных с событиями минувшей ночи.

„Важная услуга, которую мы, как дети Божии, можем оказывать друг другу, состоит в победе над собственными испытаниями“.

Портативный микрофон, укрепленный на моей блузке, передавал мои слова в зал.

„Послание к Ефессянам разъясняет нам ту истину, что необходимо заботиться о других христианах, потому что мы составляем с ними одно целое. Нигде не сказано, что верующие

только в будущем составят единство. Мы составляем его уже теперь, и от нас ожидается, что мы будем действовать сообразно этому. В Первом послании к Коринфянам, в 12-й главе, читаем, что мы, христиане, составляем тело, подобное человеческому, главой которого является Иисус Христос. Тело человека – лучший пример сотрудничества. Каждый член нуждается в другом члене. Если в желудке пусто – глаза ищут хлеб с колбасой, а ноги бегут в столовую, руки берут колбасу, окунают в горчицу, а затем кладут в рот, откуда все это попадает в желудок. Вот что я и называю сотрудничеством!”

Зал рассмеялся.

„Вот как нам следует понимать такие места, как скажем, в Послании к Ефессянам 4, 16. Мы, христиане, оказываем друг на друга взаимное духовное влияние посредством того, чем являемся лично и что делаем. Ни один орган нашего тела не может при повреждении функционировать, не влияя на другие. Ушибленная нога ограничивает движение тела, а удар головой во время футбольного матча, благодаря которому забит гол в ворота противника, повышает престиж, доставляет честь всему телу. В тесном единении верующих есть что-то таинственное. Их поражения – мои поражения, их победы – мои победы“.

В зале наступила мертвая тишина. Все слушали с вниманием. Люди явно поняли, что я хотела сказать.

А я продолжала:

„Следовательно, если мы хотим прославить Иисуса Христа, Главу тела, если хотим оказать

помощь нашим братьям и сестрам по вере, т.е. остальным частям тела, то мы так должны решать собственные проблемы, чтобы нашим братьям и сестрам была от этого польза. Бог даровал вчера вечером Свою силу для этого и мне, и Юлии. Она была для меня примером. Я стала примером для многих. И Бог ждет того же от вас“.

Так Господь на примере моего несчастного случая в минувшую ночь помог нам уяснить нечто из Своего мудрого плана, допускающего страдания.

Приблизительно через год после случившегося я получила письмо от Стива. Тогда я много путешествовала, а потому несколько тосковала по дому. Его ободряющие слова как бы обобщили урок, полученный мною в ту ночь от несчастного случая на автомобильной стоянке. Он напомнил мне, что наши бедствия и боль ни в коем случае не дают нам право на самосострадание, но представляют отличную возможность послужить словом, делом и примером. Вот отрывок из его письма:

„Итак, Джони, если тебе придется выступать десять раз в неделю, если мускулы твоего лица устанут от бесконечных улыбок зрителям, если спину будет ломить, если ощутишь страшную тоску и желание вновь ходить, но будешь вынуждена скрывать это, дабы не быть понятою превратно, если потеряешь своих друзей и подруг, если несколько ослабеет твой интерес к Библии, если почувствуешь себя неуверенно, если в тебя начнут проникать грешные помышления и пред-

ставления, если подвергнешься искушению греться в лучах успеха и славы, – короче, если ты захочешь нести более легкий крест и слегка уклониться с пути, не уступай! Не будь малодушна, пусть грех не обольщает тебя. Не думай, что борьба напрасна, ибо ты действительно являешься для меня твердой опорой и примером, когда я подвергаюсь искушениям“.

Мы всегда находимся в свете рампы, за нами всегда наблюдают. Получается одно из двух: или мы хорошо играем свою роль, назидая тем самым зрителей, или же – возмемся со своими горькими чувствами, а потому бесславим „автора пьесы“. Нам предоставлено право выбора.

МЫ СТРАДАЕМ, НО НЕ НАПРАСНО!

Мы часто хвалимся: какие, дескать, мы великие и славные христиане, но когда внезапно попадаем в такое положение, в котором необходимо проявить свою веру, то часто оказываемся несостоятельными.

Недавно я увидела, как верно эта мысль была изображена на одной карикатуре. Во время футбольной игры какой-то дядя среднего возраста, который сидел на передней скамейке, постоянно направлял в адрес тренера и игроков проигрывающей команды довольно вульгарные замечания. Очевидно, он хотел произвести впечатление на зрителей, сидящих поблизости, своими выдающимися профессиональными познаниями. Когда тренеру все это уже надоело, он крикнул этому человеку, обратившись в сторону трибуны для зрителей: „Вы со своими „умными“ советами, замените же Облонского в игре!“ Это возымело свое действие!

Мы, люди, отступаем, когда от нас требуют подтвердить наше хвастовство делом. В противоположность нам Бог всегда соблюдает Свое Слово. Будучи велик и дивен, Он всегда ищет возможности доказать людям это величие. И самая лучшая возможность возникает там, где

люди страдают. Ярче всего Он прославляется, конечно, благодаря чудесам. Иисус ходил по земле — и слепые прозревали, прокаженные очищались, мертвые воскресали. Он творил множество чудес, чтобы смягчить скорбь и страдания людей.

Естественно, что „народ, увидев это, удивился и прославил Бога“ (Матф. 9, 8).

А как обстоит дело сегодня? Иисуса в телесном облике нет среди нас. Время, когда Он ходил по холмам Иудеи и творил чудеса, уже давно миновало. Правда, Бог и сегодня способен вмешиваться (и порой делает это) сверхъестественным образом в жизнь человека, но это перестало быть правилом. Сегодня Бог использует страдания менее очевидным, но не менее естественным образом для Своего прославления.

Как это ни парадоксально, но несомненно одно: Бог не только допускает в жизни Своих детей продолжительные страдания, но и намеренно способствует им. Таким образом, создается даже впечатление, будто Он Сам вредит Своему собственному делу, потому что все это происходит пред очами неверующих, давая повод для насмешки над христианами: „Посмотрите только, как этот Бог, Который якобы является Богом любви, обращается со Своими последователями!“

Если же эти люди внимательнее понаблюдадут за христианами, они обнаружат нечто необычное. Ведь последователи Иисуса, которым Бог посылает одно испытание за другим, не жалуются. Вместо того, чтобы возмущенно сжимать кулаки

и проклинать за то, что Он допустил такие бедствия, они славят Творца.

Вначале мир насмехается: „Все это скоро кончится!“ Но если испытания не кончаются, а христианин по-прежнему отказывается „похулить Бога и умереть“, тогда мир глядит с удивлением. Таков самый действенный метод: прославить Бога страданием, доказывающим, что Он может хранить народ Свой и в самых тяжких испытаниях. Если бы вера в Иисуса даровала лишь красивую удобную жизнь, тогда мир не имел бы возможности получить впечатляющий урок о Боге.

„Собственно, что здесь особенного? – могут спросить люди. – Каждый, в конечном счете, волен избрать себе нечто, ради чего будет готов на все“. Но если христианин твердо придерживается веры, любви и верности, хотя как будто и кажется, что Бог оставил его, – это производит впечатление на неверующих. Тогда и хулителю вынуждены бывают признать, что наш Бог – реальность, достойная служения и в самые трудные времена.

В связи с этим я вспоминаю девушку, жизнь которой полностью подтверждает все вышесказанное. Я встретила ее в Калифорнии в книжном магазине. Там собралось много женщин и празднично одетых детей, выстроившихся в ряд, чтобы приветствовать меня и получить мой автограф.

Когда я взяла в рот ручку, чтобы написать свое имя на книгах, я вдруг услышала шум, который отличался от всеобщего говора и вовсе не соответствовал деловому оживлению в магазине.

Глянув поверх книги, которую держали передо мною, я вдруг поняла, откуда доносится этот шум.

В самом конце очереди в кресле сидела тяжело больная молодая женщина. Она не могла говорить членораздельно, а потому с трудом издавала какой-то лепет. В тех больницах, где мне приходилось лежать, я встречала людей, которые в силу болезни не могли отчетливо говорить. Я решила, что причиной этого могло быть страшное заболевание – паралич мозга. Потом оказалось, что я была права. Когда больная приблизилась, я увидела ее дрожащие руки и скрюченные ноги. Слюна стекала у нее с губ, и она не могла с этим справиться. Волосы у нее свалялись, а неправильно застегнутая блузка свидетельствовала о том, как трудно ей одеваться. Паралич был причиной ее, мягко выражаясь, неопрятного вида.

Раньше я чувствовала себя особенно неудобно в присутствии таких людей. Их болезнь весьма напоминала мне мою собственную. Однако с помощью Божией я уже давно преодолела такие чувства и теперь была рада, что встретила эту молодую женщину.

„Джони, я хочу представить тебе Надю“, – сказала сопровождавшая медицинская сестра, подкатывая ее кресло к моему. В дальнейшей беседе, которую сестра переводила мне, как умела, я узнала, что Наде столько же лет, как и мне, и она тоже верующая в Господа Иисуса Христа. Глядя на ее скрюченное тело, можно было подумать, что Надя – слаборазвитая. В

действительности же это была интеллигентная и весьма начитанная женщина, писавшая стихи.

В тот послеобеденный час Надя дала мне письмо, в котором изложила свои мысли о моей книге. А затем она подарила мне истинную драгоценность – маленькую карточку со стихотворением и ангелами, вырезанными из рождественской открытки. Вырезая, Надя держала ножницы пальцами своей „хорошей“ ноги. Эта встреча произошла несколько лет назад, но карточка эта еще и сегодня висит в моей комнате.

Слушая Надю, я мысленно возвращалась к тому времени, когда я в отчаянии лежала в больнице и искала ответ на свои вопросы в многочисленных философских сочинениях. „Бог, может быть, обладает любовью, и Он хотел бы устранить человеческие бедствия из мира, но для этого Ему недостает сил, – аргументировали они, – а может быть, у Него есть сила, но нет необходимой любви. Возможно, что у Него нет ни того, ни другого. Во всяком случае, Он не обладает этими двумя качествами одновременно“.

Можно подумать, что такой аргумент убедит столь мыслящего человека, как Надя. Она живет в клинике. Ей навсегда отказано в счастье находиться в окружении хороших подруг и заботливых родственников. Ей, вероятно, отказано и в браке, и во всем том, что человеку необходимо для счастья. Почему человеку, оказавшемуся в положении Нади, не отвергнуть Всемогущего Бога любви, если Он поступил с ним подобным образом? Она могла бы отчаяться полностью, никого бы не удивило, что она не видит в своей

жизни никакого смысла. Во всяком случае, едва ли можно было ожидать, что она мужественно подчиняется своей судьбе, смилив свои чувства.

Побеседовав с Надей час, я убедилась, что она не наводит на подобные размышления. На собственном опыте Надя знает радость в Господе и „мир Божий, который превьше всякого ума“. Она может сказать словами апостола Павла: „Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется“ (2 Кор. 4, 16).

На меня особое впечатление произвело то, что она не только верует в Бога, но и любит Его. Познанный ею Бог достоин ее любви. Он для нее столь реален, что она с радостью переносит свое состояние, если это угодно Его воле.

Будет ли прославлен Бог через страдания Нади? Несомненно. Каким образом? Посредством чудотворного исцеления? Нет, ее страдания прославляют Бога, ибо люди, которые ближе знают ее, вынуждены признать, что Бог Нади – это совершенно иной Бог, раз она исповедует Его с такой верностью. Я подумала про себя: „Если кто-то ищет доказательство тому, как благодать и сила Божия действуют в жизни человека, то ему следует познакомиться с этой женщиной“.

Скептики порой спорят, не веря, что Бог – истинный источник внутреннего мира таких христиан, как Надя. Они считают, что все, что они слышат о Боге, небесах и о радости в Господе – только бегство от действительности. И меня нередко упрекают, что вера в Бога является для меня каким-то подобием душевного костыля.

В таких случаях я просто ссылаюсь на факты: даже домоседу и книжному червю было бы нелегко привыкнуть к жизни в кресле-коляске. Но для столь жизнедеятельного человека, как я, это еще труднее. Будучи гимназисткой, я всегда была на колесах, постоянно ездила в своем спортивном автомобиле по окрестностям, играла в хоккей и занималась множеством других глупостей. „До несчастного случая я ни минуты не могла усидеть спокойно, – часто говорила я своим слушателям. – А вот теперь я вынуждена весь остаток жизни сидеть смиренно“.

Никакой перечень заповедей и запретов, никакая подобающая случаю философия религии, никакая вера в некое „более высокое существо“, никакое теоретическое исповедание веры не способны были бы даровать моей жизни в кресле помощь и мир, чтобы я могла быть благодарной за свое состояние. Одно из двух: или я действительно сошла с ума, или позади всего этого стоит живой Бог – нечто несравненно более великое, нежели просто общепризнанный богословский принцип. Он являет Себя в моей жизни как личный Бог, и все это побуждает многих людей к раздумьям.

Некоторые христиане из числа моих читателей, может быть, зададутся теперь вопросом: „Да, конечно, прекрасно, что Бог посредством таких людей, как Джони и Надя, прославляет Себя. Но вот у меня нет никаких серьезных болезней. Моя жизнь практически совершенно нормальна. Как обстоит дело в моем случае?“ Неужели вы думаете, что Бог придает вашим

трудностям меньше значения, потому что они не столь ужасны, как Надины и мои? Если вы радостно противостоите искушениям в повседневной жизни, то и ваше поведение произведет на окружающих такое же действие.

Я благодарна своей сестре Джей, а также подругам Бетси и Шерри, которые часто сопровождают меня в моих путешествиях. Поверьте, этим женщинам кое-что известно о тягости будней! Прежде всего им необходимо побеспокоиться об удовлетворении всех моих телесных потребностей. Только тот, кто сопровождал парализованного в пути, может представить себе, сколько труда это требует. Их день начинается в пять утра, чтобы без опоздания подготовиться к утреннему собранию. Сначала они занимаются собой, после чего им приходится заниматься мной полтора часа: они занимаются со мной гимнастикой, купают, одевают, чистят мне зубы, причесывают и так далее.

Но и этого недостаточно. Чтобы ехать, меня необходимо поднять из кресла и перенести в автомобиль. Для этого одна из помощниц обнимает верхнюю часть моего тела, а другая поднимает мне ноги. С трудом они помещают меня в машину, правильно усаживают и крепко привязывают. Между тем кто-то несет мое кресло в багажник автомобиля. Мне не надо сообщать вам мой точный вес, потому что и так нетрудно представить, каким грузом является неподвижный человек. Когда мы прибываем на место, все совершается в обратном порядке: меня высаживают из машины и вновь помещают в кресло.

Недавно случилось так, что в течение одного дня во время путешествия в Миннеаполис Джей, Бетси и Шерри высаживали и сажали меня в автомобиль пятнадцать раз!

К тому же следует учесть и те душевные волнения и заботы, которые им приходится переносить во время наших совместных путешествий. Некоторые люди столь бестактны, что обращаются со мной, как с царицей, зато на мою сестру и подруг смотрят, как на пустое место.

Вставать рано утром, ухаживать за мною, собирать меня в путь, сажать и высаживать из автомобиля, да еще испытывать при этом пренебрежение со стороны других – все это, быть может, в ваших глазах не столь серьезные „испытания“, как те, что возложены на меня и Надю. Но когда люди обращают внимание, сколь безропотно, с одной только любовью в сердце, несут эти женщины свое скромное и вместе с тем столь обременительное служение, то их взор обращается к Богу, и Он прославляется ими.

В этом отношении такие люди, как Надя, моя сестра и мои подруги – это Иовы нашего времени. Вы же знаете, что Иов был праведником, которого Бог наделил всевозможными благами. Он благодарил Бога за это и таким образом раздражал сатану. Раздраженный сатана упрекнул Бога, будто Иов служит Ему только ради своих благ, потому что Бог столь щедро одарил его. Но если, дескать, лишит Иова семьи и имущества, тогда он возмутится против Бога. Иными словами, сатана утверждал, что вера Иова строится на полученных им от Бога благах.

Поэтому Бог разрешил сатане испытать Иова. Этот человек потерял свое имущество, своих детей, даже жена его понуждала: „Похули Бога и умри!“ Но он верил Богу, восклицая: „Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться“ (Иов. 13, 15).

Какое свидетельство! Мы видим величие Иова, но тем более видим величие Божие, которому рабы Его с такой верностью служат даже в самых суровых испытаниях. Этому слову из Ветхого Завета вполне соответствует и слово Павла в Новом Завете, в Послании Филиппийцам: „Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа“ (3, 8).

Те трудности, с которыми мне, как парализованному человеку, приходится бороться, я принимаю с радостью, раз Бог будет прославлен благодаря моей верности. Приходилось ли вам думать, что и ваша жизнь может обратиться во славу Божию, если вы останетесь верными своему „креслу“?

СТРАННЫЕ СВЯТЫЕ

Полная тишина воцарилась в огромном праздничном зале знаменитого старинного замка. Ни малейшего дуновения ветерка, способного поколебать великолепное многоцветное знамя на массивных серых каменных стенах. Над высоким средневековым камином висел герб царской семьи, а на противоположной стене были вызывающе водружены знамена соседнего герцога Эйнара. Уже несколько месяцев между ними царил серьезная напряженность, становившаяся все более невыносимой. На этом ежегодном празднике, в котором принимали участие знать и вельможи всего царства, герцог высказал план совершения переворота.

Готовый к прыжку, стоял возле стола принц Эрик. Он сжимал в руке украшенную жемчугом рукоятку меча. Это оружие ему вручил отец-король незадолго до смерти. Проникавший в окно замка солнечный луч преломлялся в лезвии. Это был самый прекрасный меч в государстве.

Три спутника герцога, обнажив мечи, окружили принца, подобно акулам, окружившим свою жертву. Они искали возможность внезапно напасть на Эрика. Принц окидывал их быстрым

взглядом, чтобы определить, кто же из них первым бросится на него.

Раздался звон скрестившейся стали! Два воина накинулись на принца, однако он отразил их удары своим мечом, искусно обороняясь и мужественно атакуя на них. Укол... Рана... Кровь... Один из воинов герцога упал на пол и выронил меч. Однако принц не мог удовлетвориться своей победой. Он отскочил в сторону, чтобы продолжать борьбу с двумя остальными воинами.

Отражая удары справа, он вынужден был коситься влево. Очевидно, он недостаточно крепко сжимал меч в руке, ибо у него выбили это могущественное оружие.

Толпа издала вопль ужаса. Знатные дамы держали свои платочки у губ, наблюдающим не хватало от страха воздуха.

Стоп! Как олень, отскочил принц назад, выхватил кинжал из-за пояса и схватил медный светильник, который украшал стол. Несмотря на численное превосходство врага и на худшее оружие, он снова бросился в бой, нанося удары светильником и достигая врагов кинжалом. Он пригнулся, когда боковой удар едва не поразил его в голову, опять выпрямился, ускользнув от следующего удара, затем нанес противнику смертельный удар.

Тогда ужас охватил последнего оставшегося в живых воина герцога. Он и Эрик молча обходили друг друга. Когда напряжение достигло кульминации, воин нанес удар.

Тонкая, как нить, струйка заскользила по

рукаву Эрика, она была темнокрасной – это сочи-лась из раны кровь. Принц отступал шаг за шагом, пока не был окончательно прижат к стене. Его жалкие средства защиты не соответствовали могучему мечу противника. А враг наносил свои удары со все возрастающей частотой. Казалось, принц скоро будет сражен.

Внезапно противник нанес удар... Эрик отпрыгнул. Удар, который должен был поразить сердце, прошел мимо. Меч вонзился в стену. Однако прежде, чем воин герцога успел извлечь его и обрести равновесие, Эрик ударил по лезвию меча светильником и метнул кинжал в воина. Острие кинжала вонзилось ему в плечо, воин поднял другую руку, словно хотел сказать: „Не следует продолжать борьбу!“ Он признал победу Эрика. Все окружили принца, громко и сердечно поздравляя с победой. Они запели песню, которую после них пели потом многие поколения: „Принц Эрик силен мечом короля, но сильнее он с кинжалом и светильником в руках“.

Мы весьма охотно читаем такие интересные истории, как рассказ о принце Эрике. Но знаете ли вы, что и в Библии есть своего рода приключенческие истории? Библия захватывающе повествует, как лукавый изменой и обманом подчинил себе землю, как присвоил власть законного Повелителя и установил на ней свое царствование. Далее мы читаем, как добрый Повелитель послал Своего Единородного Сына проникнуть в царство сатаны, чтобы освободить Его пленных подданных и возвратить их под Свое знамя. Как бы вела себя я на месте Бога? Прежде всего попы-

талась бы найти для своего „боевого отряда“ самых искусных мужчин и женщин: докторов философии и университетских профессоров. Для финансирования этого мероприятия я привлекла бы миллионеров и самых ловких и деловых людей. Привлеченные мною дельцы и ученые оказались бы самыми лучшими из всех возможных: это были бы абсолютные знатоки в своей области. И даже рядовой член моего отряда должен был бы быть молодым, закаленным и привлекательным.

Слабых и немощных вообще не следовало бы вербовать. А людей с телесными недугами? Ни в коем случае! А людей, способных сопротивляться моим начинаниям? Никогда! А людей, лишенных притягательной силы? Или тех, кто может пренебречь моим призывом? Ни в коем случае! Мужчин и женщин, жизнь которых обременена всякими сложностями? Никогда! Ни в коем случае! Я брала бы только лучших из лучших.

Но слава Богу, что не я управляю миром, а Он! Он принимает бедных, больных, уродливых, одиноких, слабых, тех, в ком, казалось бы, нет ничего, достойного любви, неспособных и „невозможных“ – Он открывает им Свои объятия! В этом как раз и проявляется Его любовь. Сердце человека Ему важнее его наружного облика.

Однако есть и еще одна особая причина, в силу которой Бог принимает слабых людей и действует через них. Хорошей иллюстрацией для ее понимания является история о принце Эрике. Вспомните песнь, которую люди пели о нем:

„Принц Эрик силен мечом короля, но сильнее он с кинжалом и светильником в руках!“

Всякая борьба между героем и злодеем интересна уже сама по себе. Однако если герой внезапно несет урон, как в данном случае, когда принц Эрик выронил меч, возникает новая ситуация. Положение кажется безнадежным. И если, несмотря на это, он все-таки побеждает потом исключительно благодаря своему искусству, слава его становится тем значительнее, что победа одержана уступающими противнику средствами.

Во многих местах Библии Бог свидетельствует, что действует этим методом для завоевания высшей славы. Апостол Павел призывал христиан в Коринфе обратить внимание на тот факт, что Бог зовет, в основном, к следованию за Собой таких людей, которые, по человеческим масштабам, не мудры, не влиятельны и которые не обладают благородным происхождением. Это значит, что Господь преднамеренно избирает орудиями для Своего дела слабых, страдающих и неспособных людей, чтобы после победы слава принадлежала не нам, а Ему. Не забудьте этого! Именно в немощи и в проблемах, воспринимаемых нами как тяжелейшее бремя, Он использует нас для Своего прославления. Мы – не усыпанный жемчугом меч в Его руках. Мы – скорее кинжал и светильник, которым суждено выполнить труд, предназначенный для меча!

Когда в 1969 году, через два года после несчастного случая, я впервые покинула больницу, я была совсем подавлена. Мне было лишь

19 лет, я лежала на диване и размышляла, какие могли быть у меня надежды на будущее? Мне предстояло жить в кресле-коляске. Я предполагала, что смогу разыскать в Библии ответ на свои вопросы, но мне обязательно нужен был кто-нибудь, кто мог указать ответ.

Но, находясь в таком положении, я была неспособна принимать советы от первого встречного, даже если советы эти были благочестивы. Я вообще не интересовалась всем этим. Нужно меня понять: я обучалась в гимназии, играла в прославленной хоккейной команде, была членом Национального Почетного общества, дружила с капитаном футбольной команды соседней гимназии. Поэтому, если кто-то хотел привлечь мое внимание, ему необходимо было быть особенно интеллектуальным, спортивным и известным молодым человеком.

Может быть, вы думаете, что Бог мог бы послать мне Свой ответ в лице рослого, смуглого руководителя молодежи, который трудится в прибрежной миссии? Такой мог бы привлечь мое внимание. Или, быть может, это был бы студент богословия одного из известных университетов? Конечно, мне мог бы сказать что-то и сам Билли Грем, если б он проводил собрания в нашей округе.

Но, нет. Знаете, кого Бог послал ко мне? Нескладного угреватого 16-летнего юношу! Можно было подумать, что это безнадежное дело, не так ли? И как можно было предполагать, что он сможет мне помочь? Он не был ни руководителем молодежи, ни интеллигентным студен-

том богословия. Он был просто учащийся с громоздкой Библией в черном переплете. Но я прислушалась к тому, что он говорит. Бог воспользовался многими часами, проведенными мною с этим юношей по имени Стив Эст, чтобы вывести меня из состояния подавленности и внутренней напряженности, чтобы раскрыть мне Свое Слово. Богу было угодно открыть Свою силу посредством юноши, а не богословов, людей со специальным образованием или попечителей о душах инвалидов.

Когда сегодня вместе со Стивом мы вспоминаем первое время нашей дружбы, то лишь удивляемся тому, как Бог мог воспользоваться столь необычными отношениями, чтобы совершить переворот в моей жизни. Однако это не должно удивлять нас. Тридцатидвухтысячную армию Гедееона Бог сократил до 300 человек, прежде чем послал ее сражаться с ордами мадианитян. Давид был еще юношей-пастухом, когда Бог избрал его для единоборства с Голиафом – воином-великаном филистимлян. Бог послал Аврааму бесплодную жену, а обещал ему потомство, многочисленное, как звезды небесные. Почему Он действует так? Когда мадианитяне были поражены, мир должен был признать, что победа эта принадлежит не людям, а Богу.

По тем же причинам Бог посылает страдания. Чувствуя свою слабость, мы встаем молитвенно на колени. Бог хочет этого, тогда Его сила наиболее ощутима.

Если кто-то из людей и понимал ценность немощи, так это – апостол Павел. В своем Втором

послании к Коринфянам он подробно пишет о том, что Бог пользуется слабыми людьми.

Очевидно, тогда появилось множество лже-апостолов, пытавшихся отстранить Павла, чтобы привлечь внимание к себе. Они постоянно хвалились своими невероятными достижениями, великим провидением и успешным служением. „А ты, Павел? – насмехались они. – Можешь ли превзойти нас?“ И Павел отвечал им: „Хотите ли вы, чтобы я хвалился? Хорошо, я буду хвалиться. Я сам себе буду казаться тогда безумным, но вы слушайте“. Когда мы читаем это послание Павла, мы можем образно представить себе, как его охваченные завистью, хитрые и коварные соперники вещали о своих великих деяниях, чтобы посмотреть, в состоянии ли он сравняться с ними. Однако, к величайшему удивлению, они услышали, как он указывает лишь на свои немощи и страдания.

„Вы, наверное, хотели бы услышать о моих успехах? Тогда я расскажу вам нечто. Я хотел бы обратить ваше внимание на оказываемые мне почести. Меня заушали. Били. Я был заключен в темницу... Терпел кораблекрушение. Язычники ненавидели меня, а иудеи не переносили“.

Он начинает перечислять свои „отличия“: „Может быть, вам хочется узнать, с каким почетом меня принимали? Однажды ночью меня спустили в корзине по городской стене. Уместнее было б воспользоваться воротами. Но там меня поджидала стража, чтобы заключить в темницу“. А далее – апогей его „защитительной речи“:

„Да, я знаю, что вам бывают видения каждые

несколько дней. Так позвольте мне рассказать о видении, дарованном мне. Это случилось не вчера, а лет четырнадцать тому назад. Как было прекрасно там – на небе. Но я никогда не стану, как это делаете вы, занимать людей рассказами о том, что видел“.

Он продолжает: „Одно только скажу вам. Я так был угоден Господу, что Он даровал мне еще кое-что вдобавок к моим видениям – жало в плоть, чтоб я не слишком много воображал о себе!“ В тот момент насмешки умолкли. Павел смотрит противникам в глаза и говорит, как он сначала реагировал на эти новые, посланные Богом страдания.

„Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня, но Господь сказал мне: „Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи“ (2 Кор. 12, 9).

Следовательно, чем мы слабее, тем сильнее проявляется в нас крепость Божия. Для чего жаловаться, если страдаем и терпим боль? Не лучше ли нам сказать вместе с Павлом: „И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо когда я немощен, тогда силен“ (2 Кор. 12, 9-10).

БОЖЬИ ОКНА

Наш Бог – удивительный Бог. Стоит лишь обратить внимание на чудо рождения, красоту природы, на многообразие нашей солнечной системы. Но даже самые великие чудеса дают лишь слабое представление о том, как могуч и силен Бог, наш мудрый Творец. Богу, однако, присущи и другие черты, открывающиеся в результате греха и страданий людей.

Подумайте, например, о Его любезности. Разве мы могли б дорожить здоровьем, если бы никто из нас не болел? Разве мы ценили бы прощение Божие, если б не сожалели о соделанных грехах? Разве мы могли б знать о Его милосердной любви, благодаря которой Он слышит наши молитвы, если бы у нас не было бед, побуждающих нас молиться? Итак, именно на фоне наших трудностей и проблем проявляется благодать Божия.

Но это еще не все. Наши затруднения помогают людям проявлять добрые свойства. Я хотела бы пояснить эту мысль на таком примере. Представьте себе молодого человека, который интересуется одной молодой девушкой. Он уже давно ищет возможность обратить ее внимание на свою любовь, но не хочет показаться назойливым.

Однажды вечером он возвращался из конторы домой и, как вы думаете, кого увидел возле машины со спущенным колесом у обочины дороги? Именно эту девушку! Он в восторге! Резко затормозив, он остановил машину позади ее автомобиля, включил предупредительные огни и предложил ей свою помощь.

„Очень благородно с твоей стороны, – ответила она. – Однако я не хочу тебя обременять. Ты запачкаешься, я лучше позвоню в мастерскую и вызову мастера исправить мою машину“.

Но он не отказался от своих намерений и начал искать домкрат в ящике с инструментами.

„Мы все исправим в одно мгновение“.

Через несколько минут пошел дождь.

„Сядь в мою машину, чтоб не мокнуть“, – предложил он.

Закрутив последний болт и одев покрышку на колесо, он и сам забрался в машину. Одежда его промокла, брюки закапаны маслом. Она просит прощения, что причинила столько хлопот, но движением руки он останавливает ее.

„Итак, – говорит он, заводя мотор, – мы отвезем проколотую шину на заклею. Я не хочу, чтобы у тебя повторилось нечто подобное и не было колеса в запасе. Пусть твой автомобиль пока постоит здесь“.

Помолчав, он как бы между прочим интересуется:

„Пока будут чинить колесо, мы не могли бы выпить кофе или еще что-то?“

Она улыбается:

„Охотно“.

Итак, смотрите. Разве плохо было, что случилось несчастье? Опоздание, замена колеса под дождем, запачканные брюки – при других обстоятельствах все это было бы неприятно. Но в данном случае молодой человек получил возможность засвидетельствовать девушке свое дружеское и пойти ради нее на жертвы, – а это как раз то, чего ему и хотелось. Она заметила, что он проявляет о ней особую заботу.

Вот как оборачиваются порой наши жизненные проблемы. По существу они являются чем-то однозначно отрицательным, но следствие их иногда таково, что люди больше помогают и заботятся друг о друге. Вспомните мое падение на скользкой автомобильной стоянке, когда я сломала себе носовую кость. Когда окружающие увидели, что я дрожу, они тотчас укрыли меня своими пальто, чтобы согреть. Мы восторгаемся самоотверженностью окружающих нас людей. Но если б в это мгновение я не страдала, у окружающих едва ли бы оказался повод ее проявить.

Кроме того, каждый из предложивших мне свое пальто вынужден был какое-то время мерзнуть сам. Им пришлось „страдать“, чтобы помочь мне. Если бы у каждого из них было, скажем, по шесть пальто и одно из них каждый предложил мне для тепла, то в этом не было бы ничего особенного. Им не пришлось бы мерзнуть, если б они не принесли себя в жертву. Но моя беда побудила их разделить ее со мною, а потому и им пришлось „пострадать“, пусть самую малость. Мои страдания стали предпосылкой их самоотверженности.

Это же самое можно сказать и в отношении того хорошего, что свойственно человеческим помыслам и поступкам. Страдания – это в некотором роде фон для проявления положительных свойств натуры. Если бы нам никогда не приходилось бороться со страхом, мы не знали бы, что такое мужество. Если бы нам не довелось плакать, мы не знали бы, как это хорошо, когда друг оттирает слезы.

Но что во всем этом было общего с Богом? Если я говорю, что страдания способны выявить наши лучшие свойства, то разве я пою хвалу человеческой доброте? Нет! Восхваляя человеческую доброту, в действительности я хвалю и славлю Божию благость. Ведь всякое доброе и благородное дело в этом мире – от Бога (Иак. 1, 17). Любовь и расположение, сострадание и сочувствие, как и всепрощение – все это, по сути дела, исходит от Бога. Мы созданы по Его образу, в том числе и те, которые еще не знают Его. Конечно, грех исказил этот образ, запятнал его. Но тем не менее он все еще в нас, и каждое доброе дело служит доказательством этого.

Среди разного рода страданий чаще всего одно из них направляет людей к Богу – преследование. Наверное, вы замечали, что в ювелирном магазине бриллианты обычно выставляют на фоне темного бархата. Мягкая темная ткань эффектно контрастирует и выгодно оттеняет искусно отшлифованные грани и сияние благородных камней. Таким бархатом и являются те отношения, которым подвергается христианская вера. Всепрощающая любовь, посредством которой

христианин реагирует на гонения, становится тем лучистой и ярче, чем активнее атаки и притеснения.

Новый Завет призывает христиан любить и прощать своих гонителей. Наш мир жаждет истинной любви. Я не имею тут в виду то сентиментальное чувство, которое изображается в романах и театральных постановках, где слова: „Я люблю тебя“, – обычно означают: „Я люблю себя, а потому хочу иметь все, что ты мне можешь дать!“ Я не говорю также о братолюбии. „И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят“ (Лук. 6, 32-33). Я имею в виду ту любовь, которая дорого стоит и сильна даже тогда, когда сам любящий жертвует, зная, что ничего не получит взамен. Чтобы мир мог видеть именно такую любовь, христианам надо решиться следовать примеру Иисуса Христа. Как действовал Иисус Христос? Он любил даже тех, которые бичевали Его. „Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному. Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились“ (1 Петр. 2, 20-24).

Если бы не хулили Иисуса Христа, то как испытали бы силу Его прощения? Если бы Он

был достоин наказания, то что особенного заключалось бы в Его готовности подчиниться ему, не сопротивляясь? Но дело обстоит так, что мир сподобился видеть Его отношение к собственным страданиям, а потому – и познать сущность Божию. Что же было следствием этого? Петр говорит: „Ранами Его вы исцелились“. Быть может, некоторые мои читатели – христиане, чьи семьи, друзья, соседи и товарищи невысокого мнения об их вере. Может быть, они говорят об этом вполне вразумительно. Я бы хотела задать вопрос: Научились ли вы усматривать в этих тяготах ответ Божий на молитвы? Некоторые сердца можно покорить лишь истинною любовью. И эту любовь они ощущают на себе только тогда, когда кто-то, преодолевая вызываемую ими зримую неприязнь, относится к ним дружелюбно. Но если вы дружелюбны к тем, кто дружелюбен по отношению к вам, то что же в этом особенного? И грешники делают то же. Но если к вам относятся скверно, то какое это испытание для вас! Вот тогда-то вы и в состоянии выставить драгоценность прощения ради Иисуса на темном бархате своих мук. Ваши горести превращаются в средство, с помощью которого обнаруживаются величие и слава Божия.

Более десяти лет назад меня навестила в больнице моя подруга Диана. Она пыталась объяснить мне на основании Библии те истины, о которых я говорю в этой главе. Но тогда я просто не могла поверить, что Бог именно потому допустил, чтобы я сломала себе шею, что хотел быть прославлен. Эта теория вызывала впечат-

ление, будто и Сам Бог в какой-то мере эгоистичен.

Но нам следует подумать над этим. Представьте себе, что вы – как Бог – являетесь самыми истинными, самыми праведными, чистыми, совершенными и достойными наибольшей хвалы существами. Все же остальное во Вселенной обладает этими свойствами только благодаря вам, так как в известной степени является лишь вашим отражением, потому что без вас вообще не существовало бы таких свойств.

Если б все было именно так, то каждый каким-либо образом стремился бы быть лучше и должен был бы, в конечном счете, походить на вас. Если бы вы предложили людям поразмышлять над этим, это означало бы, что вы предложили им помышлять о вас. Эгоцентризм других оказался бы ложен, потому что их мысли вращались бы в данном случае вокруг греха и несовершенства. Ваш же эгоизм, напротив, своею целью ставил бы совершенство.

Поэтому если Бог призывает нас помышлять о Нем, то Он хочет, чтобы вы взвесили все, что истинно, справедливо, чисто, достойно похвалы и любви. Но все это часто влечет за собой страдания, вот потому мы и вздыхаем: „О, как все ужасно!“ В действительности же страдания Божии окутаны милосердием. Он ведь знает, как важно, чтобы Его свойства оказались и нашими. Что бы произошло, если бы Бог оставил вдруг нас в „покое“? Представьте себе, что Он никогда б впредь не посылал нам никаких испытаний, обращающих нас к Нему лицом? Наступил ли бы тогда

конец всем страданиям? Ни в коем случае! Мы подвергались бы тогда страданиям намного более страшным. Если б мы были предоставлены самим себе, если б наша грешная природа могла беспрепятственно развиваться, то в своей алчности и ненависти мы б растерзали друг друга.

Но Бог „распределяет“ страдания Своими любящими руками и посылает нам только то, что содействует нашему благу, что приближает нас к Его сердцу. Более того, Он знает: если мы примем Его как своего Спасителя и Господа, то будем некогда с Ним в небесах, где не существует страданий.

КОГДА НИКТО НЕ ВИДИТ

До сих пор я почти исключительно говорила о том, как наше поведение в испытаниях действует на других людей. Ведь это великое дело: тот метод и способ, благодаря которым мы справляемся с нашими бедами, способен внушить другим мужество и побудить их воздать Богу славу.

Однако некоторые мои читатели, может быть, очень редко встречаются с другими людьми. Может быть, они уже в пожилом возрасте или одиноки, редко посещают кого-то или их навещают тоже не часто. Их прежняя общественная активность уступила место более спокойному образу жизни. Они, возможно, много читают, любят домашних животных и трудятся в небольшом садике. „Как мои бедствия могут принести пользу ближним? – могут спросить они. – Это невозможно!“ Да и как, собственно, ваше поведение в испытаниях может послужить делу Божию, если никто этого не видит?

Или как обстоит дело с теми, кто соприкасается с множеством людей, не вступая, однако, в более тесный контакт с ними? Может быть, они беседуют друг с другом исключительно о погоде, спорте или моде, вообще никогда не касаясь истинных и серьезных вопросов жизни, лиша-

ющих человека сна и заставляющих его переживать и волноваться. Ваши товарищи по работе, которых вы встречаете у проходной милой улыбкой, говоря „доброе утро“, часто не имеют ни малейшего представления о ваших проблемах. Конечно, некоторых вещей не доверишь первому встречному. Ваши бедствия и тот способ, посредством которого вы преодолеваете их, не окажутся, конечно, помощью для других, если они ничего не знают об этом.

Может быть, вы станете еще малодушнее, если узнаете, что те немногие, которые видят, как вы принимаете свои страдания из рук Божиих, остаются к ним совсем безучастными. И когда вы не в состоянии влиять ни своим образцовым поведением, ни помощью, получаемой от Господа Бога, вы чувствуете себя подобным кандидату на политических выборах, который пожертвовал своей профессией и большой суммой денег, но в итоге ничего не добился. Все усилия оказались тщетными и напрасными! Страдания без смысла – разве это не страшная мысль? Если необходимо страдать во имя веры, тогда да. Ради семьи – конечно. Даже, может быть, ради своих желаний. Но ради ничего? Какая трагедия!

Если кто-то из моих знакомых не страдал напрасно, то это Денис Уолтерс. Читатели моей первой книги, наверное, помнят, что она была одной из четырех больных девушек со мною в палате. Мы лежали в реанимации в „Зеленых Дубах“ вместе с Бетти Гловер, Б. Джуди и Анной. Приблизительно за полтора года до того, как я попала в больницу, Денис ходила в последний

класс гимназии в Балтиморе. Она была красивой девушкой, все ее любили. Однажды утром на перемене она споткнулась на лестнице, когда вместе с одноклассницами, прыгая, спускалась по ступенькам. Тогда никто не понял, что случилось. Подружки помогли ей стряхнуть пыль с платья и собрали рассыпавшиеся книги.

„Ты становишься неуклюжей. Стареешь!“ – подтрунила одна из подруг.

„Я не знаю, что случилось, – возразила Денис, вставая после падения. – Я чувствую какую-то слабость в ногах“.

„Вероятно, все это следствие твоей “чудо-диеты“, – заметила ее самая близкая подруга. – Тебе совсем нет необходимости еще терять вес, ты и так стройная, так что можешь есть в обед больше, нежели морковку и яблоко“.

„Ты права“, – согласилась Денис, и все отправились в класс.

Однако к вечеру она уже еле могла ходить. Дома она сразу легла в постель, а когда хотела встать ужинать, ноги уже не слушались. В скором времени были парализованы ее руки и она ослепла. Это был необычный случай рассеянного склероза.

Когда Денис Уолтерс лежала неподвижно в больнице в „Зеленых Дубах“, она уже знала, что значит страдать. Она не могла смотреть телепередачи, не могла посмотреть в окно. Она даже не могла читать и обреченно зависела от того, найдет ли кто-либо время сесть с ней рядом и почитать. И говорить много ей было трудно. Она знала, что вскоре умрет, и это причиняло ей

большие страдания. Иногда подруги навещали ее. Однако со временем эти визиты становились все реже и реже. В конце только мать и посещала ее: это была хорошая верующая женщина, которая каждый вечер читала своей, тоже чтившей Иисуса, дочери отрывок из Библии и молилась вместе с нею. Удивительно, что Денис никогда не жаловалась. Может быть, вы думаете, что Бог допустил ее страдания, чтобы показать людям ее терпение и таким образом обратить внимание на Себя? Нет, все было не так. Прежде всего потому, что только очень немногие видели ее тогда. Ее мать и мы, ее подруги по палате, были, кроме больничного персонала, едва ли не единственными, с кем она вообще находилась в контакте. Но и мы, лежавшие рядом с нею, чаще всего беседовали о чем-то поверхностном, так что то, что творилось в ее душе, внешне совсем не проявлялось. Насколько я могла судить, никто не видел и не наблюдал ее любовь к Богу и то, как она подчинялась Его воле. Самое печальное, что буквально ничего не менялось, когда в порядке исключения луч ее любви и веры проникал сквозь завесу нашей духовной слепоты. Никто ни разу не сказал ей: „Я хотел бы приобрести тот внутренний мир, которым ты обладаешь. Как мне приобрести его?“ Ее страдания казались подобными драгоценному дождю, падающему на поверхность моря, хотя неподалеку люди среди песков изнемогают от жажды. Денис умерла через пять лет после того, как я покинула „Зеленые Дубы“. Когда я узнала об этом, мне пришлось бороться с достаточно противоречи-

выми чувствами. Конечно, я радовалась, что ей уже не приходится более страдать, что теперь она у Господа. Однако меня так и не покидал вопрос о тех, как будто лишенных смысла, страданиях ее перед смертью, длившихся месяцами. Когда однажды вечером мы с Дианой и Стивом беседовали возле камина, я высказала им свои мысли. Диана ненадолго задумалась и сказала:

„Судя по высказываниям Денис, не следует думать, что сама она считала свои страдания лишенными смысла“.

Внутренне я с нею была согласна, хотя и не могла понять, почему.

„Диана, ты же видела девушек в нашей палате. Ты ведь навещала меня достаточно часто. Мы никогда не понимали Денис“.

„Может быть, – ответила Диана, – но она знала, что вы не единственные, кто наблюдает за нею“.

„Диана, но кто же это мог еще быть? Чуть не каждую минуту к нам в палату заходили медсестры. Они были слишком заняты своим делом, чтобы выслушивать Денис. Да и вообще удивительно было б, если бы Денис вдруг начала говорить“.

„Я имею в виду не медсестер, – сказала Диана, посмотрев мне в глаза, – я говорю о Боге и невидимом мире, об ангелах и демонах. Люди, может быть, и не обращали на нее внимания, а эти духовные силы несомненно наблюдали за ней“.

Конечно, и я знаю, что Бог постоянно смотрел на Денис, хотя и вынуждена признаться, что я это

не всегда чувствовала. А вот ангелы и бесы? Я никогда не думала, что и они смотрят на нас.

А между тем Диана продолжала:

„Джони, Библия явно указывает на то, что невидимые силы наблюдают за помышлениями и чувствами каждого. Дух даже самого обычного и заурядного человека является полем сражения, на котором проявляют себя самые могучие силы Вселенной“.

Я заметила, что Диана очень быстро ухватилась за тему, как это часто бывало с нею, и я нарочно прервала ее, чтобы она не спешила.

„Диана, все это звучит почти как откровение из романа о будущем. Можешь ли ты предложить в доказательство соответствующие места Писания?“

Она, казалось, только этого и ждала. Диана и Стив читали со мною Священное Писание при слабом свете огня камина и единственной лампы.

„Конечно, ангелы очень беспокоятся за людские дела“, — сказала Диана с воодушевлением.

Затем она раскрыла свою Библию и прочла стих. Указывая на место в Евангелии от Луки (15, 10), она сказала:

„Послушай! Так, говорю вам, бывает радость у ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся“. Я повторила еще раз этот стих про себя.

„Можешь ли ты представить себе это?! — воскликнула она. — Это значит, что ангелы Божии действительно радуются, когда человек решается идти правильным путем!“

„Веришь ли ты, что они и сейчас смотрят на нас?“ – спросила я, осматривая украдкой комнату, словно в ожидании, что сейчас услышу шорох за занавеской.

„Конечно, – включился в разговор Стив. Он взял Библию и открыл Послание к Ефессянам 3, 10. – Здесь еще есть один стих, свидетельствующий, что невидимые силы наблюдают за нами. Посмотри, Бог действует в Своих детях и Своей Церкви, чтобы показать ангелам и бесам, как Он мудр и силен“.

„Действительно! – воскликнула я, сияя. – Наша судьба напоминает классную доску, на которой Бог пишет для нас урок о Себе. Следовательно, страдания Денис не были напрасны. Хотя и мало кто заботился о Денис, она знала, что в ее больничном одиночестве за ней наблюдают очень, очень многие“.

Через несколько лет после этого разговора с Дианой и Стивом мне пришлось выступать как-то воскресным вечером в одной из церквей в окрестностях Балтимора. В своей беседе я кратко упомянула о Денис и о ее непоколебимой вере во время болезни. После собрания ко мне подошли две женщины и сказали, что мать Денис работает вместе с ними. Они едва могли дождаться утра в понедельник, чтобы, придя на работу, рассказать миссис Уолтерс о том, что я говорила о ее дочери.

Это было действительно удивительно! Я уже давно испытывала желание побеседовать когда-нибудь с миссис Уолтерс, сообщить ей о том, что Диана и Стив доказали мне на основании Библии, но я не знала, где разыскать ее.

Поэтому я попросила этих женщин: „Могли бы вы передать кое-что миссис Уолтерс? Скажите ей, пожалуйста, что страдания Денис не были напрасны. Я знаю, что вполне может показаться, будто она провела эти восемь долгих лет на одиноком одре болезни почти без смысла и цели. Однако ангелы и бесы с удивлением смотрели, как эта девушка никогда не жаловалась и не проявляла нетерпения. Это шло к Богу с земли, подобно благоуханию“.

Быть может, некоторым из вас приходится переживать то же, что переживала Денис. У вас никого нет, вы совсем одиноки. Но если вы когда-нибудь испытаете искушение и станете думать, что ваша борьба с испытаниями всем безразлична и вообще бесполезна, прежде чем отказаться от нее, прочтите строки, о которых мы втроем в тот вечер беседовали возле камина. Может быть, тогда вам станет ясно, что все-таки кто-то смотрит на вас, кто-то заботится о вас. Может быть, вы даже удивитесь тому, что прислушиваетесь — не слышен ли легкий шорох ангельских крыльев?

БОГ СОКРУШАЕТ И ФОРМИРУЕТ НАС

В течение всех минувших столетий обетование Божие, записанное в Послании к Римлянам 8, 28, было самым любимым стихом многих христиан: „Притом знаем, что любящим Бога, призванным по *Его* изволению, все содействует ко благу“. В своей первой книге я уже говорила о том, что, по моему мнению, этим „благом“, которому содействует все, является для меня возможность вновь пользоваться своими конечностями, посещать университет, выйти замуж и создать семью. Но затем один из друзей обратил мое внимание на следующий далее стих, показав, что этим действительным „благом“ является все то, что принесли мне мои испытания. „Ибо, кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего“. Великий Скульптор взял в руки резец страданий и удаляет теперь из моего характера все, что еще мешает мне быть подобной сущности Иисуса Христа.

Я вынуждена признаться, что мысль о том, будто Бог посылает мне испытания ради моего „блага“, чтобы уподобить меня более Иисусу Христу, вначале совершенно не отвечала моим представлениям. Я вела себя, как ребенок, заслуживший наказания, которому приходится слы-

шать старую песню: „Мне гораздо больнее, нежели тебе!“ Как может Бог утверждать, что Он допустил это только потому, что Он любит меня? Хороша же эта любовь!

Я вспоминаю также и то, как однажды натолкнулась в книге К. С. Льюиса „О страданиях“ точно на такой же вопрос: как может Бог любви допускать существование в мире обилия страданий и болезней? Все, что говорит Льюис, верно, но одно стало особенно понятно мне: многие из нас, кто упрекает Бога в том, что Он вообще не является Богом любви, часто касаются только одного аспекта любви – Его дружелюбия и представляют дело так, будто в этом все и заключается. А как же обстоит дело в отношении других аспектов любви? Любить – это назидать, увещевать другого, побуждать жертвовать самым лучшим. Если мы полагаем, что „любить“ – это щадить другого, оберегать его от страданий и неприятностей, тогда Бог действительно не всегда является любящим Богом. Далее говорит Льюис, что от людей, более любимых нами, мы и ожидаем более, нежели от других. Я знала, что он прав. Как художница, я обычно мирилась с ошибками в рисунках, которые меня менее увлекали или интересовали. Но если картина мне особенно нравилась, я работала над ней сколько могла, постоянно улучшая ее. Подобным образом обращается с нами Бог. Когда мы просим Его, чтобы Он оставил нас в покое, не „подчищал“ нас, тогда мы просим Его о том, чтобы Он нас меньше любил!

„Охотнее всего мы желали б иметь такого

Бога, Который на все, что только приходит нам на ум, отвечал бы утвердительно, только б мы были довольны! Фактически мы хотим иметь доброго дедушку, старичка, который доволен нами, а не Отца Небесного. И этот добрый дедушка в конце каждого дня готов был бы сказать: „Сегодня опять был прекрасный день!“ (К. С. Льюис)

Бог любит нас, и если Он допускает в нашей жизни страдания, то преследует одну цель — сделать нас более подобными Иисусу Христу. А как же тогда обстоит дело со страданиями? Существует ли какая-то таинственная взаимосвязь между нашими проблемами и нашим благочестием? Становимся ли мы автоматически святыми, если мы слабы и беспомощны? Конечно, нет. Многие тюремные камеры могли бы сегодня быть пустыми, если бы мужчины и женщины, которые должны отбывать там наказание, хорошо изучили бы преподнесенные им в юные годы уроки. Но некоторые из них, к сожалению, становились тем жестче, чем больше ножевых ран наносили, и все чаще попадали в тюрьму. Они ничему не научились в своих испытаниях. Если же Дух Святой получает возможность потрудиться над сердцем человека, тогда оправдывается старая пословица: „То же солнце, которое сушит глину, расплавляет воск“.

Как же происходит этот процесс плавления? Начинаем ли мы через испытания думать положительно, помогая себе справляться со своим положением? Нет. Конечно, нам необходима сила воли, если мы хотим следовать примеру Иисуса

Христа и уподобиться Ему. Но чем больше мы напрягаемся, тем более отстаем. Собственно, мы уподобляемся перчатке, которая пытается воспроизвести форму человеческой руки. Но как перчатке нужна рука, так нам нужен Христос, чтобы Он Сам мог проявлять Себя через нас. Эту мысль апостол Павел выражает словами: „Потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению“ (Фил. 2, 13). Теперь, когда мы знаем, кто уподобляет нас Иисусу Христу, попытаемся понять, как происходит этот процесс.

Если мы в жизни хотим достичь чего-то хорошего, то нас прежде следует сокрушить. Это значит – когда мы смиряемся, мы уже не осуществляем свою волю и сознаем свою греховную сущность. Когда мы становимся детьми Божиими, мы бываем обычно вполне сокрушенными. И с нами тогда происходит то же, что с бедным человеком, который внезапно разбогател: вскоре мы забываем, из какой среды мы вышли, из какой бездны извлек нас Бог. Постепенно гордость и самомнение опять проникают в наше сердце, все происходит иначе, нежели в первые недели нашей новой жизни с Иисусом Христом, теперь мы просто допускаем „малые“ грехи, не обращая на них внимания.

Чтобы не потерять окончательно духовной жизни, Бог начинает наказывать нас. Может быть, нам кажется, что Он оставил нас, что Он желает „обменять нас на новую модель“, которая причинит Ему менее беспокойства. Но именно Его наказание доказывает, что мы дети Его,

потому что отец не наказывает сына, который не принадлежит ему (Евр. 12, 7-8). Наказание является также доказательством того, что Он любит нас, ведь мудрые родители наказывают своих детей, если они действительно любят их (Евр. 12, 5-6). Когда однажды мы окажемся пред престолом Божиим, чтобы получить награду, мы будем рады и благодарны за то, что Бог, несмотря на всю нашу греховность, не предоставил нас самим себе на земле!

Для некоторых детей вполне достаточно строгого отцовского взгляда, чтобы они проявили послушание, а для некоторых нужны розги. Так и Бог вынужден пользоваться различными средствами, чтобы сокрушать Своих различных по характеру детей. Порою вполне достаточно простых угрызений совести, чтобы смирить нас. Нас может обличить какая-нибудь проповедь или же мы увидим свою недостойную христианскую жизнь, читая жизнеописание одного из „великих в Царстве Божием“ и сравнивая себя с ним. В другой раз потребуется, может быть, травма руки, финансовое затруднение или бедствие.

Каким бы методом не пользовался Бог, мы, возможно, скажем под первым ударом, который почувствуем: „С этим я справлюсь. Никто не принудит меня встать на колени!“ Однако когда Бог начнет прижимать нас крепче, мы постепенно заметим, что нет в нас ничего хорошего, что Он хочет выкорчевать наше отвратительное своеволие и насадить в нас Свою сущность. Однако нам не следует забывать одного: если Бог насаждает Свою праведность вместо нашей гре-

ховности, Он не превращает нас в роботов, — Он освобождает нас, чтобы мы были такими, какими нам положено быть.

Мне необходимо было сломать себе шею, чтобы в тишине поразмыслить о правах Господа Иисуса Христа. Как и каждый из нас, я тоже должна очищаться. Когда мне хочется пить, я должна ждать, пока кто-то подаст мне стакан воды. Если емкость для мочи закупорена неплотно, я пятнаю сиденье в автомобиле моего друга или подруги. Это два средства, которыми пользуется Бог, чтобы держать меня в правильном духовном состоянии. Но очень часто Он использует в качестве орудия мою нечистую совесть: это чрезвычайно действенное оружие в Божественном арсенале страданий.

Приблизительно год тому назад Бог воспользовался этим оружием однажды ночью, когда я лежала в постели и беседовала со своей сестрой Джей. Мы обе понимали, что ее дочь Кей является в свои двенадцать лет настоящей молодой девушкой. Нас радовал тот факт, что она посещала христианскую школу и делала успехи в духовной жизни. В дальнейшем разговоре мы коснулись Кати, дочери наших соседей, и ее духовного состояния. Она была лучшей подругой нашей Кей. Катя постоянно заглядывала к нам. Это была живая, подвижная, увлекающаяся девочка, как и Кей. Так как очень трудно разговаривать с Катей или побудить ее к тому, чтобы она посидела спокойно, то мы еще никогда не говорили с ней о Господе Иисусе. Поэтому несколько недель тому назад мы пригласили ее к

себе, чтобы по телевидению посмотреть и послушать Билли Греема. Когда мы сидели у экрана и жевали соленые палочки, Катя внимательно слушала. После окончания его речи она, не обращаясь к кому-либо из нас непосредственно, сказала: „Если бы я была на стадионе, я тоже вышла бы вперед“. Мы с Джей переглянулись, но поговорить с ней не удалось, так как ей надо было домой.

Я знала, что мне следует воспользоваться этой возможностью, потому что меня она прежде всего послушала бы. Кей мне сказала, что Катя прочла мою книгу, и я знала, что она любит меня. Она всегда была готова принести мне стакан воды и оказать небольшие услуги. Она даже сказала моей сестре Джей, что считает меня замечательным человеком. К сожалению, Катя вынуждена была уехать вместе со своими родителями на следующий день. А затем я была чем-то занята. Так миновал месяц, и казалось, что не предвидится никакой возможности побеседовать с ней. Я была занята приготовлениями к моим ближайшим выступлениям, так что разговор с Катей отодвигался в будущее.

В тот вечер, когда я беседовала с Джей, я как раз возвратилась домой после одного из этих путешествий. Я устала и телесно, и духовно и хотела немного „разгрузиться“, а поэтому у меня не было желания беседовать о трудных вещах. Когда Джей, причесываясь, появилась из ванной комнаты, она спросила меня, как бы мимоходом, беседовала ли я уже с Катей о Господе Иисусе.

– Нет еще, – пробормотала я недовольным тоном. У меня просто не было желания говорить на эту тему. Но когда я попыталась сосредоточиться на вечерних последних новостях, заговорила моя совесть.

Чтобы свалить с себя вину, я вскоре спросила Джей:

– Почему же ты сама не поговорила с нею?

– Послушай, Джони, – возразила Джей, – ты ведь гораздо ближе к ней, нежели я. Ты знаешь, как она относится к тебе.

Моя раненая гордость была задета, и я стала упрямо защищаться. – У меня просто не было времени, – сказала я ей.

– Так-так! – воскликнула Джей. – У тебя находится время, чтобы носиться по всей стране и возвещать Евангелие, а для лучшей подруги своей племянницы у тебя нет времени!

Это меня сразило.

– В честь чего это, собственно говоря, каждый ожидает от меня, будто я должна наставлять весь мир?! – воскликнула я с раздражением и стала защищаться всевозможными отговорками.

Но как только я закончила свою „речь“, я начала испытывать угрызения совести. Так как я не могла встать и выйти из комнаты, то закрыла глаза и отвернулась в сторону, чтобы закопаться в подушках. Сердце стучало, жгучие слезы катились по моим щекам. Я просто не хотела согласиться, однако знала, что Джей права.

После того, как свет в доме погас, маленький проектор в памяти начал пропускать в моей голове ленту о целом промежутке истекшего

времени, которое я провела вместе с Катей, когда она опорожняла мой сосуд с мочою, поправляла мольберт или, хихикая, рассказывала о своих знакомствах с ребятами. Тогда я могла бы часто использовать возможность поговорить с ней о более серьезных вещах. Мне совсем нет нужды подчеркивать, что я была „повержена на землю“. Моя гордость была сокрушена. И кроме того, я увидела внезапно в свете славы Божией все свое ничтожество.

„Бог теперь, несомненно, страшно гневается на меня“, – думала я. Но, размышляя дальше, я поняла, что эта мысль была ошибочной. Я вдруг вспомнила один стих из Послания к Ефессянам. Апостол Павел призывает там не огорчать Духа Божьего (Еф. 4, 30). Я думаю, что эта мысль как раз и является верной. Он не гневается на меня, но огорчен мною, так будет правильнее.

Затем я вспомнила одну проповедь, которую однажды слышала. Пастор хотел объяснить своим слушателям, что Иисус Христос Своей смертью вполне рассчитался за наши грехи. „Когда Иисус висел, страдая на этом страшном кресте вне стен Иерусалима, – сказал он, – казалось, что Бог смотрел на Него огненным взором, обвиняя Его: „Иисус, зачем Ты сказал эту ложь? Почему Ты обманывал, почему Ты был алчен и похотлив? Вот, Я наказываю теперь Тебя за все это!“ Конечно, Иисус Христос не совершил ничего подобного, но мы грешим, и каждый отдельный грех, который совершили вы, который совершил я, обременял Его там“.

Я представила себе, какое впечатление произ-

вело на Иисуса Христа несправедливое обращение. Далее этот пастор сказал: „Он страдал так, будто Сам совершил все эти грехи, а потому Ему пришлось пройти через неопикуемый ужас, вот Он и воскликнул тогда: „Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты оставил Меня?“ И знаете, для чего Он был оставлен? В тот день Бог оставил Своего Единородного Сына, чтобы простить нам все наши грехи и чтобы Он мог сказать нам: „Не оставлю тебя и не покину тебя“. Поэтому, дорогой друг, если ты принял Иисуса Христа как своего Спасителя и Господа, то знай, что весь гнев Божий за твои грехи излился на Иисуса Христа, а потому Он уже больше не гневается на тебя“.

Бог больше не гневается на меня! Мне ужасно стыдно. Благодать Божия привела меня к раскаянию (Рим. 2, 4). „Боже мой, – прошептала я, – я ношусь по миру, чтобы сказать людям о Тебе, а вот со своей непосредственной соседкой Катей еще не говорила. Прости меня, что я была так слепа и так сильно огорчала Тебя. Прости меня за то, что свои собственные удобства почитала выше Катиного спасения. Но я благодарю Тебя за то, что Ты, несмотря ни на что, все-таки любишь такое вредное насекомое, как я“.

Если вас смущает это выражение, я хотела бы добавить, что под вредными насекомыми я подразумеваю все отвратительные маленькие создания, ползающие по земле, питающиеся всякой гадостью и достойные только того, чтобы их раздавили! У Давида было почти то же внутреннее чувство, когда он сказал в Псалме 21, что он не человек, а червь. В противоположность

змее, которая способна подымать голову, шипеть и жалить, червь не способен защищаться. Он знает, что его могут растоптать в любое мгновение. Вот такой я представляла себя в ту ночь. Я знала, что нет во мне ничего хорошего. Я была полностью сокрушена, в таком состоянии Бог и хотел видеть меня.

Хотя я не сознавала этого, но именно тогда, когда Бог сокрушал меня, Он делал меня более подобной Своему Сыну Иисусу Христу. Ведь и Сам Иисус Христос был примером сокрушенного человека. Но не потому необходимо было преобразить Его, что Он был грешником и сопротивлялся Богу. Ни в коем случае! Но Он оставил славу небес, чтобы стать Человеком, подчинившись таким образом воле Своего Отца. Так и мы подчиняемся Богу, когда позволяем себя сокрушить. По сути дела, в сокрушении вопрос касается, главным образом, необходимости знания, что фактически у нас нет никаких прав формировать свою жизнь в соответствии со своей волей, нам необходимо подчинить себя воле Божией. Примером для нас является Иисус Христос, Который, „будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной“ (Фил. 2, 6-8). Такова была сущность Иисуса Христа!

Андрей Мюррей сказал однажды, что, как вода ищет низину, чтобы наполнить ее, так и Бог желает наполнить нас сущностью Своего Сына,

если мы опустошены, сокрушены и смиренны. Собственно, одной этой точки зрения уже достаточно, чтобы пробудить в нас твердую уверенность, что даже ради наших тяжелых страданий „стоит потрудиться“.

Так, как я говорю сейчас об исполнении, я хотела бы рассказать, какой великой радостью я исполнилась, когда Катя и Кей на следующее утро вбежали в мою спальню. Мне кажется, я никогда еще в своей жизни так не радовалась встрече с конкретным человеком. Побеседовав несколько минут с Катей о Господе Иисусе, я заметила, что Дух Святой уже начал в ней Свое дело, а потому и приготовил ее сердце.

Когда мы склонили свои головы и Катя в простых словах просила о том, чтобы Иисус Христос как Спаситель и Господь вошел в ее жизнь, я не могла противостоять искушению взглянуть на нее. „Ты знаешь, о Боже, – молилась я с радостью, – сокрушение причиняет боль на какое-то мгновение, но потом удостаивается награды“. „Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью“ (Евр. 12, 11).

Бог направляет наше внимание на духовные вещи

Наказание имеет ценность, однако Бог в состоянии использовать страдания и другим, более положительным путем, чтобы более уподобить нас образу Иисуса Христа. Представим себе, например, как хороший отец обращается со своим девятилетним сыном. Всякий раз, когда мальчик

сделает что-то скверное или не проявит послушания, папа наказывает его. И даже в том случае, когда этот мальчик действительно является хорошим, отец тем не менее предлагает ему определенную работу, которая столь же неприятна девятилетнему, как и наказание. Может быть, ему необходимо дважды в неделю выносить ведра с мусором или косить газоны, или откладывать часть карманных денег. Во всяком случае, этот мальчик мог бы подумать: „Потому что папё приходится работать весь день, он и мне не дает возможности радоваться“. Но это неверно. Отец хочет только привить сыну чувство ответственности, чтобы, став взрослым, он способен был правильно жить в мире.

Порою мы уподобляемся этому девятилетнему мальчику. Мы уверяем себя, что Бог попускает нам страдать потому, что „желает даровать нам радость“. Но фактически Он хочет отвлечь наши мысли и чувства от игрушек этого мира. В Послании к Колоссянам 3, 1-4 речь именно о том, чтобы нам направлять свои чувства и мысли не на преходящие дела этого мира, а на небесную славу, туда, где Иисус Христос сидит одесную Бога.

Когда я еще ходила, мне было очень трудно помышлять о горнем, о небесном. Дела и вещи этого мира крепко держали меня в своем плену. Меня увлекали встречи с парнем, который мне нравился, вождение автомобиля, поступление в тот колледж, куда хотелось поступить, и те друзья, которых я хотела иметь. Однако когда мне стало окончательно ясно, что я уже никогда не смогу ходить, танцевать, плавать, ездить на

лошади, играть на гитаре, управлять автомобилем и заниматься спортом – я вынуждена была помышлять о небе. Это не было бегством от действительности или каким-то замещающим удовольствием. Но я все более начинала понимать, что иначе у меня нет никакой надежды на постоянное счастье. Затем мое внимание привлекли те места Библии, где говорится о целях, которые Бог преследует в нашей жизни и которые, к сожалению, представлялись мне раньше ужасно скучными. Теперь же я читала их весьма внимательно, как акционер читает биржевые ведомости. Теперь я изо дня в день живу в свете вечности, и для меня это уже стало привычкой, так что я почти забыла о том, как я раньше жила и думала. Но недавно Бог опять мне напомнил об этом.

Случилось это однажды уютным вечером в кругу друзей на нашей ферме. Мой шурин перебирал струны гитары, а мы, сидя вокруг, беседовали, смеялись и пели при свете горящего камина. Нашей жилой комнате, которая прежде была помещением для слуг, более 150 лет. Потолочные балки взяты были от какого-то старого парусника. На оштукатуренных стенах висели простые картины кисти моего отца с изображением сцен из жизни старого Запада. У камина были сложены дрова, а на противоположной стене висело индейское покрывало ручной работы. Вся комната была наполнена теплым, уютным светом.

Я чувствовала себя в своем кресле уютно, тогда как другие сидели на диване, в креслах или

просто на ковре, прислонясь спиной к стене. Потом один из юношей пересадил меня на диван рядом с моей подругой Бетси. После того, как она положила мне ногу на ногу, я выглядела, несмотря на держатели, в которых покоились мои руки, столь „нормально“, что всякий посторонний человек, который не знал меня, никогда не заметил бы, что я парализована.

В течение какого-то времени я просто, откинувшись назад, прислушивалась к смеху, хлопанию в ладоши и пению. Бетси спросила, как я чувствую себя на диване.

„Знаешь ли, это действительно интересно, – ответила я, подумав и окинув взглядом комнату. – В сорок пять минут, что я сижу здесь на диване, я ловлю себя на мысли, как легко могла бы забыть Бога, если бы была здорова“.

Знаете ли, когда я сидела на диване и выглядела вовсе непарализованной, я легче могла представить себе, как бы это было, если бы я могла что-нибудь делать из того, что делает нормальный человек: принести стакан колы из холодильника, поставить пластинку и включить проигрыватель, направиться к двери, когда раздастся звонок. Я заметила также, что очень легко оказалась бы в плену жизненных мелочей, а потому вынуждена была бы забыть Бога.

Многие, конечно, не помышляли бы о Боге, если б Он не обращал их внимания на Себя посредством каких-либо проблем. „Когда мы погружаемся в наслаждение, Бог шепчет нам укорами совести. Когда же нас постигают скорби, Бог вопиет к нам. Страдания являются той

трубою, посредством которой должен пробудиться глухой мир“, – пишет К. С. Льюис.

Мы могли бы дожить до самой смерти, ни на мгновение не задумываясь о Боге и не помышляя о вечном спасении. Вот поэтому Бог посылает нам в Своей благодати скорби и страдания, которые „блокируют путь в ад“.

Однажды Павел и Тимофей писали, что Бог послал им особенно суровые испытания, чтобы они уповали не на самих себя, а только на Него одного (2 Кор. 1, 8-9). Эти слова я могла отнести к себе в тот вечер. Мое кресло постоянно напоминает, в какой мере я зависима от Бога. Когда я испытываю внезапно боль в спине, когда корсет мучит меня или когда я страдаю от появившихся пролежней, я более и более уясняю себе, насколько я беспомощна. Таким образом, Бог указывает мне, что Он обладает на меня правом. Такие помышления и ожидания указывают путь к небу. Они все более уподобляют Господу Иисусу Христу.

Не бывает ли у вас иногда желания одновременно выполнять два дела? Мне порою этого хочется, и я знаю, что я тут не одинока. Мы иногда похожи на человека, который из-за приятного климата охотно хотел бы жить на юге, во Флориде, но ему предложено прекрасное служебное место в Новой Англии, на севере. Необходимо принять соответствующее решение, хотя мы охотнее всего жили б и там, и там одновременно. Эта трудность выбора между двумя противоположными желаниями знакома особенно христианину. С одной стороны, Дух Святой побуждает

его к тому, чтобы любить Бога и помышлять о том, что хорошо и истинно. А с другой стороны, его постоянно искушает его собственная грешная природа. Он охотно жил бы в двух мирах, но ему необходимо сделать выбор в пользу одного.

Если вопрос касается „грубых“ грехов: убийства, пьянства или прелюбодеяния, – то нам, пожалуй, не составляет большого труда быть послушными Иисусу Христу. Вот только нам трудно отказаться от так называемых „малых“ грехов – забот, недовольства, ропота, а потому с нами случается так, что одной ногой мы стоим в Царстве Божием, а второй – в мире. Так как эти грехи не так бросаются в глаза, как другие, то мы, вероятно, никогда серьезно не стали бы размышлять о них, если бы Бог не понуждал нас к этому. Так как в очах Божиих и „малые“ грехи являются великими, Он побуждает нас размышлять о них, подвергая страданиям.

Вам, конечно, легко представить себе, что я часто испытывала искушение негодовать, заботиться, жаловаться, огорчаться, когда в начале своего пребывания в больнице боролась с тем, чтобы понять внутренний смысл постигшего меня паралича. В глубине сердца я знала, что такие чувства не истинны. Но я пыталась защищаться: „Бог, конечно, не будет иметь ничего против того, что я порою буду реагировать на все несколько необычно. В конечном итоге я ведь парализована!“ Через несколько месяцев моего пребывания в больнице мое положение ухудшилось: я узнала, что необходима операция копчика, чтобы сгладить выступавшие через кожу кости.

После этой операции я в течение двух недель лежала в раме вниз лицом, пока раны зажили. Тот, кто не испытал этого, не может представить себе, как тяжело лежать в этой раме. Лицо просунуто в отверстие, через которое больной может видеть лишь то, что находится непосредственно под ним. А под моим носом находился только пол. „Оказывается, недостаточно того, что я уже парализована, необходимо было еще растянуть меня на этой раме пыток, когда я могу считать только каменные плитки на полу, вообще не двигаясь!“

Если бы Бог не отвлек меня от таких размышлений, я причинила бы себе большой вред. Все глубже и глубже погружаясь в это болото, я не могла бы быть полезной Богу. Что же Он сделал тогда? Он умножил число моих проблем! В первый же день моего двухнедельного лежания, когда я была растянута, как колбасный ломтик, Он в качестве „гарнира“ добавил еще вирусный грипп! Внезапно вся моя неподвижность перестала быть проблемой в сравнении с затрудненным дыханием. Вдобавок эти страшные, стучащие, как молот, головные боли! Я реагировала с возмущением: „Разве недостаточно того, что я уже выстрадала?“ Но когда я стала размышлять об этом, я внезапно поняла, что делает Бог. Он открыл мне глаза на меня саму. Мое возмущение оказалось не слабенькой струйкой, а совершенно открытым, ревающим и уносящим все потоком. Мне казалось, будто Он заставил меня взглянуть на мой гнев со стороны, а затем любящим, но твердым голосом сказал: „Перестань постоянно

смотреть в другую сторону. Посмотри сюда! То, что ты делаешь, – грех. Как ты относишься к этому?“ Он понуждал меня принять решение.

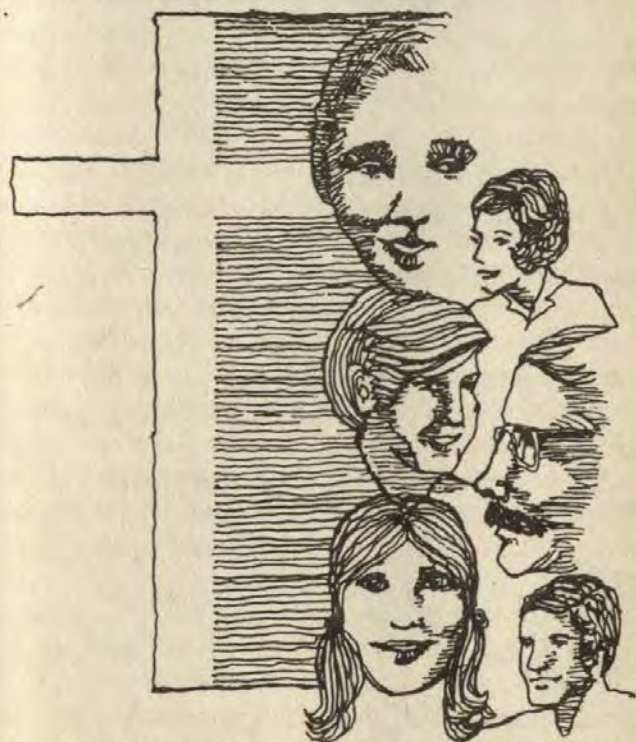
Бог загнал меня в угол, и все мы время от времени нуждаемся в этом. Я вынуждена была посмотреть фактам в лицо, а затем принять решение: подчиниться ли Иисусу Христу в этом отношении или нет? Натиск оказался столь сильным, что у меня оставалось только две возможности: или довериться Ему полностью, или согласиться на роскошь кратковременной жизни во гневе и возмущении. Когда определились два эти пути, я почувствовала облегчение, хотя это были два совершенно различных снадобья, не смешиваемых друг с другом. Необходимо было сделать выбор. Нейтралитет был невозможен.

Когда я оказалась перед ультиматумом, мне сразу же стало ясно: если я не последую за Иисусом Христом, я тотчас же окажусь на скверном пути. Эта мысль очень поддержала меня. Если я хочу быть истинной ученицей Господа Иисуса Христа, мне необходимо отказаться от всякого греха. Неужели мне грех дороже, нежели жизнь с Богом? Конечно, нет, – пришла я к выводу и произнесла тихую молитву покаяния. При этом я почувствовала в своем сердце, что мое послушание Богу возносится к Нему, как приятное благоухание.

Поэтому, если Бог посылает вам, как христианину, малые или большие страдания, Он хочет понудить вас сделать выбор в определенных вопросах, принять решения, от которых вы до сих пор уклонялись. Он предлагает вам несколько

вопросов, которые надо задать себе: желаю ли я продолжать попытку жить в двух мирах одновременно с Иисусом Христом, но подчиняясь своим собственным грешным желаниям? Хочу ли я и впредь предаваться огорчению? Или же я хочу благодарить Бога и в испытаниях? Хочу ли отказаться от греха? Короче, хочу ли я уподобиться Господу Иисусу Христу?

Он посылает вам страдания, но право выбора остается за вами.

ИЗ МОЗАИЧНЫХ
КАМЕШКОВ
СОЗДАЕТСЯ ОБРАЗ

СЛЕДОВАНИЕ И УПОВАНИЕ

Когда я могла еще ходить, самым любимым моим занятием была верховая езда. А моей любимой лошадью была Ауги, чистокровная лошадь, которую на скачках не могла обогнать никакая другая. Однако в Ауги трудно было определить первоклассную чистокровку. Она скорее была похожа на молодого длинноногого жеребца с большой головой и римским носом и вряд ли завоевала бы приз на конкурсе красоты. Но она хорошо знала, как следует прыгать через преграды, а потому почти на всех скачках, в которых мы участвовали, завоевывала первое место.

Она хорошо владела всеми видами ходьбы и бега, но что еще удивительнее: повиновалась и доверялась мне безусловно. На арене спокойно гарцевала на месте, никогда не грызла удила, уши ее трепетали в ожидании моих повелений. Мне не нужно было применять силу, необходимо было только подтянуть удила и крепко держать их в руках. Когда она бежала, стоило только крепче сжать бока — и она, как молния, вырывалась вперед.

Легким галопом она приближалась к первому препятствию, перескакивала через него и

ожидала моих указаний относительно следующего прыжка. Затем она перескакивала через второе, через третье, четвертое и пятое, пробивалась через сложный лабиринт препятствий и преград. Почти никогда она не испытывала страха в последнюю секунду перед препятствием. В конце скачек она была в мыле, и когда я похлопывала ее рукой по бокам, у меня было впечатление, что она довольна своими достижениями, как и я.

Для тяжелого перехода нужна лошадь, которая доверяет и повинуется своему всаднику. Если необходимо перепрыгнуть препятствие, всаднику нужно натянуть удила, чтобы она не устала и могла взять второе препятствие. Если лошадь не повинуется ему, тогда и всадник, и лошадь в опасности! Непосредственно перед препятствием лошадь начинает перемещать центр тяжести, а потому всаднику надо точно угадать то мгновение, когда необходимо ослабить удила, освободить голову лошади, чтобы она могла удачно прыгнуть. В этом отношении лошадь должна положиться на своего всадника. Прыжок не является отдельным достижением лошади или всадника, но он требует тесного сотрудничества. Такое сотрудничество существовало между мною и Ауги. Я знала, что она доверяет мне вполне и всецело. Она повиновалась мне с готовностью и без промедления. Она с великой радостью исполняла мою волю, независимо от того, известна ли была ей последовательность предстоящих нам прыжков. Как ни трудны были прыжки, казалось, это не беспокоило ее.

Она просто прыгала охотно. А так как доверяла моей способности судить о предстоящем прыжке, то охотно выполняла мою волю.

Стезя нашей жизни, которую нам необходимо пройти, представляется нам, людям, часто, как запутанный лабиринт, требующий преодоления тяжелейших и мучительнейших препятствий.

Чем более запутанным кажется нам путь, чем большей дисциплины он требует, тем более мы подвергаемся искушению усомниться в мудрости нашего „Всадника“. Мы не хотим повиноваться Ему, нам хотелось бы избежать препятствий.

Апостолу Петру было известно об этом, когда он писал свое первое послание. Читатели его жили во времена царствования безумного императора Нерона. Ежедневно им угрожала мученическая смерть. Конечно, Петр заверял их, что в небесах их ожидает великая награда. Но каким должен быть их образ действий до того времени? Что им делать теперь пред лицом простирающегося пред ними трудного и необозримого пути? Петр предложил им следующий совет: „Итак страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро“ (1 Петр. 4, 19).

Предать души Создателю – значит уповать на Бога. Делать добро – значит повиноваться Ему. Может быть, вам известна старая песня „Если мы ходим пред Господом“, в припеве которой сказано: „Следовать и доверять обратится в побеждать и созерцать“. Это самое лучшее обобщение слов Петра. Такого поведения ожидает от нас

Бог, когда препятствия тяжелы и бег затруднителен.

Уповать на Бога

Послушание Ауги ни в коем случае не зависело от обещания ей чего-либо. Она совсем не знала, что ее ожидает. Но она знала меня. От этого все и зависело. В течение многих лет я кормила ее, чесала, защищала от холода и упражнялась вместе с ней. Со временем у нас с ней установились добрые отношения, и я всегда оправдывала ее доверие. Вот поэтому у нее появилось такое доверие, что она делала все, о чем бы я ее ни попросила.

Доверие, существовавшее между нами и нашими лошадьми, сыграло решающую роль при спасении жизни лошадей, когда загорелась конюшня. Чтобы огонь не поверг в панику обычно спокойную лошадь, мы набрасывали покрывало ей на глаза перед выводом из охваченной пламенем конюшни. Это, должно быть, были ужасные мучения для лошади. Когда она слышит столько шума и чувствует возбуждение вокруг, когда странный запах дыма проникает в ее ноздри, легко представить себе, что она готова воспользоваться всеми возможностями для побега. Но вот люди набрасывают на нее покрывало, закрывающее ее глаза, и ей необходимо следовать за ними, хотя она сама ничего не видит. Если бы лошадь была – согласимся вместе с К. С. Льюисом – богословом, то все это происшествие

явилось бы для нее поводом для того, чтобы усомниться в „доброте“ человека. Только, к счастью, наши лошади не являются богословами, а просто лошадьми. В подобном смятении они не в состоянии справиться самостоятельно, но они доверились нам, помня, что мы заботимся о них, как это мы всегда делали прежде. Поэтому они не возмущались, не ставили под сомнение ни нашу мудрость, ни наш авторитет, а потому мы и могли спасти их жизнь.

Как сильно мы отличаемся от этих простых животных! У них имеется непоколебимое упование и доверие к своим владельцам, которые всего лишь обычные люди. Мы же не доверяем великому Богу, Которому угодно было искупить нас дорогою ценою. „Вол знает владельца своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не понимает“, – удивляется Господь в книге пророка Исаии 1, 3. Откуда же это непонятное отсутствие веры? Мы не уяснили себе еще, сколько Бог сделал для нас, чтобы доказать нам Свою верность. В действительности мы еще не познали Бога, мы еще не знаем, кто и каков Он. Для мужей и жен Библии сущность Божия являлась скалой, на которой могла покоиться их вера. „Вот что я отвечаю сердцу моему и потому уповаю... – вспоминал Иеремия посреди ужасов и смятения вавилонского нападения на Израиль, – по милости Господа мы не исчезли, ибо милосердие Его не истощилось. Оно обновляется каждое утро; велика верность Твоя! Господь часть моя, говорит душа моя, итак буду надеяться на Него“ (Плач. 3, 21-25). Иеремия более

доверялся тому, что он знал о Боге из Библии и из истории, нежели своим собственным способностям судить и рассуждать. И апостол Павел уповал в своих испытаниях. Он никогда не утверждал: „Я знаю, почему все это приключилось со мною“. Нет, он уповал, а потому и мог сказать: „Ибо я знаю, в Кого уверовал“ (2 Тим. 1, 12). Он возложил свою надежду на Бога, Который в Своей силе поставил солнце, луну и звезды на пути их, Который в Своей бесконечной мудрости распростер море, сотворил пространство и время, основал горы, определил течение рек, Который сотворил дождь и град. Он является также Творцом нашей жизни. Однако самое высокое откровение этого дивного Бога – Его природы, Его сущности – проявилось в том факте, что Он оставил славу небес, принял образ раба и умер за нас мученической смертью. Так понимал этот факт Павел: „Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?“ (Рим. 8, 32).

Посредством этого подвига жертвенной любви Бог достаточным образом проявил и доказал Свои намерения! Если поэтому Он набрасывает на наши глаза покрывало ограниченного понимания, следует ли нам, мягко выражаясь, сомневаться в Нем? Нет, Он достоин нашего упования.

Что такое упование?

Когда я говорю о том, что нам следует в периоды кризисов и страданий возлагать

упование на Бога, я совсем не имею в виду чувства. Если я доверяю Богу, нет необходимости в том, чтобы к тому же обладать еще какими-то особыми доверяющими чувствами. Доверие, упование – это решение воли. Я доверяю Богу, убедив себя поступать так, как это представляется мне разумным, несмотря на сомнения.

В течение первых месяцев после несчастья я не могла верить в истинность обетований Божиих. В мире моих представлений действия Его казались мне совершенно непонятными. Как может паралич содействовать моему благу? Мое положение представлялось мне столь же безутешным, как и серые больничные стены, которые окружали меня. И даже тогда, когда меня выписали из больницы, я считала, что совершенно невозможно уповать на Господа. Как я могла верить, если мое внешнее и внутреннее состояние таким очевидным образом противоречило этому? Ответ я получила в те продолжительные уютные вечера, которые я провела у камина в родительском доме вместе со Стивом и Дианой, когда мы беседовали о духовных вещах. У Стива была с собой его Библия, и он объяснял отрывок Писания, проработанный им на истекшей неделе. Он открыл двадцатую главу Евангелия от Иоанна и начал читать о том, как ученики на следующий день после погребения Иисуса собрались за закрытой дверью, из страха перед иудеями. Вдруг Иисус оказался среди них и стал убеждать пришедших в изумление учеников, что Он действительно воскрес.

По каким-то причинам Фомы не было с ними,

когда это случилось; когда же он пришел потом, то не поверил восторженным словам своих братьев, сказав: „Если не увижу на руках Его ран от гвоздей... и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю“.

Через неделю Иисус опять явился в этом же доме среди маленького круга пребывавших в страхе учеников, которые вновь собрались за закрытой дверью. На этот раз и Фома был с ними. Иисус подошел к нему и сказал: „Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим“.

Когда ошеломленный ученик столкнулся с неоспоримыми фактами, он мог только пасть ниц пред Господом с лепетом на устах: „Господь мой и Бог мой!“

Стив несколько наклонился вперед, как бы желая придать словам больше веса. А затем медленно прочел стих 29, причем непосредственно обращаясь ко мне: „Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие!“

Этот стих поразил меня, словно удар. Иисус хотел, чтобы я верила словам Его, не располагая осязаемыми и видимыми доказательствами. Конечно, Он мог бы видимым образом явиться у меня в комнате. Тогда веровать было бы так просто. Но Он хотел, чтобы я ухватилась за Его слово. Разве мне не приятно, когда верят моим словам? Допустим, я делаю где-то покупки, и мне не хватило несколько копеек. Разве не приятно, если продавец отпустит меня со словами: „Упла-

тите в следующий раз. Идите, я доверяю вам!“? Разве Иисус не может ожидать того, что мы будем вести себя по отношению к Нему так же?

Все это потребовало от меня известного напряжения, однако когда потом у меня возникали сомнения, я вспоминала те места Библии, которые свидетельствуют, что Бог действительно достоин нашего доверия. К этому средству прибегаю я и теперь. А потому, несмотря на все колебания, я крепко держусь слов Иисуса, что в небесах получу награду, но не потому, что я увидела и уверовала, а потому, что я уверовала, не видев. Когда мы полагаемся на Слово Божие, а не на видимое нами собственными глазами, мы воздаем Ему честь и славу и достигаем такого Его признания, какого не удостоились даже двенадцать учеников.

Повиноваться Богу

Если Бог попускает нам страдать, мы часто бываем склонны этими испытаниями в какой-то мере извинять свои грехи. Мы полагаем иногда, будто приобретаем благоволение Божие, перенося бедствия, а потому заслуживаем „свободного дня“, в который могли бы делать то, что нам нравится. Мне часто приходится бороться против такого искушения.

В один прекрасный весенний день я сидела на нашей веранде и невольно как-то вновь стала осознавать свою инвалидность. Мне так хотелось хотя бы на короткое время отдать себя на волю

своих сладострастных фантазий или горьких раздумий, погрузившись в глубокое сострадание по отношению к самой себе. Это было бы так легко оправдать. „Разве мне не приходится из-за своей расслабленности отказываться от гораздо большего, нежели многим другим христианам? – дала я волю своим мыслям. – Разве мое кресло не дает мне права иногда поступать своевольно?“

Когда у нас появляются подобные мысли и одолевают нас, нам следует проверить в свете Библии свои неверные отговорки. Тогда такие мысли будут исчезать одна за другой. Я обнаружила в Библии, по крайней мере, три довода, почему мои страдания не являются оправданием или извинением за грехи.

Во-первых, Бог обещал, что Он даст мне, как и всякому другому христианину, желание и силу делать то, что верно и истинно, – независимо от внешних обстоятельств! Я всегда думала, что мои испытания являются исключением, Он не может от меня ожидать того, что ожидает от других, потому что мой случай несколько иной, нежели у других. Однако в Первом послании к Коринфянам (10, 13) Он говорит мне: „Вас постигло искушение не иное, как человеческое...“

Когда я находилась еще в больнице, я думала, что Бог попускает мне переносить гораздо больше, нежели в моих силах. Но здесь же дальше я прочитала: „...и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил“.

Когда порою какие-то чувственные желания и горечь проникали в мое сердце, я обычно думала: на этот раз я не смогу противостоять неприязни и

преодолеть искушение. Но опять в 1 Кор. 10, 13 сказано: „Но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести“.

Так кто же из нас прав: Бог или я? Когда я оказалась перед решением этого вопроса, мне стало ясно, что Бога никак нельзя назвать лжецом. Поэтому если я грешу в своих страданиях, то грешу не потому, что должна грешить, а потому, что хочу этого. Бог оказывает мне милость проводить жизнь в кресле-коляске, но если вы способны ходить, Бог вам не оказывает этой милости. Зато Он оказывает вам другую милость: способность перенести смерть супруга, потерю слуха, бедность и другие тяжести. Каждый из нас должен воспользоваться той милостью, которую оказывает ему Бог, и устоять под своим личным бременем.

Когда я узнала, что могу повиноваться Ему, во мне возник другой вопрос: хочу ли я повиноваться Ему? Я стала размышлять о том, что значит принять Иисуса Христа как Господа над своей жизнью. При этом я обнаружила второй довод, почему мне не будет никакого извинения и оправдания, если я буду грешить. Того, кто хочет следовать за Иисусом Христом, Бог не оставляет в неведении относительно того, что Он является Господом и что следование за Ним влечет за собой испытания и часто страдания. В этом „договоре“ нет ничего, что было бы напечатано мелким шрифтом. Слово Его заранее говорит нам о том, что ожидает нас: „Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною“ (Матф. 16, 24). Это сказал

Иисус. Он сказал еще: „Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия“ (Лук. 9, 62).

Кроме того, бессмысленно усматривать в страданиях повод ко греху, когда истинный смысл страданий заключается в удержании нас от греха и уподоблении нас Иисусу Христу. Петр сказал: „Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью; ибо страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией“ (1 Петр. 4, 1-2). Во время своего пребывания в больнице я встречала многих людей, которые не отдали бы Богу в распоряжение свое время, если бы были здоровы. Но мощная струя под душем ледяных страданий пробудила их от духовного сна. Как же неразумно воспринимать в качестве извинения именно то, что должно пробудить нас от духовной дремоты.

Но Библия не только лишала силы мои аргументы, с помощью которых я хотела бы оправдать свое непослушание. Она побуждала меня, наоборот, к послушанию, например, посредством радости. Существует ли что-то более прекрасное, нежели чистая совесть, чем сознание, что не сам человек навлек на себя моральную тяжесть? Но даже в том случае, если трудности вызваны нашей личной виной, то, начав повиноваться Богу, мы можем содействовать тому, что розга наказания будет отведена. Прежде всего нам следует знать, что „блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни“ (Иак. 1, 12).

И еще одна, последняя мысль. Во время наших страданий нам несколько труднее, нежели другим людям, повиноваться заповеди Божией любить ближних. Наше собственное горе, наши бедствия и боли притязают на безраздельное внимание. Но если мы уступим им, мы только повредим себе, потому что очень часто наше исцеление может наступить лишь тогда, когда наши мысли отвратят нас от нас самих, чтобы углубиться в заботы и интересы других.

Недавно я присутствовала на браке моей подруги Шерри. Я чувствовала себя не очень хорошо. У меня болела спина, мой корсет был тесен, все это вызывало мучительную головную боль. Кроме того, я должна была признаться, что моя совесть не давала мне покоя. Я постоянно вспоминала некоторые слова, сказанные мною в то утро кому-то из моих близких, они причиняли мне боль, хотя я уже раскаялась в них перед Богом. Да и не была для меня большой поддержкой необходимость смотреть на улыбающиеся вокруг лица. „Но мне ведь надо сегодня радоваться. В конечном итоге Шерри – одна из моих лучших подруг, и сегодня как раз ее великий день!“ – сказала я себе. А потому приложила все старания для того, чтобы на лице у меня появилась, по крайней мере, вежливая улыбка, надеясь, что никто не увлечет меня в разговор.

Когда я сидела так, уставившись перед собою, я увидела Попа Бонда, будущего тестя Шерри, на которого сначала не обратила внимания. Его не увлекал разговор молодых девушек. Он ходил около коробок и подарков и фотографировал их

во всех ракурсах. Когда же он направил свой фотоаппарат на меня, я запротестовала:

– О нет, прошу вас, не надо!

– Почему же нет? – спросил он, улыбаясь и направляясь ко мне. – Ты выглядишь сегодня весьма красивой.

– Но я чувствую себя довольно неважно.

– Это не довод. Этот фотоаппарат заботится о том, чтобы и в трудный день выглядеть величественно, – пошутил он и сел рядом со мной на складной стул. – Посмотри на этот новый объектив, который я недавно купил.

Сказав это, он раскрыл свою кожаную сумку и начал раскладывать предо мною с гордостью свои многочисленные фотопринадлежности: „Посмотри, это новая линза, покрытая резиновой пленкой толщиной в двухсотую долю миллиметра. Благодаря ей можно одной рукой наводить резкость и фотографировать“. Я должна признаться, что все то, что он рассказывал мне о своих фотоприборах, не интересовало меня нисколько. Однако я старалась внимательно слушать этого седого господина с живыми голубыми глазами. Он рассказывал мне, как его радует устроенная им в подвале фотолаборатория. Затем он с гордостью сообщил, какие награды он получил за свои фотоснимки на местных соревнованиях. Собственно, мне было совершенно безразлично все то, что он говорил. Когда же он начал рассказывать о прогулке, которую совершил недавно на лошадиную ферму, я стала слушать внимательнее. Он фотографировал там воспитывавшийся молодняк и как кони

пьют воду. Через несколько недель он опять отправился на ферму подарить несколько снимков управляющему. „Этот человек целиком увлечен своим хобби“, – подумала я. А он рассказывал дальше: „Мои снимки до того понравились управляющему, что он попросил меня опять приехать к ним, чтобы сфотографировать тренируемый молодняк“, – сказал он, сияя радостью.

– Ну-ка, шутки в сторону! – я медленно начала таять. – Как же вы заставите горячую чистокровную лошадь стоять спокойно, чтоб сделать снимок?

– Да, это было совсем не просто, – рассмеялся он и поднял указательный палец. – Но мы все содействовали этому и...

Вскоре я заметила, что рассказ его заинтересовал меня.

– Мистер Бонд, – сказала я, улыбаясь, – вам придется вскоре прибыть и на нашу ферму. Возьмите с собою ваши фотоаппараты, и мы с вами прекрасно проведем время.

Когда праздник миновал, я убедилась, что действительно сильно увлеклась разговором с этим милым пожилым человеком и его хобби. И из-за этого я забыла свое горюшко-горе, а также угрызения совести. Внимание к его рассказу – стало для меня целительным.

Если Бог побуждает нас в наших испытаниях обращать внимание на других, а не на себя, то Он знает, что говорит. Он знает, что мы не будем раскаиваться в этом. „Давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и пере-

полненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо
какою мерою мерите, такую же отмерится и вам“
(Лук. 6, 38).

РАЗДЕЛЕННОЕ ГОРЕ – ПОЛОВИНА ГОРЯ, РАЗДЕЛЕННАЯ РАДОСТЬ – ДВОЙНАЯ РАДОСТЬ

Когда в жаркий июльский день 1967 года я босыми ногами стояла на краю парома, готовясь к прыжку головой вниз, мне не пришло в голову, что это очень мелкое место в бухте Чизапик. Мне следовало сначала узнать, попробовать, насколько здесь глубоко. Но эта обманчивая вода увлекла меня в западню, – так я сломала себе шею, а потому уже до конца жизни не смогу двигать ни руками, ни ногами.

Каждому угрожает такая ловушка. Пусть не обманчивая вода, это может быть и ложная точка зрения. Я говорю об искушении сравнивать себя с другими, которым как будто легче, нежели нам. Если мы не будем бодрствовать и окажемся в этом опасном душевном состоянии, тогда мы запутаемся в сети самосострадания, которая лишает нас радости и ведет к бесславию Бога.

В первые годы после своего несчастного случая я как раз и запуталась в такой сети. Это особенно проявлялось во время покупки одежды, которую я совершала со своей подругой Шерри. Все вещи, которые она примеряла, сидели на ней хорошо. А на моем теле в большинстве случаев

они висели, как мешок. Когда я смотрела, как она примеряла платье, я бледнела от зависти, но я никогда не говорила ей об этом.

– Как ты думаешь, Джони? – она хотела знать, что я думаю о брючном костюме, на который мы обе обратили внимание. Она крутилась, чтобы посмотреть на себя в зеркало со всех сторон.

– Шерри, ты выглядишь великолепно, – отвечала я заинтересованным тоном, чтобы скрыть свою зависть.

Внутри у меня все кипело. Когда она подкатывала меня к зеркалу, чтобы я примерила тот же костюм, я только думала: „О Боже, почему я не могу выглядеть, как она? Я не могу сравнивать себя даже с манекенами в витринах – им все платья идут. Им нет нужды сидеть в инвалидной коляске“.

В то время я начала как раз делать успехи в своей духовной жизни. Мой голод по духовной пище побуждал меня читать Библию. Одно место мне пришлось пережевывать однажды в течение всего дня – вначале оно мне показалось очень невкусным, но потом, когда я возросла в вере, я научилась ценить его. Это была „трапеза“, сервированная из 21 главы Евангелия от Иоанна, где Петр явно оказался перед такой же проблемой, как и я. Одному из его друзей улыбался как будто лучший, нежели ему, жребий! Иисус только что возвестил Петру, что ему придется умереть мученической смертью, а вот Иоанну Он не сказал ни слова. Может быть, в сердце Петра пробудилась зависть. Не сидел ли Иоанн уже во время тайной вечери рядом с Учителем, и не похоже ли было,

что он является самым лучшим Его другом? Неужели Иоанн получит от Господа интересное служение и сможет в глубокой старости умереть естественной смертью? Петр не мог это перенести, а потому не в состоянии был обуздать более свой язык. „Господи, а он что? – спросил он Иисуса об Иоанне. – Как будет выглядеть его будущее?“

Ответ Иисуса потряс меня. Я бы ожидала совсем другого ответа. Например: „Не заботься, Петр. Я буду с тобой в любой ситуации. Все будет хорошо“. Но ответ Иисуса был не таков. Этот ответ можно было бы изложить следующим образом: „Смотри, если Моя воля такова, чтобы Иоанн жил до тех пор, пока Я приду, то что тебе до того? Не твое дело, что запланировано для Иоанна. Думай о том, чтобы твоя жизнь и твое сердце были в порядке. Перестань роптать и следуй за Мною!“

Это звучит в первый момент довольно жестоко. Но по мере того, как я продолжала размышлять об этом, я стала постепенно замечать, что Иисус имел основание быть столь строгим. Прежде всего заметим, что самосострадание еще никому не помогло. Оно приводит всегда к еще более глубокой скорби. И в очах Божиих оно не оправдывается. Способны ли вы представить себе, каким скверным проповедником оказался бы Петр, если бы он плакал от страха перед каждой проповедью, потому что люди могли бы схватить его во время этой проповеди, а затем убить? Кроме того, Петр сомневался и относительно того, что план Божий для

него хорош и справедлив, особенно когда он сравнивал свое положение с положением Иоанна. Поэтому он просил Бога предоставить им „равные права“. Это грех. „А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает“ (Евр. 11, 6). Если мы подвергаем сомнениям добрые намерения Божии относительно нас, тогда, конечно, мы можем петь такую песнь: „Иисус, наверное, не любит меня, потому что неверие мое говорит мне об этом“.

Кроме того, может казаться, что Бог несправедлив и заставляет нас нести особенно тяжелый крест. Но знаем ли мы, что переносит в это же время ближний? Быть может, я негоуюю по поводу моей сломанной шеи и завидую своей здоровой соседке. При этом я не знаю о том, что она внутренне разбита. Петр, вероятно, не мог представить себе, что Иоанну придется изнемогать в преклонные года в темнице на каком-то острове, где он, правда, получил великое откровение. Там Иоанн должен был пребывать в состоянии страстного ожидания того момента, когда увидит будущую славу небес, когда увидит ту славу, которая предназначается у престола Божьего всем мученикам (а среди них и Петру!). Тогда он, может быть, испытывал желание, чтобы Бог в Своей милости сократил и его жизнь.

Так как мы точно не знаем, сколько переносит или перенес другой человек, или почему его следует наказывать, или что должно достигаться или искореняться через несчастья в его жизни, — мы не можем просто сказать того, через какие

испытания должен проходить каждый человек. Но если не знаем этого мы, то Бог знает все. „Судия всей земли поступит ли неправосудно?“ (Быт. 18, 25). Бог действует в жизни каждого из нас своеобразно. Он явит именно ту милость, которая необходима нам, чтобы мы могли нести свой личный крест.

Я с радостью могу сказать, что Шерри по-прежнему принадлежит к самому узкому кругу моих друзей, только зависти у меня больше нет. Помогли мне в этом слова, которые Иисус сказал Петру. Разве не было бы ужасно, если бы нам пришлось проходить через тяжелейшие испытания и Бог подверг бы всех наших друзей таким же? Кто ободрял бы нас? Разве не отраднее пользоваться любвеобильными заботами своих друзей вместо того, чтобы завидовать им из-за их более легкого бремени?

Общение

Когда мы страдаем, нам никогда не следует оставаться в одиночестве. Я не хочу этим сказать, что нам не следует ни на минуту оставаться наедине или иметь отдельную квартиру. Но мы никогда не должны воздвигать стен вокруг себя, чтобы никто не видел наших страданий, чтобы никто не сострадал нам. Бог не хочет, чтобы мы одиноко несли бремя своих страданий. „Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо, если упадет один, то другой поднимет товарища

Джони за
письменным
столом в
своем
кабинете.

*Джони и Стив Эст за работой
над книгой „Следующий шаг“.*

Даэна Муд (деловой партнер Джони) и Бетси Сендбауэр (справа) помогают Джони в составлении планов путешествий.

Родители Джони – Джон и Линди Эрексона

Джони и Билли Грэм в 1977 г.

Джони, Кэти и Джей

Джони рисует.

Джони выступает на многолюдной конференции

В беседе с инвалидам

своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его“ (Еккл. 4, 9-10).

Если вы не состоите в браке или овдовели, вы, может быть, думаете, что у вас нет никого, кому можно было бы доверить свои заботы. Но и у вас есть семья — другие христиане, которые составляют тело Христово. Это семья верующих, это церковь, которая представляет собою сердечное братское общение, где каждый встречает помощь и домашнюю теплоту. Я полагаю, и об этом говорят мне мои замужние подруги, что плохо для состоящих в браке ограничиваться общением только друг с другом. Бог преднамеренно запланировал Свою Церковь так, чтобы она состояла из людей молодых и пожилых обоего пола, а также из представителей различных общественных кругов. Мы нуждаемся в контакте с ними, чтобы удовлетворять наши внутренние потребности. Я не могла бы обойтись без общения и забот своих друзей в церкви. И друзья у меня разного возраста.

Как печально, если руководители общин и пасторы полагают, что они не должны рассказывать о своих испытаниях членам своих церквей, находящимся под их духовным покровительством. Совершенно верно, мы не можем каждому рассказать о своих личных заботах, но все же у нас должен быть кто-нибудь, кому мы могли бы доверить их. Может быть, нам следовало бы даже рассказать кое-что и всей церкви. Во всяком случае, это должно происходить гораздо чаще, нежели это фактически имеет место. Расхожее представление относительно того, что христиане,

выполняющие руководящие функции в церкви, должны быть столь сильны, чтобы никто не мог видеть их собственных страданий и забот, заимствовано отнюдь не из Библии. Павел открыто хвалился своими страданиями и немощами, он часто просил о ходатайственной молитве. Руководитель общины, который не делится своими заботами со своими „овцами“, учит их поступать по своему примеру.

Однако что же случается, когда между вами и вашими братьями и сестрами в церкви не существует такого доверия, какого вы желали бы? Тогда вам необходимо что-то предпринять. Общение обычно создается, его не просто находят! Когда я еще училась в гимназии, моя подруга Диана была для меня в этом отношении большим примером. Она не могла терпеть пустых, ненужных разговоров. Это не значит, что она была какой-то нелюдимой, неприветливой и унылой. Напротив! Но она обладала способностью увлекать людей за собой и помогала им отказываться от ненужных помышлений и чувств. Мне кажется, что тайна ее заключалась в том, что она действительно прислушивалась к разговорам своих собеседников и задавала личные вопросы. По выражению ее лица можно было заметить, что она действительно была заинтересована беседой, ее взгляд не блуждал при этом по сторонам.

Но Диана не только слушала. Она принимала также участие в беседе. Конечно, небезопасно доверять другим людям свои сокровенные помышления, страхи и заботы. Таким образом люди отдают себя только на произвол других. Но

не является ли эта отдача главной составной частью любви? С тактом и любовью Диана проникала в сферу личных обстоятельств своего собеседника. Она показывала нам, чем фактически является общение. Она могла, например, сказать: „Не могли бы мы помолиться вместе, прежде чем ты уйдешь?“ Страдающие люди очень нуждаются в глубокомысленных беседах с другими верующими. Не следует их питать постоянно лишь поверхностными разговорами, таких разговоров у них предостаточно кругом в мире.

Когда вы страдаете, вы можете делать еще что-то, чтобы содействовать общению с другими христианами. Вы можете молиться о них.

Недавно хор одного из христианских институтов предпринял поездку во время пасхальных каникул по восточным штатам. Однажды вечером они устроили духовный концерт в одной из расположенных неподалеку от нас церквей. По окончании певцов распределили на ночлег по два-три человека в разных семьях этой общины. Таким образом у мистера и миссис Эст, родителей моего друга Стива, оказались две девушки.

Когда они вчетвером сидели и, ужиная, беседовали, мистер Эст и его жена начали говорить со свойственным им тактом об Иисусе Христе. Они спросили у этих молодых девушек, как они нашли Господа и что Он совершил в их жизни. К удивлению хозяев, обе студентки весьма воодушевились. „Вы не представляете себе, как я рада, что вы задали эти вопросы“, — сказала одна из них. Затем она стала рассказывать о себе. Еще не

прошло и года с тех пор, как она уверовала в Иисуса Христа. Следующим ее желанием было, чтобы и родители познали Иисуса Христа, но они не проявляли ни малейшего интереса. Неделю за неделей она безуспешно убеждала своего отца пойти с ней на собрание, пока он, наконец, в одно воскресное утро согласился пойти с ней.

Богослужение, казалось, было ему по сердцу. Люди были приветливы, проповедник произнес соответствующую проповедь – все было чудесно. Позже он признался: „Должен сказать, что богослужение действительно тронуло сегодня меня. Может быть, со временем я стану веровать, как ты, только не заставляй меня“. Эта девушка внутренне сияла от радости, благодарила Господа и решила не быть навязчивой.

Семья как раз садилась в автомобиль, когда с другой стороны автомобильной стоянки к ним приблизился какой-то человек, приветствуя ее отца. Оказалось, что это был один из церковных старейшин, которого отец встречал иногда на своей работе.

– Как вы поживаете? – спросил он отца, улыбаясь и протягивая ему руку. – Прекрасно, что вы здесь. Вижу, что вы привезли с собой жену и детей, – сказал он, нагнувшись и кивнув нам через окошко. Но то, что дальше сказал этот человек ее отцу, окончательно смутило девушку. – Позвоните мне как-нибудь. Мы ходим куда-нибудь и выпьем по стаканчику, хорошо? А сейчас мне надо идти. Будьте здоровы!

Он помахал рукой и ушел.

Когда отец сел в автомобиль, воцарилась напряженная тишина.

— Знаешь ли, — сказал он своей дочери, когда они покинули автомобильную стоянку, — я считал этих людей здесь настоящими. Но они не лучше меня.

Таким образом он закрыл свое сердце для Евангелия, никогда больше не посещая богослужений и не беседуя более со своей дочерью о духовных вещах. Семья враждебно настроилась по отношению к вере в Иисуса. Когда дочь в этом году хотела провести пасхальные каникулы вместе со своей подругой на их даче, ей вежливо отказали.

— Поэтому, мистер и миссис Эст, я и отправилась в эту поездку вместо того, чтобы провести эти праздничные дни дома вместе со своими родственниками, — закончила она свое печальное повествование. А затем добавила: — Я так хотела поговорить с кем-нибудь о своей печали. Люди, у которых я ночевала в течение этой недели, были весьма милыми, приятными, но мы беседовали только о погоде. Вот поэтому мы с подругой молились сегодня после обеда о том, чтобы на этот раз нам оказаться у тех, пред кем я действительно могла бы излить свое сердце, с которыми я могла бы быть в общении и вместе молиться. Теперь вам, наверное, понятно, почему мы так обрадовались, когда вы начали беседу на эту тему.

Итак, вы видите, что бывает, когда мы молимся о том, чтобы Бог даровал нам общение, когда человек прилагает усилия для этого.

Разделять свою скорбь с другими – это существенная помощь для всех, кому приходится переживать трудности.

УСТОЯТЬ!

Мы можем плакать

Когда в 1976 году вышла в свет моя первая книга „Джони“, я не думала, что Бог употребит ее для благословения такого множества людей, как это случилось. Меня буквально завалили интереснейшими письмами, начиная с заказов моих рисунков и до отчаянных криков о помощи, которые звучали примерно так:

„Дорогая Джони, мой племянник недавно сломал себе шею и теперь парализован. Он весьма подавлен и постоянно спрашивает: „Почему это случилось?“ Я думала, может быть, ты могла бы прислать ему экземпляр своей книги с автографом. Может быть, ты могла бы сказать ему несколько слов относительно того, как ему справиться со своим горем? Большое спасибо!“

Я испытывала глубокое сострадание к таким людям. Чрезвычайно мучительно находиться у постели страдающего любимого человека, не имея возможности помочь ему. Хорошо было бы предложить ему нужную книгу, способную помочь или сказать несколько ободряющих слов. Но я не совсем убеждена, что моя книга, или мое

письмо, или письмо кого-то другого может оказаться настоящей помощью.

Прежде всего заметим, что обычно в первое время после тяжелых переживаний человек не готов еще что-либо слушать. Вспоминая то время, когда мне, семнадцатилетней девушке, пришлось лежать растянутой на раме в первые месяцы после несчастного случая, я не совсем уверена, что меня заинтересовала бы такая книга, как моя первая. Наоборот: улыбающийся человек в кресле, у которого имеется готовый ответ на все, о чем бы его ни спросили, — было бы последним, чего бы я себе желала. Вначале кажется, что всякий, кто сломал себе ногу или шею или узнал, что он болен неизлечимым раком, отчаянно ищет ответа на свой вопрос: „Почему это должно было случиться со мной?!“ И мы торопимся сослаться на пять или десять библейских доказательств, которые нам скажут, почему должно было совершиться это несчастье. Однако в большинстве случаев этот вопрос „почему?“ не следует понимать в качестве вопроса. Заметим, что „почему?“ часто является выражением чувств больного, порою даже упреком. Это не истинное „почему?“ ищущего сердца, а мятежное „почему?“ сжимающихся кулаков.

Человеку нужно время, чтобы действительно осознать себя, понять, что он уже никогда не будет ходить, что он никогда уже не излечится от рака или не избавится от того, что с ним приключилось. И только после того, как он достаточно „выплачется“ и приобретет внутренний покой, он

будет готов задаваться истинными вопросами. И вот тогда наш совет окажется для него полезным, окажется для него помощью.

Я думаю, что Стив стал для меня столь несравненной помощью, которая помогла мне справиться с моей расслабленностью, потому — что встретил меня через два года после моего несчастного случая. Этого времени было для меня вполне достаточно, чтобы чему-то научиться, чтобы задавать вопросы и слушать ответы. Другие уже прежде пытались помочь мне, но я просто еще не была готова к этому. Еще и по другой причине я не стала бы посылать кому-то, кто недавно пережил тяжелейший несчастный случай или обрушившуюся на него тяжелую болезнь, — ни книг, ни стихов из Библии. Пусть такой человек не думает, что я хотела бы сказать этим: „Перестань плакать и послушай Библию! Тогда тебе скоро станет лучше!“ Я не хотела бы вызывать впечатления, будто нам необходимо принимать к сведению библейские высказывания о ценности страданий, чтобы не чувствовать горя и боли. Я не раз слышала и читала о том, что наш крест и наши страдания, все наши мучения — не представляются нам более таковыми, если мы будем благодарить за все и рассматривать свою скорбь в свете Слова Божьего. Однако эти нереальные представления не основываются на Библии. „За все благодарить“ — это не то же самое, что испытывать в любом положении окрыляющее ликующее чувство. Нам можно иногда скорбеть „до смерти“.

Позвольте мне пояснить эту мысль на одном

примере. В минувшем году умер от рака трехлетний сын моей подруги Жанетты. Уже за полтора года до этого родители знали, что маленький Бредли, светловолосый голубоглазый мальчик, недолго будет жить. Когда он умер, горе, конечно, было огромно. Но в течение всего этого мучительного времени они не роптали на Бога. Они любили Его, служили Ему и вполне доверяли ему, зная, что Он заботится о них и знает, что делает.

Приблизительно через две недели после погребения своего ребенка Жанетта посетила женский Библейский кружок в своей церкви. Когда она проходила вместе с другими женщинами через вестибюль, то увидела малыша, который, поднявшись на цыпочки, пытался глотнуть воду из крана. Картина эта сразу же напомнила ей ее собственного малыша, который тоже любил подыматься на цыпочки, чтобы пить воду из этого крана. Она заплакала.

Рядом с нею шла одна из лучших ее подруг. Она чувствовала, что происходит в Жанетте. Эта подруга не сказала ни слова, она просто обняла ее, прижала к себе, безмолвно утешая ее. Это было именно то, в чем Жанетта нуждалась в то мгновение.

Другая женщина, которая не знала Жанетты, тоже видела, что она плачет, и явно хотела помочь ей. Она подошла к моей подруге, похлопала ее по плечу и сказала: „Молюсь за вас, дорогая! Славьте Господа!“

Эти слова до глубины поразили Жанетту. Позже она рассказала мне, что испытала в то

мгновение: „Я действительно должна была просить Господа, чтобы Он помог мне не рассердиться на эту женщину. Я знаю, что она хотела помочь мне. Но из того, как она сказала: „Славьте Господа“, – можно было понять, что у меня вообще нет права плакать, если я уповаю на Бога“. Через некоторое время она добавила задумчиво: „Может быть, она просто не знала, что упование на Господа не исключает того, что человек может плакать. Может быть, она забыла, что Бог призывает нас к тому, чтобы плакать с плачущими“.

Жанетта была права. И Иисус плакал пред лицом смерти, когда стоял у гроба Своего друга Лазаря. Хотя мы и воскреснем в свое время для того, чтобы жить, тем не менее смерть страшна. Все страдания на земле ужасны. Неразумно предполагать, что христиане в состоянии преодолевать свои испытания, вообще ничего не ощущая и не чувствуя. Когда Иисус плакал у гроба Своего друга, Он дал понять, что плакать не стыдно.

Бог не хочет, чтобы мы заглушали свои слезы. Не будем требовать этого друг от друга. Потому что „время плакать и ...время сетовать“ (Еккл. 3, 4).

Песнь в ночи

Но жалоб и слез недостаточно. Когда вас мучат страшные боли, когда горе сокрушает ваше сердце, когда из бед и сознания собственной виновности вы не можете найти выхода, вам

нужен кто-то, кто бы мог понимать вас. И эту поддержку вы лучше всего найдете у авторов Псалмов. Многие Псалмы были написаны в состоянии глубочайшего отчаяния, а потому их и следует читать в горе.

Давид, написавший многие из этих Псалмов, хорошо знал, что значит страдать. В молодые годы жизнь его висела на волоске, когда воины Саула преследовали его, как тяжкого преступника. В сражении он потерял своего лучшего друга Ионафана. Когда он был царем, его угнетало состояние виновности за совершенные прелюбодеяния и убийство. Один из его сыновей умер младенцем. В конце его жизни — мятеж, убийства и войны посещали его семью и царство. На Давида обрушилось много бедствий.

Большинство Псалмов не дают нам ответа на наши проблемы. Многие из них являются просто направленным к Богу зовом о помощи в сомнениях и отчаянии. Однако когда я читаю молитвы этого мужа и других авторов Псалмов, я убеждаюсь, что я не одинока. Есть люди, которые знают и пережили то, что переживаю и я. Создается впечатление, будто мы с Давидом сидим на одном камне в поле, где пасутся овцы. Я слушаю, сколь вдохновенно он изливает пред Богом скорбь своего сердца. При этом он изливает и мою скорбь, и мою боль. Да, думаю я, эти слова точно передают все то, что я испытываю и переживаю. Это именно то, о чем и мне хочется молиться! Поэтому я знаю, что Бог слышит и понимает мои мысли.

Послушайте, как Давид взывает к Богу в

Псалме 6: „Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою“ (Пс. 6, 7).

Вспомните и свои собственные, наполненные горем, ночи, когда вы орошали подушку слезами. Естественно, что вы в состоянии сочувствовать ему, когда он в страхе и сознании собственной виновности вопиет к Богу: „Я близок к падению, и скорбь моя всегда предо мною. Беззаконие мое я сознаю, сокрушаюсь о грехе моем... Не оставь меня, Господи, Боже мой! Не удаляйся от меня“ (Пс. 37, 18-19, 22).

Углубившись в помышления и слова Давида, мы увидим в нем своего товарища по страданиям. И когда отчаяние его сменяется уверенностью, что Бог услышал его молитвы, тогда уверенность передается и нам, и мы в состоянии сказать вместе с ним: „Господи! пред Тобою все желания мои, и воздыхание мое не сокрыто от Тебя“ (Пс. 37, 10).

Боль еще ощущается. И хотя и буря еще неистовствует, хотя и заботы угнетают нас, но „...на Тебя, Господи, уповаю я; Ты услышишь, Господи, Боже мой“ (Пс. 37, 16).

Если у Давида могла быть такая надежда, то почему же не могу иметь ее и я? Если человек, который был прелюбодеем и убийцей, мог смотреть Богу в глаза в таком уповании, несмотря на свои грехи, почему это не могу делать и я? Здесь именно основание для радости, для ликования! Поэтому и Давид порою радуется и ликует. Как летний дождь освежает природу во время жары, так и песня Давида превращает горе в радость, и он восклицает с благодарностью:

„Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь – хвалу Богу нашему. Увидят многие и убоятся и будут уповать на Господа“ (Пс. 39, 2-4).

Перемена в жизни Давида свидетельствует, что и мы можем приобрести силу терпеливо уповать на Господа – до тех пор, пока Он услышит наш вопль, поставит наши стопы на скалу и вложит в уста наши новую песнь. Когда мы слышим, как этот, некогда удрученный и подавленный, пастух говорит: „Ты обратил сетование мое в ликование, снял с меня вретище и препоясал меня веселием“ (Пс. 29, 12), – мы черпаем надежду, что и мы будем некогда веселиться. Когда же он пишет: „Ибо на мгновение гнев Его, на всю жизнь благоволение Его: вечером водворяется плач, а на утро радость“ (Пс. 29, 6), – мы начинаем понемногу верить тому, чему прежде просто не в состоянии были верить, – что и наши собственные бедствия, настанет день, пройдут навсегда. Когда мы слышим, как этот псалмопевец, который таким впечатляющим образом описывает мучения бессонной ночи, теперь поет: „Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня“ (Пс. 3, 6), – и мы, наконец, обретаем способность спокойно уснуть. Бог пользуется этими утешающими Псалмами, чтобы превратить наши слезы мучений в слезы облегчения. Тот, кто может выплакать наболевшее сердце, чувствует себя потом лучше. Так и Псалмы помо-

гают облегчить душу – мы доверяем Богу наши сокровенные опасения и приобретаем покой для своей взволнованной души, потому что можем сказать: Бог достоин нашего доверия.

Уповать на Бога

Шесть лет назад я поднялась однажды вместе со своими родственниками по канатной дороге на вершину высокой и покрытой ледниками горы, откуда открывался великолепный вид на Джасперский национальный парк в Альберте, в Канаде. Мы видели величественные сосновые леса и голубые озера. Это была дикая, изрезанная ущельями, местность. Несмотря на свои теплые куртки, мы дрожали отчасти от ледяного холода, отчасти от внушающего благоговение зрелища. Восторженными восклицаниями мы заглушали даже завывания ветра.

Я увидела орла, который парил над лесом в долине и казался маленьким пятнышком на фоне горной цепи вдаль. Я наблюдала, как он кружил, а затем стремительно бросился вниз, я восхищалась грациозностью и легкостью его полета.

В нашем сознании орел всегда связан с чем-то гигантским: высокими горами, глубокими пропастями и головокружительными высотами. Мы всегда можем заметить его даже на фоне впечатляющего пейзажа.

И Бог говорит об орлах. В одном из моих любимых отрывков Ветхого Завета Он пользуется образом орла: „Утомляются и юноши и осла-

бевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся“ (Ис. 40, 30-31).

Что означают слова: „надеющиеся на Господа“? Некоторые усматривают здесь ожидание, помня, что человек порою вынужден ожидать. Например: в приемной врача впереди вас еще десять человек, и вы вынуждены убивать время, перелистывая журналы. Но если Библия говорит об ожидании и уповании, то она всегда имеет в виду твердую уверенность, что Бог определенно знает, в каких страданиях я нуждаюсь и сколько я могу вынести. Это ожидание и упование устремлено к тому дню, когда, наконец, я вполне освобожусь от тяжкого бремени.

Но как же не утомляться? Как не изнемогать и не падать? Возможно ли это, когда изнеможение и падение так типично для больного человека? Только Бог обещает, что уповающим на Него в страданиях дарована будет новая сила и новое терпение, так что другие, видящие это, будут лишь удивляться.

Можно предполагать, что я в моем положении ослабею и разочаруюсь. Но так как я знаю Бога и в полной уверенности с радостью ожидаю того дня, когда получу новое тело, я уже теперь могу поднимать „крылья, как орлы“. Это ожидание наполняет меня выдержкой и силой, словно я уподобляюсь орлу, который своими могучими крыльями может довериться потокам воздуха между горами.

Но еще и в другом отношении уподобляюсь я

орлу в своем уповании на Бога. Мое тело приковано к креслу-коляске. Однако я ожидаю будущего, которое Бог приготовил для меня, и это дает мне свободу подыматься на высоты радости и в то же время постигать глубины Его милосердия.

Those who wait
on the Lord
shall renew strength like eagles
Psalm 145

В ПЛАНЕ ЛИ БОЖИЕМ МОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ?

Я БЫ ХОТЕЛА, ЧТОБЫ БОГ ИСЦЕЛИЛ МЕНЯ

Сегодня после обеда в нашем доме относительно спокойно. Моя племянница приедет примерно через час на желтом школьном автобусе. В окно своей комнаты, в которой я рисую, я вижу Джей, как она трудится в огороде над своей редиской, кабачками и тыквой. Кстати, она очень искусная садовница. Сегодня нет друзей, нет посетителей, что, собственно, является у нас большой редкостью, а потому я одна. Это самая лучшая возможность заняться чтением.

На краю письменного стола, у которого меня посадили, лежит книга, которую я уже давно хочу прочесть. Но достать мне ее не просто, потому что я не владею своими руками и пальцами. Я в состоянии только положить руку рядом с книгой и двигать ее к себе слабыми и неловкими толчками. Мне потребовалось длительное время после несчастного случая, чтобы научиться этому, поэтому я очень рада этой своей способности. Я способна даже перелистывать книгу и разглаживать страницы, когда она пытается закрыться.

Однако сегодня я вижу, что у меня возникает проблема. Рука моя в шине медленно движется

мимо стакана с карандашами в направлении небольшой книги карманного формата, но она чуть-чуть далековато от меня. „Да! Придется потрудиться“. Правда, мне удастся положить свою кисть рядом с книгой, однако не так, чтобы я могла толкать ее в своем направлении. А потому мне необходимо воспользоваться особой тактикой. „Может быть, мне удастся ее приблизить зигзагообразно“. Мой племянник Эдди учил меня немного парусному спорту. „Если ты хочешь, чтобы парусная лодка двигалась против ветра, – объяснял он, – то невозможно просто плыть прямо. Лодку необходимо направлять то вправо, то влево, и так шаг за шагом продвигаться вперед“. Это называется лавированием.

Поэтому я подумала, что и мне необходимо лавировать. Я попытаюсь двинуть книгу влево к краю стола, а затем вправо. И всякий раз я буду чуть-чуть подталкивать ее ближе к себе, пока она не окажется столь близко, что я смогу раскрыть ее. Инвалидам следует привыкнуть к тому, что даже ничтожные задачи для них превращаются в тяжелый труд.

Однако едва ли я смогу когда-либо примириться с этим, если мне не удастся выполнение таких мелочей, которые обычно делает даже парализованный человек. Сегодня эта маленькая книга находится на четыре сантиметра вне пределов моей досягаемости. Я могла бы подтолкнуть ее, но не в свою сторону. „Книга, помоги мне чуть-чуть сама!“ Однако каждый толчок как будто все более удаляет ее от меня. У меня остается только одна надежда: нажать рукой на обложку книги

так, чтобы одним толчком приблизить ее к себе. А потому я кладу свою кисть на книгу, стараясь силою своих слабых мышц нажать так, чтобы пододвинуть книгу к себе. Но она падает на пол.

„О, нет! Теперь лежишь ты, книга, в двадцати сантиметрах от моей парализованной руки, и я не могу коснуться тебя“.

Я посмотрела в окно. Джей была еще в огороде. Она не услышит, если я крикну ей. Рядом нет никого, кто мог бы подать мне эту книгу. И другой книги нет в досягаемой близости. Не остается ничего иного, как празднично провести следующие шестьдесят минут у письменного стола, глядя на полку с книгами, в то время как я так радовалась бы чтению.

В такие мгновения очень хочется быть здоровой. Однако я прошу вас не думать, что я всегда испытываю это желание, оно посещает меня, собственно, редко. Но в такой день, как сегодня, это желание особенно сильно. Такие дни, когда очень хочется опять пользоваться своими руками, я называю „днями желаний“. Правда, я уже научилась довольствоваться своим положением и даже радоваться, хотя перспектива войти опять в нормальную жизнь остается весьма заманчивой. Я убеждена, что всякий нормальный человек, независимо от того, является ли он христианином или нет, предпочел бы лучше быть здоровым, нежели больным. Когда мое отношение к Богу постепенно нормализовалось, когда я убедилась, что, рассуждая по-медицински, у меня практически нет никаких надежд опять владеть своими руками и ногами, я начала более

интересоваться тем, что Библия говорит о чудесном исцелении. Я искала и исследовала всевозможные пути, я изучала Библию и другие книги, а также просила совета у моих друзей и разных христиан, пользовавшихся духовным авторитетом. Все единодушно твердили, что Бог, без сомнения, способен исцелять болезни, каковы бы они ни были.

Однако у них не было полного единодушия по вопросу, хочет ли Бог исцелить всех, приходящих к Нему с верою. Я столкнулась с двумя совершенно противоположными мнениями. Одни утверждали, что время чудес уже миновало, а потому в настоящее время их больше не следует ожидать. Другие же полагали, что чудеса принадлежат к повседневной жизни каждого христианина, что исцеление от болезни является существенной составной частью нашего наследия как верующих. Между этими двумя противоположными полюсами можно было поместить мнения и других христиан. Это различие во взглядах существует в христианских кругах еще и по сей день. Я хотела бы подчеркнуть, что по обеим сторонам разделяющего их забора существуют верующие, которые полностью вручили себя Господу Иисусу Христу и для которых Библия является вдохновенным Духом Святым Словом Божиим. Дело не в спорном вопросе, который возник между людьми, любящими Бога и не любящими Его, между „добрыми“ и „злыми“. Все это больше похоже на внутрипартийный спорный вопрос.

Когда я хорошо ознакомилась с этими

мнениями, мне пришлось сделать выбор. Вначале я не могла согласиться с теми, кто утверждает, что Бог не творит больше чудесных исцелений. Во-первых, кто может это утверждать? Если я никого не знаю, кто был бы исцелен сверхъестественным образом, то это еще не доказательство в пользу того, что Он действительно не совершает чудес в наше время. Бог обращается со Своими детьми, как Ему угодно. Одному Он дает сравнительно легкую и удобную жизнь, другой же получает преимущество страдать, например, ради Него в концентрационном лагере. Некоторые удостоиваются награды за свою веру еще в этой жизни, других же награда ожидает после смерти (Евр. 11, 32-39). Я не в состоянии извлечь из своего личного опыта общения с Богом абсолютного масштаба для Его действий. Для того, чтобы утверждать, что Бог в наше время не исцеляет больных сверхъестественным образом, мне следовало бы побывать везде во всем мире, чтобы проверить и испытать всякое мнимое исцеление.

Кроме того, как обстоит дело с теми христианами, которые свидетельствуют о том, что Бог исцелил их? Одной такой исцеленной христианкой является моя личная подруга, которая страдала тяжелым заболеванием костного мозга. Так как все медицинские усилия остались безуспешными, то врачи уже оставили надежду на ее выздоровление. Однако она молилась вместе с другими, а когда в очередной раз пришла к врачу на осмотр, удивлению его не было границ. Он не был христианином, но сделав в течение некоторого времени повторные анализы крови, сказал

моей подруге: „Я не могу найти для этого явления никаких естественных или медицинских объяснений. Ваш случай был безнадежным. Я могу сказать, что это только чудо“. Это было пятнадцать лет тому назад, и эта женщина и по сей день здорова. Я знаю ее достаточно хорошо и знаю, что она не лжет, она также не внушила себе того, чего не было в действительности.

Конечно, вполне возможно, что некоторые рассказы об исцелениях исходят от людей, которые считают, будто они были исцелены сверхъестественным образом. Скорее всего, это люди с обостренной чувствительностью. Другие же, наверное, просто лгут, чтобы привлечь к себе внимание окружающих. Некоторые места из Библии (Матф. 7, 22-24; 2 Фес. 2, 9) свидетельствуют о том, что порою чудеса может творить даже сам сатана. Но я просто не осмеливаюсь разделять людей по этим группам.

Прежде я сказала, что только в том случае можно утверждать, что в наше время больше не совершается чудесных исцелений, если бы было возможно опросить сразу всех людей и это бы не подтвердилось. В действительности существует еще другая возможность. Представьте себе, что в Слове Божиим было бы сказано о том, что Бог, начиная с определенного момента, не будет более исцелять людей посредством чуда. Тогда мы могли бы быть вполне убеждены, что отныне так называемое исцеление Божие является либо жульничеством, либо происходит от сатаны. Многие христиане полагают, что фактически так в Священном Писании и сказано. В результате

они оспаривают всякое свидетельство о сверхъестественном исцелении, как бы убедительно оно не было.

Я хочу оговориться, что придерживаюсь мнения о необходимости проверять свой опыт в свете Слова Божьего, а не наоборот. Христиане нашего времени и без того склонны придавать слишком большой вес своему опыту. Они считают его абсолютной истиной, которая должна служить масштабом и для всех остальных. Таким образом они ставят свой собственный опыт вровень со Священным Писанием.

Это совсем не означает, однако, что мы должны пренебрегать своим опытом. Слишком многие утверждают, что Бог исцелил их чудотворным образом, а потому мы не в состоянии так просто отвергнуть их свидетельства. Это свидетельства, в основном, зрелых христиан – среди них и медиков. Все это должно заставить нас задуматься, даже если мы и полагаем, что согласно Библии нам ныне не следует ожидать чудес, побудить нас еще раз исследовать вопрос о том, правильно ли мы понимаем Слово Божие.

На этом основании я была вынуждена отказаться от того крайнего мнения, будто Бог не творит сегодня вообще никаких чудес. По моему мнению, Библия не учит этому, да и факты противоречат такому утверждению.

Но как же все-таки обстоит дело с мнением другой группы людей, которые утверждают, что не только совершаются сегодня чудесные исцеления, но они предназначаются еще и для каждого? Что всякий, кто приходит к Иисусу с

верой и упованием и просит Его об исцелении своего тела, будет исцелен?

Вскоре после того, как я сломала себе шею, несколько человек из числа моих друзей, а также некоторые другие дали мне понять, что они придерживаются такого мнения. И по сей день я получаю многочисленные письма от христиан, которые пишут мне то же. Одни присылают мне даже книги. Некоторые не пожалели времени найти все места Священного Писания, доказывающие, что я не только могу быть исцелена, но даже должна быть исцелена. Вот некоторые отрывки из писем:

„...сразу же коснусь главного вопроса: я полагаю, Джони, что ты можешь быть исцелена. Я не знаю, что тебе говорят относительно этого, а также какого мнения ты сама придерживаешься, однако многие места Священного Писания свидетельствуют о том, что исцеления в настоящее время возможны и притом для всех людей, независимо от того, в каком состоянии они находятся...“

„Я слышал, что ты придерживаешься того мнения, будто Бог хочет, чтобы ты оставалась в таком телесном состоянии, в котором находишься теперь. Но я не могу поверить этому. И по следующим причинам: ... (далее это мнение подтверждается многочисленными местами Писания) Джони, ты, может быть, скажешь, что прославляешь Бога в своей расслабленности, но ты еще больше прославишь Его через свое исцеление! В Библии ведь сказано, что, когда Иисус исцелял людей, они прославляли Его. Ты известна теперь

всему миру. Можешь ли себе представить, как было бы дивно, если бы ты была исцелена?”

„...в Евангелии от Иоанна 10, 10 сказано, что мы должны иметь жизнь с избытком. Можешь ли ты честно сказать, что ты, как парализованная, имеешь ее с избытком? Иисус пришел для того, чтобы освободить людей. Ты прикована к своей инвалидной коляске. А ведь твое тело – это храм Духа Святого. Неужели ты думаешь, что Он хочет иметь сокрушенный и беспомощный храм?..“

„...Я был бы рад, если б в твоей книге появилась новая глава. И озаглавлена она была бы так: „Как Бог исцелил меня!“

Я не в состоянии указать здесь всех причин, почему каждый христианин может ожидать исцеления от Бога, если он действительно верует. Однако все письма, которые я получила, все книги, которые я прочла, и все беседы, которые я вела, можно обобщить следующим образом:

1. Болезнь и смерть – это дело сатаны и бесов (Лук. 13, 16; Деян. 10, 38). Так как весь смысл пришествия Иисуса заключается в разрушении дела сатаны (1 Иоан. 3, 8), верующие могут ожидать, что будут исцелены от болезней.

2. Во время своей земной жизни Иисус совершил множество чудес, исцеляя людей. Из таких мест Библии, как Послание к Евреям 13, 8, нам известно, что Бог не изменяется, что Иисус Христос „вчера и сегодня и вовеки Тот же“. А потому Он и сегодня может точно так же исцелять людей, как делал это столетия назад.

3. У нас имеется много обетований в Писании, которые свидетельствуют, что мы получим все, о чем ни попросим во имя Иисуса (Иоан. 14, 12-14; Марк. 11, 22-24; 1 Иоан. 3, 22 и другие). Эти обетования относятся и к молитвам об исцелении.

4. Имеется целый ряд мест в Писании, которые особым образом обещают верующим здоровье и исцеление. Самым известным из них является пророчество Исаии 53, 5: „Ранами Его мы исцелились“. Следует упомянуть также и о Псалме 102, 1-3: „Благослови, душа моя, Господа... Он... исцеляет все недуги твои“. Кроме того, следует упомянуть еще Первое послание Петра 2, 24 и Послание Иакова 5, 15.

Мне сообщили все эти доказательства, а потому меня осенила мысль: „Я думаю, что теперь знаю, что мне надлежит делать“. Поразмыслив глубоко об этом, я пришла к убеждению, что Бог исцелит меня.

ПОЧЕМУ БОГ НЕ ИСЦЕЛИЛ МЕНЯ?

Дождливым днем раннего лета 1972 года несколько пасторов и около пятнадцати человек собрались в маленькой деревянной церкви вблизи от нашего дома, чтобы помолиться о моем исцелении. Это было простое собрание. Мы начали с того, что попеременно читали разные места Священного Писания. Одни читали из Нового Завета: „И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас. А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни просили, – знаем и то, что получаем просимое от Него“ (1 Иоан. 5, 14-15). Другие читали из Ветхого Завета: „А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся“ (Ис. 40, 31).

Некоторые читали те стихи, которые относятся непосредственно к исцелению больных: „Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь“ (Иак. 5, 14-15). Некоторые читали повествования об исцелении...

„Что легче? сказать ли расслабленному: про-

щают тебе грехи? или сказать: встань, возьми свою постель и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видали“ (Марк. 2, 9-12).

После чтения Писания мне помазали голову елеем. Затем мы молились в течение какого-то времени искренно и с верою исключительно о моем исцелении. Мы просили Бога, чтобы Он прославил Себя, даровав мне возможность опять ходить, и мы верили, что Он совершит это.

Когда наше короткое собрание закончилось и мы покинули церковь, дождь перестал и нас приветствовала прекрасная радуга, сквозь туман переливавшаяся в солнечном свете. Не могу сказать, что это произвело особое впечатление на кого-либо из нас, но я как-то укрепилась в уверенности, что Бог как раз в этот момент видел нас и слышал наши молитвы. В том же внутреннем состоянии, в котором и прибыла сюда, я опять отправилась домой: это было состояние радостного ожидания, что Бог исцелит меня. „Благодарю Тебя, Господи“, — молилась я тихо, когда машина тронулась с места. Я благодарила Бога за свое исцеление, так как была убеждена, что оно уже началось.

Миновала неделя, другая, третья... Мое тело все еще не чувствовало исцеления. Пальцы не реагировали на команду мозга. „Может быть,

исцеление совершается постепенно“, – размышляла я, продолжая ожидать. Но три недели превратились в месяц, а один месяц – в два.

Вы, наверное, можете представить себе, какие вопросы донимали меня. „Существует ли в моей жизни какой-то грех?“ Конечно, жизнь каждого христианина не без греха. Однако я знала, что нет такой области, в которой я сознательно восставала бы против Бога. Я жила в тесном общении с Ним, ежедневно исповедовала пред Ним свое непослушание и всегда получала уверенность в прощении.

„Правильно ли мы все совершили?“ – спросила я у подруги Бетси.

– Конечно, Джони! Это ведь не были какие-то сектанты, которые пытаются совершить что-то собственными силами. Этим собранием руководили ведь пресвитеры и пасторы! – успокоила она меня в этом отношении.

– Я думаю, что ты права, – кивнула я утвердительно. – Мы совершили точно то, что сказано в Послании Иакова 5 и в других местах.

Но теперь во мне начал подыматься тот самый трудный вопрос, задаваемый многими, чья молитва об исцелении осталась без ответа: „Была ли моя вера достаточно велика?“.

Какой поток чувств и мыслей о всевозможной виновности влечет за собой этот вопрос! Он рождает сомнения: „Бог не исцелил меня, потому что у меня что-то не в порядке. Я веровала недостаточно сильно“. Вы видите, как здесь возникает заколдованный сатанинский круг.

Христианин, который страдает какой-то

болезнью, спрашивает своего друга: „Веришь ли ты, что Бог исцелит меня, если я буду просить Его об этом?“

– Конечно, Он совершит это, – заверяет его друг. – Но тебе не следует сомневаться в этом. Малейший след сомнений может воспрепятствовать твоему исцелению.

Так как больной знает, что „вера от слышания, а слышание от Слова Божия“, он часами читает Библию о могучей силе Божией, о Его дивных обетованиях, чтобы таким образом укрепить свою веру. Наконец он чувствует, что уже готов молиться. Он молится сам, он молится с пресвитерами церкви, он молится в собраниях, он молится, где только может, и все же – не исцеляется. „В чем дело? Что неверно?“ – задается он вопросом. Часто звучит ответ: „Ошибка не в Боге. Он всегда готов, Он ожидает того момента, когда сможет войти в твою жизнь. Ошибка в тебе. Ты, вероятно, неправильно веровал“. Однако несчастный хорошо знает, что в этой молитве об исцелении он уповал на Бога более, нежели в любом другом случае в своей жизни.

Что же делать дальше? Так как больной не исцелился, он, естественно, задается вопросом: хочет ли Бог действительно исцелить его? Его вера становится слабее. Однако ему сказали, что необходимо сильнее верить, чтобы исцелиться. Но всякая безответная молитва только умножает сомнения, а потому надежда на исцеление все больше ослабевает. Борьба становится безнадежной.

Я твердо верила во время молитвенного

собрания в той маленькой церкви, что Бог исцелит меня. Я даже звонила на предыдущей неделе некоторым из своих знакомых и говорила им: „Скоро я окажусь у вашей двери, потому что Бог исцелит меня“.

Нет, дело было не в вере. Ответ следовало искать в чем-то другом.

С тех пор я годы провела в инвалидной коляске, у меня было предостаточно времени, чтобы подумать о том, почему я не исцелена. Я прочла множество книг, беседовала со многими, я много часов молитвенно исследовала Священное Писание. Но я все еще не знаю всего о теме „Исцеление“. Однако я нашла в Библии несколько мест, которые лично для меня оказались большой поддержкой. Далее я сообщу вам результаты своих шестилетних исследований.

Однако прежде я хотела бы предупредить вас. Часто бывают такие вопросы, на которые не так просто ответить, но мы слишком нетерпеливы, чтобы выслушать ответ до конца. Раньше я думала так: „Не рассказывай мне так много о богословии. Ответь мне лучше на мой вопрос!“ Потому я не находила времени и не прилагала усилий выслушать все до конца и приходила к выводу, что ответа не существует.

Когда мы ищем ответы, легко может случиться, что мы поверхностно занимаемся Библией. Мы медленно и лениво перелистываем ее, извлекаем определенные положения из контекста, из той взаимосвязи, в которую они помещены, и неверно понимаем некоторые выражения. Апостол Павел побуждает нас правильно обра-

щаться со словом истины (2 Тим. 2, 15). Очевидно, со Словом Божиим можно обращаться и неверно. Апостол Петр предупреждает нас (2 Петр. 3, 15-16) не извращать Священного Писания. Он говорит о том, что некоторые вещи в Библии действительно очень трудно понять. Нам необходимо относиться к Слову Божию с благоговением и стараться понять его истинное значение. Сказанное очень важно в отношении такой темы, как чудотворное исцеление, где страсти особенно накаляются. Пожалуйста, запомните это, когда я буду объяснять вам, к какому выводу я пришла в отношении чудотворных исцелений: Бог, несомненно, силен, чтобы и сегодня исцелять людей сверхъестественным образом, и Он делает это. Однако Библия не говорит, что Он всегда будет исцелять, как только кто-то придет к Нему с верою. В Своей суверенности Он хранит за Собой право исцелять или не исцелять соответственно тому, что Он считает правильным.

Как я пришла к такому выводу? Задайте себе теперь вопрос: что такое болезнь? (В этой и последующих главах я определяю словом „болезнь“ все телесные недуги и недостатки: потерю членов, болезни всякого рода, боли и так далее.) Я не имею в виду ее истинные причины, но я размышляю о том, что такое болезнь с точки зрения Библии, для чего она на земле? Ответы на эти вопросы прольют много света на тему об исцелении. Чтобы найти их, вернемся к нашим предкам, находившимся в Эдемском саду.

Вначале Бог сотворил Вселенную. Землю Он

дал человеку, которого поставил как Своего „соправителя“ (Быт. 1, 26). Адам и Ева господствовали под покровительством Божиим над всей землей. Не было греха, а потому и не было страшных последствий греха. Не было никакого осквернения мира. Природа была не врагом, а другом человека. Жизнь его не находилась под угрозой ураганов, наводнений и извержения вулканов. Люди не знали болезни и смерти. Возможность, что в каком-то из приятных плодов Эдемского сада мог бы заключаться смертельный яд, исключалась. Жизнь как для человека, так и для всей природы представлялась раем. Но так продолжалось недолго. Все изменилось в один миг. Сатана в своей гордости возмутился против Бога и создал с помощью воинства своих демонов враждебное Богу царство. Планета Земля стала его главной квартирой. Он склонил людей ко греху, побудив их вкусить от запретного плода. Вследствие этого землю постигло проклятие. В Послании к Римлянам 8, 20-23 ясно сказано, что не только человек, но и сама земля, все творение подвержено теперь гибели, а также бесконечному круговращению рождения и смерти. Весьма возможно, что все животные до грехопадения питались только растительностью, после грехопадения они начали пожирать друг друга. Более сильные оставались жить. Поэтому природа не только начала раздваиваться в своей сущности, но она стала еще и врагом человека. Некогда она сотрудничала с ним, теперь стала враждебна. Некогда она без особых усилий человека отдавала ему свои плоды, теперь весь мир засорен

плевелами! Хищники посягают на жизнь человека, наводнения и другие катастрофы в природе угрожают погубить его.

Вследствие греха человеку приходится теперь бороться с телесными и душевными недугами. Непосредственно за непослушанием Адам и Ева начали страдать от угрызений совести, от сознания виновности, потому что они обременили себя тяжелой виною. Вслед за этим произошел и первый в мире крах семейной жизни: Адам начал упрекать Еву за ее грех. Одиночество, разочарование, горечь, а также другие душевные бедствия, с которыми приходится бороться людям, именно тогда и обрели свое начало. Зависть и убийство не заставили себя долго ждать. Люди начали рождаться с греховной природой, они оказались в разделении с Богом, а потому и духовно мертвыми.

Подобно тому, как тернии и волчцы покрыли землю, так болезнь начала поражать тело человека. Когда мы читаем первую книгу Моисея, мы уже замечаем, что продолжительность жизни человека начала постепенно убывать. Люди уже не жили сотни лет, как это было вначале. Болезни начали отравлять мир. Стали рождаться младенцы с увечьями, а также душевно ограниченные люди. Но самое страшное было, что все кончалось смертью. Умирили растения, умирали животные, умирали люди.

Да, грех имел роковые последствия. Сатана стал царем на земле, богом мира сего (2 Кор. 4, 4), „князем, господствующим в воздухе“ (Ефес. 2, 2), князем века сего (Иоан. 12, 31).

Итак, мы находим ответ на наш вопрос: „Что такое болезнь с библейской точки зрения?“ Болезнь – это только одно из бесчисленных последствий греха, повлекшего за собой смерть, страдания, вину и катастрофы в природе. Все это только часть общего проклятия Божия, от которого страдает все человечество из-за своих грехов.

Но как же теперь быть с этим проклятием, следствием которого являются смерть и болезнь? Предоставил ли Бог этот мир просто самому себе? Без надежды? Нет! Уже в первой книге Моисея Он обещал, что придет однажды Искупитель, Который восторжествует как над грехом, так и над его последствиями. Весь Ветхий Завет наполнен ожиданием этого Избавителя, и чем чаще мы читаем его, тем отчетливее и яснее становится для нас образ грядущего Мессии.

Прежде всего Ветхий Завет единодушно свидетельствует о том, что Мессия справится с грехом. Это случится таким образом: Он простит народу Божьему его грехи и приведет на суд язычников-грешников, которые не хотят повиноваться Богу.

Во-вторых, в Ветхом Завете ясно видно, что Мессия будет иметь дело и с последствиями греха.

Обратимся, например, к книге Исаии. В ней повествуется о том, как будет восстановлен мир природы. „...ибо пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля – в источники вод...“ (Ис. 35, 6-7). Изменится не только земля, но изменятся и животные. „Волк и ягненок будут

пасть вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею..." (Ис. 65, 25). Пророк древности предвидел, что наступит конец страданиям и бедствиям человечества. „И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся“ (Ис. 35, 10). В отношении болезней сказано следующее: „Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзутся. Тогда хромым вскочит, как олень, и язык немому будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки“ (Ис. 35, 5-6).

Эти и подобные обетования привели к тому, что ожидание Мессии достигло в дни Иисуса своего апогея.

Многие ветхозаветные верующие, читая обетования, впадали в ошибки двух родов. Во-первых, они не сознавали, что это дивное будущее предназначается для всего мира, а не только для народа Израиля, что эти обетования выполнятся в пришествие Мессии. Они не понимали, что Царь их прежде всего явится в унижении, как слуга, а только потом достигнет царственного господства.

Только в одном отношении они были правы: Царство Божие непременно наступит. Ошибочно же было предположение, что оно наступит немедленно, а не в будущем.

В начале Евангелия повествуется об Иоанне Крестителе, одетом в рубище из верблюжьего волоса и проповедующем в пустыне. Он призывал людей, собиравшихся на берегах Иордана, к

покаянию, говоря им: „Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное“ (Матф. 3, 2). Когда же пришел Иисус, то возвестил, что Царство Божие уже наступило. После исцеления одержимого Иисус сказал однажды: „Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие“ (Матф. 12, 28; Лук. 11, 20). В другой раз, когда фарисеи спросили Иисуса: „Когда придет Царствие Божие?“ – Иисус ответил, вызывая у них удивление: „Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть“ (Лук. 17, 20-21).

Видите ли, эти фарисеи полагали, что Царство Божие откроется сразу же (Лук. 19, 11): Бог уничтожит Своих врагов, воздвигнет в большой силе и славе Свой престол в Иерусалиме. Но они не знали того, что Царь уже находился посреди них, а потому Царствие Божие в известном отношении уже получило свое начало. Правда, полное развитие его предназначалось для будущего, но пришествие Иисуса Христа явилось началом его. Поэтому в Евангелии от Матфея (4, 23) проповедь Иисуса называется „Евангелием Царствия“. Иисус пришел для того, чтобы избавить землю от господства сатаны и установить на ней Свое Царство. Он потребовал возврата того, что принадлежит Ему по праву. В Своей земной жизни Он начал упразднить проклятие, которое постигло человечество после грехопадения. Он пришел для того, чтобы победить грех и последствия его. Что сделал Иисус с грехом? Он понес наказание за грехи людей на кресте, проти-

вопоставив себя греху, который пребывает в человеке и проявляется в его внутренней настроенности, словах и делах. А как Иисус преодолел последствия греха? Он отменил их. Когда обремененные грехом люди приходили к Нему, Он прощал им. Когда Он видел болезнь, Он исцелял страдающих. Когда Он встречал одержимых, Он изгонял из них Своим полновластным повелением нечистых духов. Ученики удивлялись, что и ветер, и волны повинуются Ему. Таким образом, Иисус доказал, что может справиться не только с „бурями жизни“. Он проявил Свою власть, отменив воздействие греха на природу. Это было указанием на то, что Он опять возвратит Себе господство над землей. Все произошло так, как будто бы Он сказал: „Волны, разве вы не знаете, что Я Царь? Сатана достаточно уже владел этой планетой и превратил вас, волны, во врагов людей. Но Я пришел для того, чтобы положить всему этому конец“.

Начав сражаться с грехом и его последствиями, Иисус начал созидать Свое Царство. Акцент положен на слово „начал“, оно чрезвычайно важно по отношению к проблеме исцеления. Иисус „начал“, но тогда еще не закончил дела. В Деяниях Апостолов (1, 1) сказано, что повествование Евангелия от Луки – это повествование „о всем, что Иисус делал и чему учил от начала“.

Конечно, Иисус изгонял бесов. Однако Он не устранил одержимости окончательно. После того, как Он вознесся на небеса, все еще существуют одержимые.

Иисус исцелял и больных. Но подумайте о всех

тех людях, которые никогда не встречались с Иисусом и не были исцелены. Подумайте и о тех, которых Он исцелил и которые, состарившись, умерли.

Иисус усмирил бурю и тем самым доказал Свою силу над последствиями греха и в царстве природы. Но означает ли это, что в природе не будет больше никаких катастроф? Ни в коем случае! Иисус воскрешал мертвых, и это были дивные дела. Но и очень много умерло благочестивых людей, которых Иисус не воскресил. Собственно, и воскрешенные Им тоже потом должны были умереть.

Иисус прощал людям их грехи, Он оправдывал их в глазах Бога. Но на всю ли жизнь Он освободил их от присутствия греха, их греховной природы? Нет. Тогда еще Он не намеревался завершить созидание Своего Царства. Если бы Он сделал это, тогда у большей части людей этого мира не было бы возможности услышать Евангелие. План Его состоял в том, чтобы начать созидание Своего Царства и заложить основу фундамента. Таким образом, Он только показал, как это будет в конце времен, когда строительство Царства Божия будет завершено.

Авторы Евангелий подчеркивают, что мы, как христиане, живем одновременно в двух эпохах. Мы переживаем испытания, искушения и проблемы нашей нынешней эпохи, хотя мы уже знакомы с силами будущего века. Бог уже теперь является Царем, но Он не посягает на то, чтобы постоянно доказывать это. Он еще не искоренил вполне грех и его последствия, но Он дает христи-

анам представление о том, каким это Царство окажется, когда достигнет своего полного развития.

Вот пример: когда мы достигнем небес, мы будем совершенно праведны и святы. А в этом промежутке Бог даровал нам „обетованного Духа Святого“, хотя мы еще и грешим. Дух Святой является залогом наследия нашего (Ефес. 1, 13-14). Он помогает нам любить Бога и в этой жизни действовать по воле Его. Это предвкушение будущего, когда Он сделает нас вполне святыми и благоугодными Богу. Как мать дает своему ребенку попробовать приготовленной пищи, так и Иисус, посредством Своих чудес, и Дух Святой, посредством действий в нас, дают нам несколько вкусить от того, как некогда будет в небесах. А до тех пор будет так: „Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется“ (2 Кор. 4, 16). Да, некогда мы достигнем совершенного спасения, теперь же, „находясь в этой хижине, вздыхаем под бременем“ (2 Кор. 5, 4).

Понимаете ли вы теперь, почему я так подробно коснулась этого богословского круга тем: „Грех, последствия греха и Царство Божие“? Болезнь – это только одно из проявлений многочисленных последствий греха, побеждать которые начал Иисус (но еще не устранил окончательно), начав созидать здесь на земле Свое Царство. Чудеса Иисуса, в том числе и чудеса исцеления, не являются гарантией того, что для Его последователей уже прекратилось действие всех последствий греха. Время от времени Бог может даро-

вать нам исцеления от болезней, давая этим возможность взглянуть на грядущее великолепие. Я думаю, что именно так Он и поступает время от времени. Однако перед лицом того факта, что Царство Божие еще не достигло всей своей полноты, нам и не следует рассматривать чудеса Божии как нечто само собой разумеющееся. Почему, собственно, нам следует выделять болезни, которые являются только одним из проявлений многочисленных последствий греха, и считать их чем-то особым, как будто христианам наших дней уже нечего более делать? Мы живем в „нынешнем веке“, и Новый Завет уделяет особое значение нашим земным испытаниям, чтобы мы могли вполне осознать, что нам необходимо примириться с их обилием.

Желает ли Бог самого лучшего Своим детям? Несомненно! Но это вовсе не означает, что они будут проводить легкую удобную жизнь на солнечных вершинах. Если меня действительно мучат раны и язвы, как Иова, страдающего от своих язв, то я вынуждена сказать вместе с ним: „Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?“ (Иов. 2, 10). И если я прикована к своей инвалидной коляске, как и Павел находился в оковах, то я готова сказать вместе с ним: „Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне“ (Фил. 1, 29-30).

Я хотела бы напомнить и следующие слова: „Но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела

нашего. Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении“ (Рим. 8, 23-25).

САТАНА ИМЕЕТ В ВИДУ ЗЛО – БОГ ЖЕ ИМЕЕТ В ВИДУ ДОБРО

Последняя глава была весьма богата содержанием, не так ли? Могу даже утверждать, что некоторые мои читатели скажут: „Ну, а как же нам быть с теми четырьмя пунктами, которые упомянуты в 11 главе?“

Я не забыла их. Но мне хотелось сначала коснуться проблемы исцеления – в общем. Сейчас, когда мы обратили свое внимание на фон, мы можем приступить и к ответу на отдельные моменты. Помните ли вы еще, что писали мне по вопросу об исцелении?

Во-первых: сатана является причиной всех болезней, а Иисус пришел разрушить дела сатаны. Потому Иисус может исцелить нас от всех болезней, если мы попросим Его об этом с верою. Верно?

Мне кажется, что такие выводы следуют из неверного понимания Библии, ее учения о взаимоотношениях между Богом и сатаной, особенно в вопросе о болезни (в конечном итоге и в вопросе о всяком роде бедствий). Прежде всего нам необходимо принципиально установить, что сатана часто вызывает в нас болезни, однако он может совершить лишь то, что допускает Бог.

У нас существуют порою своеобразные представления о Боге. Получается так, будто мы расцениваем борьбу между Богом и сатаной, не сознавая того, как единоборство. То Бог одерживает победу, то сатана. Но в итоге все-таки Бог одержит эту победу, — убеждаем мы себя, потому что Он чуточку сильнее, да и дыхания у Него хватает на более продолжительное время. Но и Ему требуется время, и иногда приходится туго.

Мы готовы согласиться с тем, будто удары сатаны могут разрушить все планы Божии, свалив их в одну кучу, будто сатана способен преодолеть Его и поставить перед неразрешимыми проблемами.

Но как же нелепы такие мысли! В действительности Бог бесконечно могущественнее сатаны. В Первом послании Иоанна (4, 4) сказано: „...ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире“. Следовательно, сатана обязан своим существованием Богу. Он вынужден был спрашивать разрешения у Бога, чтобы коснуться Иова, но и тогда ему необходимо было соблюдать определенные ограничения. Его бесовские воинства опасались Иисуса и повиновались Его повелениям. Библия недвусмысленно говорит, что наш Господь в свое время победит лукавого, лишив его власти и силы.

Нет, сатана не проникает тайно в человека, чтобы вызвать в нем воспаление легких или рак только потому, что в данный момент Бог смотрит в другую сторону, чтобы выслушать молитвы Своих святых. Сатана силен совершить только то, что попустит ему совершить наш Всемогущий,

Всеведущий Бог. Нам даровано обетование, что Он не допустит ничего, что не будет содействовать нашему благу, чего мы не сможем вынести (Рим. 8, 28; 1 Кор. 10, 13).

Но если мы говорим, будто Бог предоставляет сатане свободу действий, то у нас, как мне кажется, порою возникают ложные представления: будто сатана может иногда уговорить Бога, и Бог нерешительно уступает ему, говоря: „Ладно, ты можешь сделать теперь то или другое... но только в этот раз!“ Не надо думать, будто Бог, дав сатане разрешение, потом с поспешностью за ним следует, держа ящик с инструментами, чтобы исправить то, что разрушил сатана, говоря при этом: „Что же Мне теперь сделать, чтобы из этого несчастья извлечь что-то доброе?“ Неправильно считать, что намерениям Божиим противно, когда христианин болен, потому что Господь вынужден тогда „подключить план Божий на случай бедствия“.

Нет, сатана не в состоянии своими мрачными и коварными кознями остановить дело Божие или воспрепятствовать Ему. Напротив, Бог пользуется делами сатаны, чтобы осуществлять Свои собственные вечные планы.

Подумаем, например, о распятии Иисуса. Сатана играл в данном случае бесспорно важную роль. Он проник в сердце Иуды Искарриота, который предал Иисуса (Иоан. 13, 2; 26-27). Он действовал в сердцах иудейской толпы, которая, крича на улицах Иерусалима, требовала распятия Иисуса. Сатанинская гордость и сатанинский страх стояли за приговором Пилата невинному

Человеку, чтобы только ублажить народ, боясь вызвать в нем недовольство. Сатана же побудил жестоких солдат к тому, чтобы насмешками и мучениями сделать еще более тяжелыми последние часы жизни беспомощного Пленника.

Но как смотрели первые христиане на эти события? Они судили об этом с Божьей точки зрения и прославляли Его, зная, что те, кто нес ответственность за смерть Иисуса Христа, поступили так, „чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой“ (Деян. 4, 28). Пытаясь уничтожить и погубить план Божий, сатана лишь содействовал собственной гибели, потому что он выполнил только то, что Бог предопределил для избавления человечества. Самое низкое преступление в истории мира привело к избавлению мира, потому что этим был нанесен смертельный удар греху и сатане.

Допустим, что у Бога Отца была бы такая же точка зрения, как у многих современных христиан: все желания сатаны в любом случае должны причинять урон народу Божию. Все, что он совершает, непременно противоречит воле Божией. Но допустим, Бог воспрепятствовал бы Иуде предать Иисуса и не допустил, чтобы римляне распяли Его. Каковы были бы тогда последствия для мира? Мы все погибли бы навеки!

В действительности дела обстоят так: сатаной в распятии Иисуса руководила злоба, движущей же силой Бога является любовь и благодать. Сатана играл во всем этом деле лишь подчиненную роль, потому что Бог в принципе

допускал распятие, а потому и разрешил сатане выполнить это. То же самое можно сказать и в отношении наших болезней.

Я могу представить себе, что некоторые тотчас же возразят: „Но, Джони, ведь мы не можем сказать, что Бог допускает, чтобы люди болели, потому что Он хочет этого? Библия говорит, что Иисус исцелял больных. Это ведь доказательство в пользу того, что болезни не соответствуют воле Божией“.

Но послушаем, что сказал Сам Бог Моисею: „...кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? не Я ли Господь?“ (Исх. 4, 11). Затем обратим внимание на то, что говорит пророк Иеремия: „Не от уст ли Всевышнего происходит бедствие и благополучие?“ (Плач. 3, 38). А через пророка Исаию Бог говорит следующее: „Я образу свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия. Я, Господь, делаю все это“ (Ис. 45, 7).

Сказано ли этим, что Бог хочет, чтобы мы болели? Я думаю, что все зависит от того, как мы понимаем волю Божию. Бог, конечно, не хочет, чтобы мы болели в том смысле, чтобы Он радовался нашим страданиям. Он ненавидит болезни, как и все остальные последствия греха: страдания, виновность, смерть и т.д. Однако Бог вынужден согласиться с существованием болезни, ведь в противном случае Он немедленно устранил бы ее.

Вот пример: допустим, что вы являетесь судьей и хотите осудить десятилетнего мальчика за грабеж в магазине. Предположим к тому же,

что отец мальчика – ваш лучший друг. Будет ли для вас радостью осуждение этого мальчика? Конечно, нет. Для вас это будет скорбью. Но вы все-таки примете решение наказать его, чтобы воздать должное справедливости.

Так и Бог решил по разным соображениям и причинам допустить болезнь. Посредством ее Он формирует, например, характер христианина. Таким образом, Бог пользуется одной формой зла (болезнью), чтобы устранить другую (личный грех). Но существуют еще и другие причины. Я уже упоминала о пользе, которую влекут за собой испытания. Это же самое можно сказать и в отношении болезней. В предыдущей главе я упомянула об одной причине, которая, может быть, дарует нам более всего радости и утешения. Бог еще ожидает и не наказывает окончательно за грех и его последствия, пока люди по всему миру не получат возможности услышать весть Евангелия. Ведь если бы сегодня Бог устранил болезни, Он вынужден был бы уничтожить грех – причину болезни, а это означало бы уничтожение всех грешников. Благодать Божия медлит осудить болезнь и грех.

Но я представляю себе, что найдутся еще и другие возражения против моих выводов. Верно ли то, что Бог разрешает сатане вызывать болезни? „Все, что творит сатана, подсказывается его возмущением против Бога, – размышляют некоторые, – а потому это грех. Следовательно, мы превращаем Бога в грешника, если решаемся утверждать, что Он разрешает сатане вызывать в нас болезнь“.

Это возражение трудно опровергнуть, я многого не знаю об отношениях между Богом и сатаной. Однако Библия утверждает следующее: с одной стороны, Бог бодрствует над действиями сатаны, так что он не в состоянии делать то, что хочет. С другой стороны, Бог действительно не является грешником и не является причиной греха!

Если бы мы нашли в Библии два высказывания, которые как будто противоречили бы друг другу, то что же нам следовало бы тогда делать? Как мы могли бы сочетать их друг с другом? Конечно, было бы совершенно просто опровергнуть одно или другое. (Но в таком случае обычно опровергается суверенность Божья.) А это было бы большой ошибкой. Прежде всего нам следует удостовериться, что оба высказывания действительно находятся в Библии. Убедившись в этом, нам необходимо в смирении склонить свой разум перед авторитетом Слова Божьего и верою принять оба высказывания. Если Бог говорит что-то, нам необходимо доверять Ему, если даже сказанное Им и представляется противоречивым нашему ограниченному разуму.

Я думаю, что лучшим объяснением этого вопроса является учение о том, что существует Отец, Сын и Дух Святой, каждый из которых является Богом, хотя это три разные личности. Человеческий разум не в состоянии привести этих истин в созвучие друг с другом, но тем не менее истинный христианин не опровергает их. Почему же тогда мы должны вести себя иначе, когда вопрос касается высказываний Библии о

безгрешной природе Божией и об Его суверенном господстве над сатаной?

Как князь этого мира сатана обладает властью причинять горе и опустошения. Он широко пользуется этой властью, потому что знает, что путь его закончится в аду, а потому и стремится увлечь за собой как можно больше людей. Он причиняет болезни и трудности, потому что ненавидит Бога и людей. Но Бог пользуется злыми намерениями сатаны во благо и во исполнение Своих собственных целей. Это и свидетельствует о том, кто подлинно является „...Совершающим все по изволению воли Своей“ (Еф. 1, 11).

Сатана мешает, например, посредством ливня совершить членам церкви экскурсию, чтобы люди возроптали на Бога. Но Бог пользуется этим дождем, чтобы воспитать в людях больше терпения. Сатана хочет воспрепятствовать работе благословенного миссионера, заставив его упасть и сломать себе ногу. Бог допускает этот несчастный случай, чтобы посредством терпения этого миссионера прославиться в этом испытании. Сатана подымает страшную бурю, чтобы в небольшой индийской деревне погубить тысячи людей, потому что это доставляет ему радость: он любит причинять бедствия и горе. Но Бог пользуется бурей, чтобы явить Свою силу, внушающую благоговение, чтобы указать людям на страшные последствия грехов, чтобы некоторых побудить искать Его, других – еще более ожесточить в их грехах, третьим – напомнить, что Он волен творить то, что Ему угодно и, наконец, чтобы напомнить нам, что мы не в состоянии постичь

Его своим разумом. Сатана решил, чтобы семнадцатилетняя девушка по имени Джони сломала себе шею, надеясь таким образом погубить ее жизнь. Бог же допустил этот несчастный случай, как ответ на ее молитву о более глубоком общении с Ним, а теперь пользуется ее положением, чтобы доказать ей Свою любовь и Свои заботы о ней.

Одна подруга как-то сказала: „Бог посылает нам определенные вещи, но очень часто случается так, что именно сатана приносит их нам“. Но благодарение нашему Господу! Когда сатана приносит нам болезни или какое-то другое горе, мы можем выступить ему навстречу со словами, с которыми Иосиф некогда обратился к своим братьям, продавшим его в рабство: „Вот, вы умышляли против меня зло, но Бог обратил это в добро“ (Быт. 50, 20).

Вот каково соотношение между сатаной и болезнями. Обратим теперь внимание на второй момент, который выдвигают некоторые, писавшие мне о чудотворном исцелении. Они аргументируют следующим образом: „Так как Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки тот же и так как Он, как следует из Евангелий, исцелял всех, которые приходили к Нему с верою, то Он должен и ныне действовать так же“. Через некоторое время после того собрания, которое состоялось в деревянной церкви по поводу моего исцеления, я беседовала со Стивом на эту тему.

Однажды холодным зимним вечером мы сидели у камина. Мои сестры одевались, чтобы идти на прогулку. Падал снег. Стив заметил мой

тоскливый взгляд, который я бросила на сестер, когда они закутывались в свои шали и пальто.

– Тебе бы тоже хотелось отправиться с ними, не так ли, Джони? – спросил он.

– О, нет, нет... – удивившись, ответила я.

Но затем, подумав некоторое время, я добавила:

– Но ведь, собственно, это было бы действительно прекрасно, если бы я могла отправиться вместе с ними. Знаешь, Стив, после молитвы об исцелении в церкви миновало уже больше года.

Стив заметил, что мне хотелось бы побеседовать с ним на эту тему, а потому придвинул свой стул.

– Известно ли тебе какое-нибудь место в Библии, свидетельствующее, что Иисус отверг кого-то из тех, кто просил Его об исцелении? – спросила я.

Он задумался немного, наморщив лоб.

– Нет, не могу вспомнить такого места, – ответил он, покачав головой.

– Тогда веришь ли ты тому, что сказано в Евангелиях, что Иисус исцелял людей, которых приносили к Нему?

– Да, конечно, – сказал он и протянул руку за своей Библией, которая лежала на столе.

– И тому, что говорит Слово Божие, что Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки тот же?

– Конечно!

– Библия говорит также, что Бог не изменяется. Верно?

– Точно!

– Но если Иисус исцелял всех, кто приходил к Нему с верою, и если Он неизменен, тогда Он, конечно, и сегодня должен исцелять всех, которые приходят к Нему с верою, не так ли?

Стив встал и начал медленно ходить вокруг стола. Он глубоко вздохнул, сделав маленькую паузу, чтобы собраться с мыслями, а затем ответил:

– Джони, твоя логика непоследовательна. Иисус действительно исцелял тех, кто тогда просил Его об этом, и Он – неизменен. Но делать отсюда вывод, что Он и сегодня должен действовать так же, я не решаюсь.

Встретившись с моим вопрошающим взглядом, он начал излагать свои взгляды:

– Мне кажется, что главная ошибка в подобных рассуждениях заключается в следующем: люди не делают разницы между Богом и его делами. Действительно, Он – неизменяем, но очень часто изменяется то, что Он делает.

Затем он объяснил мне, что не могут измениться ни сущность Божия, ни свойства Его. Например, Он не может быть еще более святым, ибо таким Он уже является. И любовь Его, и верность Его не могут ни умножаться, ни убывать. Ведь Бог во всех Своих чертах уже совершенен, а потому изменение в любом отношении означало бы для Него отход совершенства.

Стив замолчал, сделав большую паузу, чтобы я могла усвоить сказанное им. Он подошел к камину, чтобы подбросить в него еще дров.

– Позволь мне объяснить эту мысль следующим образом: представь себе человека, кото-

рый находится на Северном полюсе, – начал снова он, сопровождая свои слова соответствующими жестами, которые столь типичны для него. – Если человек окажется там, он находится на крайнем севере, и его шаг в любом направлении – это уже шаг к югу.

– Неужели ты полагаешь, что если бы Бог изменялся, то Он уже не был бы более Богом? – спросила я.

– Точно, – сказал он одобрительно, ударив себя по колену. – Если с высшей точки двигаться в любом направлении, это все равно означает – вниз. А так как сущность и свойства Божии находятся совсем высоко, то они так никогда и не изменятся, или как говорит Библия: Он „вчера, сегодня и вовеки тот же!“ Но это совсем не означает, будто мы ограничиваем Бога и свободу Его действий. Было бы совершенно неверно представлять себе Его размышляющим мистиком, который часами сидит совершенно неподвижно и не шевельнется даже для того, чтобы прогнать муху с носа. Библия полна свидетельств о делах Божиих, а каждое дело Божие означает изменение.

– Но это не изменение Его сущности, – вставила я, – а только изменение в Его делах!

Понемногу я начинаю понимать, что к чему. Стив утвердительно кивнул головой, а затем стал разъяснять мне, что у Бога есть план для всего человечества, что человеческая история неудержимо стремится к своему апогею. Раньше Бог действовал посредством Своего народа – Израиля, сегодня же Он действует посредством Своей

Церкви. Некогда Иисус смирялся пред теми, которые поносили Его, но наступит день, когда Он привлечет их за это к ответу. То, что соответствует в определенное время Его плану, оказывается ошибочным в другой момент времени. Бог, сущность Которого неизменяема, управляет величественным зрелищем, в котором постоянно изменяются сцены и роли, где решительно все устремлено к завершающей сцене, после которой опустится занавес.

Я посмотрела в окно и увидела, что мои сестры идут обратно вместе со своими саями.

– Возвращаясь к моему вопросу, спрошу тебя, неужели ты полагаешь, что чудесные исцеления не соответствуют современности? – спросила я задумчиво Стива.

– Джони, нам не следует обобщать это. В очах Божиих может быть вполне хорошо то, чтобы одного человека исцелить, а другого – нет, или одного и того же человека раз исцелить, а в другой раз нет. Я верю, что Бог и сегодня еще совершает чудеса и исцеляет людей, если они попросят Его об этом. Но я убежден, что чудеса во дни Иисуса Христа и апостолов обладали особым значением.

Он пододвинул мое кресло от окна к столу. Затем сел рядом со мною и раскрыл Библию, продолжая свои рассуждения. Я узнала, что чудеса во времена Иисуса обладали особым значением, потому что являлись доказательством того, что Он подлинно является Мессией Израиля и обладает силой устранять страшные последствия греха, как болезнь и смерть.

Во времена апостолов все происходило подобным образом. Чудеса, которые они совершали, были знамением того, что апостолы были подлинно учениками Иисуса Христа. Они и притязали на это право. Им надлежало утверждать новообразовавшуюся церковь Христову. Времена деяний апостолов (о которых мы читаем в Новом Завете) являются единственным, в своем роде, временем в истории народа Божьего, которое нуждалось в особых руководителях, какими и были апостолы.

До тех пор еще не было истинных христианских миссионеров. Но Иисус Христос поручил Своим последователям провозглашать Евангелие по всей земле. Это была великая задача! И Бог содействовал этому, поставив в Своей Церкви тех вождей, которые могли совершать чудеса. В Деяниях Апостолов (2, 43) читаем: „Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось через апостолов в Иерусалиме“. Но первой церкви необходимо было преодолеть другое препятствие: многие из воспитанных в иудействе, но обратившихся ко Христу, оказались в смятении. Стив сказал, что мне следовало бы когда-нибудь представить себя живущей в первом столетии в Палестине в качестве отца иудейской семьи, который недавно уверовал в Иисуса Христа.

– Представь себе, Джони, – сказал он, улыбаясь, – столетиями народ твой тщательно соблюдал иудейский закон: приносились жертвы, обрезывались все младенцы мужского пола, не употреблялись в пищу определенные сорта мяса,

не было общения с язычниками. Конечно, еще не был забыт прежний образ жизни. В конечном итоге ты ведь все еще иудей. Представь себе, что к тебе приходит твой лучший друг, тоже христиан-иудей (который в последнее время ведет себя как-то странно) и удивляет тебя некоторыми новостями:

– Слышал ли ты, старый друг?..

– Что?

– Все изменилось. С тех пор, как Сын Божий умер на кресте окончательной жертвой за грехи мира, уже нет необходимости более приносить в храме животных в жертву Богу.

Ты поднимаешь в изумлении свои руки вверх и даже всплескиваешь ими в ужасе:

– Как? Ты с ума сошел, что ли?! Не приносить жертв? Да, я верую в Иисуса, но ведь мы всегда приносили жертвы.

– Но это еще не все, – продолжает твой друг с воодушевлением. – Нам не надо больше обрезать своих младенцев!

– Слушай, это уже слишком... как ты так можешь говорить?..

– И еще не все: мы можем есть мясо, какое хотим. Нам следует любить всех язычников, словно они наши братья! Я приглашаю тебя и старого Флавия Марка на ужин. Будет свиное мясо!

– И я должен есть свиное мясо?! – Ты хватаешься рукой за голову и убегаешь, восклицая: – С Флавием, с пастухом свиней?!

Я рассмеялась, когда Стив кончил говорить.

– Так вот, – сказал он, – ты можешь предста-

вить себе те трудности, которые появлялись в совместной жизни христиан, бывших иудеев и язычников. Там требовались авторитетные и способные руководители, такие, как апостолы, чтобы направлять все развитие церкви, не уклоняясь от споров.

Следующим моментом, который отличал эпоху апостолов, был тот факт, что тогда еще не существовало Нового Завета в его нынешней форме. Поучения Иисуса можно было легко забыть или извратить. Правда, Дух Святой обогащал некоторых христиан пророчествами и откровениями, которые служили связью до тех пор, пока не появился Новый Завет, однако тогда уже объявилось множество обольстителей и лжеучителей. Они стремились единственно к тому, чтобы удовлетворить свое я, они, как волки, подстерегали тот момент, когда смогут напасть на стадо Божие, чтобы вовлечь его в заблуждение. Так как тогда не существовало еще Нового Завета как абсолютного масштаба религии, то Бог поручил апостолам бодрствовать над церковью и хранить ее от заблуждений.

Однако как было доказать апостолам, что они истинные ученики Христовы, когда вокруг появилось столько лжеапостолов? Павел отвечает на этот вопрос в своих посланиях к церкви в Коринфе. Он говорит, что они могут испытать его на плоды его служения. Но решающее высказывание мы находим во Втором послании к Коринфянам 12, 12: „Признаки апостола оказались перед вами всяким терпением, знаменами, чудесами и силами“. Итак, у совершаемых им

чудес существовала явная цель – привлечь к нему и вообще к мужам, которых Бог определил для руководства и созидания церкви, серьезное внимание. Бог дополнительно даровал им полномочия, так что они не только сами совершали чудеса, но дар этот могли передать и другим. Видимо, этого не могли совершать те, кто в действительности были лжеапостолами.

– Это были особые для того времени люди, – пришел к выводу Стив. – Это были апостолы. В Послании к Ефесянам 2, 20 сказано даже, что на них основывалась вся Церковь: „Быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем“. Но это уже особая статья, особое отличие, которое не является уделом всех нас прочих. Обрати внимание на все эти книги, которые написаны на тему об исцелении.

Стив указал на книжную полку над моим письменным столом и, взяв одну из книг, сказал:

– Вот эту я читал. Я хотел бы обратить твое внимание на кое-что в ней.

Он раскрыл ее на определенной странице.

– Смотри, автор цитирует здесь слова, которые Иисус произнес, обращаясь к Своим ученикам: „Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте“ (Матф. 10, 8). – Палец Стива передвигался по тексту в направлении следующего отрывка. – Далее он хочет доказать этим стихом, что и нам следует делать то же. Джони, если слова, которые Иисус сказал здесь, отнести непосредственно

к нам, то нам следует воскрешать всех мертвых! Еще кое-что. Как ни важны были чудеса для христиан той поры, в противоположность к нынешнему христианству, одно несомненно: нам не следует принимать того, что Бог делал вчера, в качестве основания для того, что Он должен делать сегодня. Если бы это было так, тогда Ему следовало бы заботиться о том, чтобы наша одежда и обувь не ветшали, потому что Он делал это для израильтян во время их странствования в пустыне!

Постепенно я начала уяснять себе все это: конечно, мы можем очень многому научиться из повествования о делах апостолов, однако все это не означает, что и мы можем делать то же, что делали они. Бог даровал их Своей Церкви в такое время, когда она настоятельно в них нуждалась. Поэтому нам не следует разочаровываться, не следует завидовать им из-за того, что мы не в состоянии делать всего, что делали апостолы, но нам необходимо прославлять мудрость Господа, Который даровал им в этой ситуации особые дары и Который дает особые дары в особом положении.

Ни Стив, ни я не заметили, как быстро прошло время. Снег больше не падал, огонь в камине угас, мне следовало уже давно находиться в постели. Стив зевнул, слегка потянулся и, встав, стал прощаться. Он поднял пустые бутылки из-под кока-колы и сказал через некоторое время:

— Джони, эта беседа не была простой для меня. В течение всех этих лет с тех пор, как я знаком с тобою, я настойчиво занимался этими вопросами.

Если где-либо в мире существует человек, который действительно радовался бы, если б ты опять начала ходить, то это я.

– Я знаю это, – заверила я его.

– Я не хочу, чтобы просто ты все проглотила, что я сказал тебе сегодня вечером. Я умоляю тебя, подумай об этом непредвзято и с молитвой.

Большого я не хотела бы требовать и от своих читателей.

Воля Божия

Но как же обстоит дело тогда, когда вы являетесь чадом Божиим и действительно стремитесь пребывать в Иисусе и тем не менее хвораете? Может быть, у вас насморк, а может быть, лейкемия. Однако после четырех собраний, на которых молились о вашем исцелении, и после ваших многочисленных молитв вы все-таки продолжаете болеть. В чем дело? Может быть, вы в состоянии сочувствовать мне, когда я говорю о том, что не была исцелена, и, может быть, вас одолевает чувство вины, потому что ничего не произошло с вами. Может быть, и вы искренно пытались проверить себя, не скрывается ли где-то в вашей жизни тайный грех, вы честно пытались найти его, чтобы исповедать и затем получить исцеление. Весьма возможно, что некоторые страницы Библии у вас зачитаны „до дыр“, потому что вы подчеркивали там различные обетования. Вы часто читали эти стихи, обращаясь мысленно к Богу! Несмотря на то, что вы,

пользуясь небесным „телефоном“, обещали Богу делать то, что угодно Ему, только бы Он исцелил вас, ответом было – молчание.

Переживая все это, помните, что вы не одиноки. Тысячи христиан находятся точно в таком же положении. Я глубоко сострадаю им, ведь я точно знаю, как это бывает, когда даже доброжелательные братья и сестры намекают вам, что вы сами виновны в своем состоянии.

Ища повсюду причины, почему мои молитвы об исцелении так и остаются без ответа, я вынуждена была опять обратиться к Слову Божию, чтобы точнее исследовать его. Там я нашла нечто, внесшее в мое сознание некоторую ясность относительно исцеления Божиего. Замечу, что я научилась рассматривать вопрос: почему страдают дети Божии? – в совершенно другом свете. Собственно, все это очень просто. Если вы предприняли все, чтобы получить исцеление, но в вашей жизни так ничего и не изменилось, вам следует согласиться с тем, что Бог в Своей премудрости хочет видеть вас именно в вашем нынешнем состоянии.

Смотрите, тот же апостол Иоанн, изложивший обетование Божие, в силу которого исполнится все, о чем бы вы ни попросили во имя Его (Иоан. 14, 13), сказал также, что Бог обуславливает это следующим образом: „И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас“ (1 Иоан. 5, 14).

Мы получаем не то, что охотно хотели бы иметь, и не то, что могло бы облегчить нашу жизнь. Если Бог должен услышать наши

молитвы, то они должны согласовываться с волей Его.

Но почему это должно быть волей Божией: оставлять без ответа просьбы детей Его об исцелении? В известном отношении вся эта книга посвящена единственно этому вопросу. Священное Писание сообщает о том, что из страданий способно вырасти много хорошего. Страдания и неприятности отвлекают наше сердце от всех преходящих дел в этом мире, а потому мы вынуждены размышлять о Боге, чаще и внимательнее читать Слово Божие. Испытания низвергают нас с нашего высокого пьедестала и приводят к тому, чтобы мы уповали на Бога (2 Кор. 1, 19).

Когда мы живем в зависимости от Бога, мы учимся лучше познавать Его. Наши проблемы дают возможность прославлять Его даже тогда, когда нам очень тяжело. Он радуется этому, а для невидимого мира это доказательство Его величия, потому что таким образом Он порождает в нас верность Себе.

Порою болезнь – наказание Божие, чтобы пробудить нас от нашего духовного сна (1 Кор. 11, 29-30; 1 Петр. 4, 1). Для нас это доказательство Его любви, потому что всякий отец, который любит своих детей, наказывает их (Евр. 12, 5-6). Случается порою, что Бог посылает нам страдания для того, чтобы мы лучше понимали других страдающих и могли утешать их. Этот перечень я могла бы продолжить. Во всяком случае, нам следует помнить о том, что Бог совершил через Своего Сына посредством страданий, когда Он был на земле (Евр. 2, 10). Поэтому нам необхо-

димо задать себе вопрос: неужели мне следует ожидать меньшего?

Иногда меня приводит в содрогание мысль о том, где я была бы сегодня, если б не сломала себе шею. Вначале я не могла понять, почему Бог допустил это, теперь я понимаю это хорошо. В своей расслабленности я способна прославить Его более, нежели прославляла бы Его, будучи здоровой! Поверьте мне, я чувствую себя благодаря этому бесконечно богатой.

Если Бог решит исцелить вас по вашим молитвам, это действительно дивно. Благодарите Его за это! Но если Он не хочет исцелить вас, то благодарите Его и за это тоже. Вам следует знать, что у Него на то имеются основания.

Я могу представить, что сейчас кто-нибудь возразит мне: „Слушай, Джони, если мы будем размышлять так, если вообще не будем считаться с тем, что Бог исцелит нас, то Он и не сделает этого!“ Заканчивать молитву об исцелении словами: „Да будет воля Твоя...“ — это фактически доказательство недостатка веры. Не следует ли нам стремиться к тому, чтобы достичь такого тесного общения с Богом, что просто будем чувствовать, чего Он хочет от нас в каждом отдельном случае, чтобы затем молиться с верою и упованием? Однако Библия предлагает нам совершенно другой образ нашего Бога. Он настолько выше нас, что мы никогда не постигнем Его. „О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?“ (Рим. 11, 33-34).

Авторы Нового Завета не утверждают, что они всегда постигали замысел Божий. Иаков напоминает, что нам не следует говорить: „Сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль“ (Иак. 4, 13). Наоборот, он предлагает нам занять такое положение: „Если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое“ (Иак. 4, 15). Когда христиане просили Павла остаться в Ефесе, чтобы он дальше наставлял их, он поступил не так, будто способен был прочесть мысли Божии, а сказал только: „К вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу“ (Деян. 18, 21).

Мы очень легко ошибаемся и неверно истолковываем волю Божию. Отсюда главная причина, почему нам следует молиться так: „Да будет воля Твоя!“ Множество раз я внушала себе, что мои молитвы прославляют Бога, хотя в действительности в основе их заключались эгоистические побуждения. „Боже мой, помоги, чтобы мне не показаться смешной, когда мне придется выступать. Иначе люди подумают, что все христиане — чудаки, а это вредит Твоей славе!“ Если бы действительно слава Божия волновала меня, то моя молитва была бы нормальна. Однако в глубине своего сердца я думала несколько иначе: „Боже мой, помоги мне, чтобы я хорошо произнесла эту речь, чтобы мне ни в коем случае не опозориться“. Конечно, Бог знал, что такова в действительности моя эгоистическая настроенность, которая как раз вредит Его славе. Он знает, что неудачная речь, может быть, скорее

отвечала бы Его целям, нежели исполнение моей просьбы.

Однако наши побуждения не всегда подсказываются эгоизмом или другими грехами, из-за чего мы неверно истолковываем Его план. Мы можем ошибаться, будучи совершенно искренни. Я хотела бы объяснить эту мысль на одном примере.

Приблизительно год назад меня посетил хорошо выглядевший темноволосый молодой человек лет двадцати пяти, который хотел побеседовать со мною. Я никогда прежде не видела его. Моя сестра Джей пригласила его в комнату и оставила нас одних. В последовавшей трудной беседе я узнала, что он совершил сюда длинный путь из дома, на юго-западе нашей страны, чтобы только посетить меня. Явно нервничая, он сказал, будто Бог открыл ему, что я должна стать его женой, а потому он прибыл сделать мне предложение. По его мнению, такова была воля Божия — чтобы мы вступили в брак. Он был весьма смущен, когда я ответила, что, как ни странно, он является уже десятым человеком, которого „Бог посылает“ ко мне в последние два года сделать мне брачное предложение. Ввел ли его Бог в заблуждение?

Нет. К такому выводу мы пришли, побеседовав с ним некоторое время. Бог не является Богом беспорядка. Он никого не вводит в заблуждение, вот только мы часто не понимаем Его указаний. Затем мы начали беседовать о том, как лучше познать волю Божию. Например, мы в состоянии пользоваться принципами, которые мы можем заимствовать из Его Слова, мы можем

пользоваться советом опытных христиан и ожидать, какую дверь Он закроет, какую откроет. Когда этот молодой человек попросился, ему явно стало легче. Он был убежден, что Бог не сыграл с ним какой-то шутки, но уехал домой с чувством, что все-таки эта поездка оказалась полезной для него, потому что он научился чему-то.

Необходимо в истинном смирении и в самоотречении приносить Богу свои молитвы об исцелении, с великой готовностью предоставляя Ему право ответа. Иисус в этом отношении оказался для нас великим примером. Находясь в борении в Гефсимании, Ему так хотелось избежать ужасов креста: „Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет“ (Лук. 22, 42). Молиться во имя Иисуса – значит, по крайней мере отчасти, молиться в том духе, в котором Иисус молился в Свой тяжелейший час. Мы можем обращать к Богу свои просьбы, но право ответа предоставим Ему.

Обобщение

Иисус даровал Своим ученикам дивные обетования: Он хотел дать им все, что необходимо для выполнения дела Божьего на земле. Однако собственные слова Иисуса, а также Священное Писание в целом, не оставляют сомнений относительно того, что с ответом на молитву сопряжены, по крайней мере, два условия: молящийся

должен пребывать в Иисусе, и молитва его должна соответствовать воле Божией. Так как Богу угодно не открывать нам всей Своей воли, то нам необходимо излагать пред Ним свои просьбы и ожидать, что Он совершит именно то, что сочтет правильным. А если Ему угодно отвергнуть нашу просьбу? Заметим, что существуют различные возможности „перемещать горы“. Новый Завет подчеркивает, что Бог охотно пользуется немощными сосудами для Своего дела, чтобы слава принадлежала не им, а только Ему одному. Пред лицом духовного приобретения, которое может даровать нам болезнь или какое-то горе, Богу может быть угодно, чтобы именно эта наша болезнь явилась средством для устранения тех „гор“, которые расположены на нашем пути. По мере нашего роста в вере – изменяется и способ, посредством которого мы судим о духовных вещах. Некогда мы думали, что Бог может прославиться, лишь когда Он устранил наши страдания. Теперь же мы знаем, что Он может прославляться и через наши страдания.

Исцеление и другие чудеса Божии занимали особое место во дни Иисуса и Его апостолов. Но это не означает, что они не могут совершаться в наши дни. В качестве реакции на крайнее поведение „Бог может исцелить каждого“ – многие из нас впали в другую крайность, утверждая, что теперь Бог уже никого не исцеляет. В этом случае проявляется, вероятно, не что иное, как неверие, которое мы ошибочно называем „трезвостью“. Мы не имеем, потому что не просим.

Но это совсем не означает, что Бог обязан

слышать нас всякий раз, когда мы просим Его об исцелении. Даже и во времена апостолов некоторые истинные христиане тяжело болели. Апостол Павел, посредством которого Бог исцелял многих, вынужден был оставить в Милите во время путешествия своего больного друга Трофима (2 Тим. 4, 20). В Первом послании к Тимофею Павел говорит своему другу: „...употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов“ (5, 23). Он не сказал ему: „Молись об исцелении“ или „Приходи ко мне со своим делом“. Но вместо этого он предложил ему пить немного вина. Дети Божии должны молиться об исцелении, но они не должны думать, что непременно что-то не в порядке, если Бог отклоняет их просьбу.

Наконец, нам не следует обманывать себя, думая, что чудеса являются оружием, способным убедить грешный мир. Иисуса в конце Его жизни после того, как Он совершил бесчисленное множество чудес, поносили, когда Он висел на кресте: „Если Ты Царь Иудейский, тогда сойди со креста, и мы уверуем в Тебя!“ Еще прежде того, как Иисус взошел на крест, Он сказал Своим ученикам, что видевшие столь много чудес, но не уверовавшие в Него, берут на себя грех (Иоан. 15, 24). Установлено, что даже самое великое чудо и знамение Божие не в состоянии изменить взглядов человека, который ожесточил посредством греха свое сердце против Бога. Это изменение способен совершить только Дух Святой. Помните мой рассказ в одной из предыдущих глав о том, как у меня упала со стола

книга? Я и теперь все еще не в состоянии поднять ее. Было бы, конечно, прекрасно, если б я могла пользоваться своими руками. Однако желание это становится все более слабым. Расслабленность моя приводит меня все ближе к Богу и все более духовно просвещает меня. И этого — я не променяла бы на сто лет полного здоровья.

МОЛИТВЫ И ОБЕТОВАНИЯ

Те стихи, которые мы читали тогда в небольшой деревянной церкви, казались мне столь ясными! Я имею в виду библейские обетования, дающие верующим гарантию, что все молитвы их будут услышаны, в том числе и молитвы об исцелении. Может быть, нам следовало бы вспомнить их?

„И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю“ (Иоан. 14, 13-14).

„Истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет“ (Марк. 11, 23-24).

„Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе“ (Фил. 4, 13).

Таким образом, в Священном Писании мы имеем обетования (Евр. 11, 3-4), что получим все, о чем будем просить во имя Иисуса, включая здоровье и исцеление.

Это захватывающие обетования, но и они создают для нас определенную проблему. Скажите честно: видели ли вы когда-нибудь,

чтобы гора действительно низверглась в море? Христиане молятся о многих вещах с верою и во имя Иисуса, не получая ответа. Но если они не получают ответа на свои молитвы (или это: „Нет!“), то что же нам делать с упомянутыми выше стихами? Мы не можем просто обойти их или попытаться вложить в них другое значение, которое может казаться нам более удобным. Но если мы повесим эти стихи у себя в комнате и будем воспринимать их как буквальное обетование Божие, которое утверждает, что все наши молитвы будут услышаны, то нас может постичь очень горькое разочарование. Добавлю, что у меня порою возникает такое чувство, будто молитвы отражаются от потолка и никогда не достигают Бога. Разве вы тоже не ощущали этого?

Я не знаю, что побуждает Бога к тому, чтобы выслушать одни молитвы, а другие не слышать. Может быть, я еще не могу осознать значения этих стихов во всей их глубине. Но я убедилась, что огромная польза человеку от того, если он будет сравнивать друг с другом различные отрывки Писания, освещая одно место посредством другого. Бог действительно утверждает, что Он слышит молитвы. Когда Иисус даровал Своим ученикам это обетование, то Он обещал им, говоря иными словами, следующее: „Смотрите, Я даю вам задачу и обещаю вам, что вы получите все, в чем нуждаетесь, чтобы выполнить ее. Если на вашем пути появится гора, просите о том, чтобы Я убрал ее“. И апостолы видели, как „горы“ действительно исчезали с путей их, когда они меняли направление истории.

Но я обнаружила, что нам необходимо выполнить два условия для того, чтобы Бог услышал наши молитвы: жить в тесном общении с Ним и наши молитвы должны согласовываться с Его волей.

Общение с Богом

Когда я посещала еще гимназию, я склонялась, как и многие христиане, к тому мнению, что я сама – центр своей жизни, а не Бог. Да, я веровала в Иисуса Христа как в своего Искупителя, я пыталась более или менее делать то, что истинно и верно. Однако когда я размышляла о Боге, я каждый раз думала лишь о том, что Он может совершить для меня. Какие преимущества я способна извлечь из того, что служу Иисусу Христу? Как я чувствую себя после богослужения? Конечно, понятие, что Бог существует именно для того, чтобы сделать меня счастливой, отражалось на моей молитвенной жизни. Я забыла, что Бог требует от Своих детей святого хождения, и думала: „Если Бог действительно имеет в виду только мое благо, то Он, конечно, ответит на мои молитвы, хотя я и не ангел“.

Но однажды утром я проснулась с какой-то тяжестью. Во время утренней молитвы я перелистывала книгу Псалмов и наткнулась на такой стих: „Если бы я видел беззаконие в сердце моем, то не услышал бы меня Господь“ (Пс. 65, 18). Вот как! Возможно ли это? Я думала, что Бог слышит всякую молитву! С годами я находила и другие

стихи, в которых была выражена подобная мысль. В Послании Иакова 5, 16 сказано, как много может усиленная молитва праведника. В этом отношении я могла быть спокойна. Так как я – дитя Божие, значит, я праведна в очах Его, несмотря на то, как я живу. Однако кто-то обратил однажды мое внимание на то, что Иаков говорит в своем послании не о праведности по закону, которую дарует нам Бог, а о праведности по послушанию, которое мы оказываем Ему. Иными словами: если я хочу, чтобы Бог слышал меня, мне необходимо начать с того, чтобы быть послушной Ему.

Петр дополняет слова Иакова, напоминая мужьям о том, чтобы они „благоразумно обращались с женами и оказывали им честь“. Он указывает даже на причину такой необходимости: „Дабы не было вам препятствия в молитвах“ (1 Петр. 3, 7). Помните, что Петр присутствовал тогда, когда Иисус давал все эти удивительные обетования, изложенные в Евангелиях. И все же он не изложил слов Христовых в таком виде: „Молитва – это незаполненный чек. Как только вы пожелаете иметь что-то, вам необходимо написать сумму на этом чеке, независимо от вашего духовного состояния, Я оплачу ваш чек!“ Нет, Бог говорит, что только верные христиане, которые „позвонят“ Ему, тотчас будут „соединены“. Отпавшие христиане могут рассчитывать на сигнал занятости, если только не „позвонят“ для того, чтобы сказать Ему: „Я согрешил! Сожалею!“

Сам Иисус говорит в Евангелии от Иоанна 15, 7, как Он понимает Свои обещания: „Если

пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, что ни пожелаете, просите, и будет вам“.

Пребывать в Нем – значит постоянно ходить пред лицом Бога, жить не одними только случайными духовными подъемами.

Когда я еще ходила в школу, мы на уроках физкультуры совершали каждую осень дальние пробежки по лесу. Когда раздавался стартовый свисток, мы начинали бег, и большинство из нас старалось расслабиться и взять правильный темп, который можно было бы сохранить на всей дистанции. Однако всегда находилось несколько учеников, которые начинали бежать так, словно боялись, что в них выстрелят из пистолета. Прежде чем вся толпа делала поворот, они уже были на несколько сот метров впереди. Однако вскоре мы догоняли их, когда они замедляли бег, чтобы несколько передохнуть. Видя это, они снова пытались опередить нас, однако снова начинали отставать. В итоге те, которые бежали в равномерном темпе, добивались лучших успехов.

Точно то же происходит и в духовной жизни. Если мы начинаем свой бег в состоянии внезапного духовного опьянения, то это совсем не означает того, что мы „пребываем в Иисусе Христе“. Внезапное рвение – это неплохо, но оно способно обмануть. Я знаю по собственному опыту, что в течение одной недели мы способны превратиться в „суперхристиан“, а затем – в настоящих трусов. Бог обещает слышать молитвы только тех, которые постоянно пребывают в Нем, а для этого необходима известная зрелость. Конечно, все христиане переживают подъемы и спады. Я не

имею здесь в виду совершенства. Даже самый лучший христианин не может достигнуть этой цели. Но так как Бог милостив, Он слышит наши молитвы даже в том случае, если мы не находимся более в тесном общении с Ним. Однако чем настойчивее мы проводим свою жизнь в тесном общении с Иисусом Христом, тем скорее можем ожидать, что наши молитвы будут услышаны.

Призыв Иисуса – пребывать в Нем – это вовсе не общие фразы. Он сказал вполне определенно, что имеет в виду: „...если слова Мои в вас пребудут...“ Он имел в виду не только те слова, которые Он произнес во время Своего земного пребывания и которые напечатаны в некоторых Библиях жирным шрифтом. Иисус Христос имел в виду всю Библию, потому что Дух Его вдохновлял все Священные Писания. Нам совсем не нужно звание доктора богословия, нам не нужен диплом об окончании Библейской школы для того, чтобы слова Иисуса Христа пребывали в нас. Точно так же нет необходимости в том, чтобы нам изучить длинный список библейских имен и местностей, чтобы получить приз на „библейских состязаниях“, когда кто-то хотел бы ошеломить нас вопросом: „Как звали тещу Захарии?“ Можно очень хорошо знать Библию, прекрасно разбираться в богословии и при этом не осознавать всего необходимого сердцем. Я думаю, Иисус хотел сказать, что нам необходимо постоянно размышлять над Священным Писанием, чтобы находить средства и пути для более радостного и прославляющего Бога служения. Так поступал Давид, когда писал: „В сердце моем

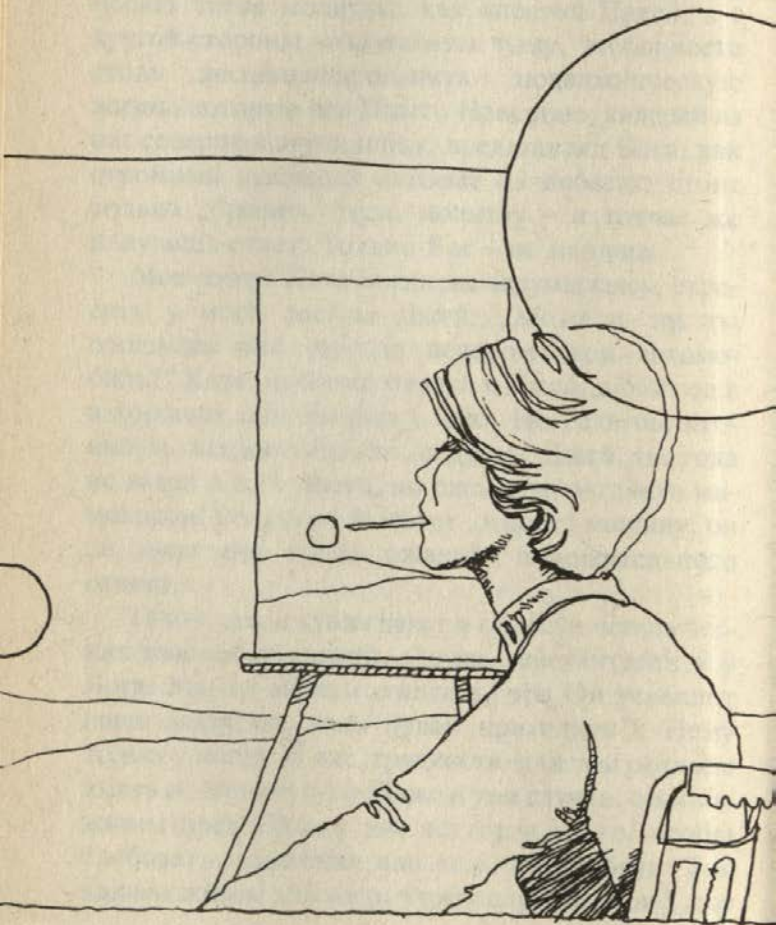
сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою“ (Пс. 118, 11).

Значит, чтобы наши молитвы были услышаны, нам необходимо ходить пред Богом и пребывать в Его Слове. Однако я опасаясь, что многие из нас хотели бы, с одной стороны – производить такие молитвы, как апостол Павел, а с другой стороны – противятся тому, чтобы вести столь дисциплинированную подвижническую жизнь, которую вел Павел. Наверное, каждый из нас совершал эту ошибку, представлял Бога, как огромный духовный автомат на небесах: стоит только „бросить“ туда молитву – и тотчас же получишь ответ. Только Бог – не машина...

Моя сестра Катя могла, не задумываясь, спросить у моей сестры Джей: „Можешь ли ты одолжить мне сегодня вечером свой автомобиль?“ Катя особенно близка к Джей, любит ее и в хороших отношениях с нею. Но если бы кто-нибудь, выдавая себя за „подругу“ Джей, два года не давал о себе знать, но однажды, заглянув мимоходом, попросил бы у нее „в долг“ машину, он не имел бы права ожидать положительного ответа.

Такой закон существует в области человеческих взаимоотношений. Он же действителен и у Бога. Мы не можем ожидать, что Он услышит наши молитвы, если будем приходить к Нему только, когда у нас трудности или мы желаем иметь от Него что-то. Даже в том случае, если мы живем пред Ним, у нас нет прав на то, чтобы требовать исцеления или еще чего-нибудь. Так как мы живем для того, чтобы служить Богу, нам

необходимо в смирении приносить к Нему свои просьбы, всегда помня о Его величии и святости. Тогда случится так, как говорит апостол Иоанн: „И, чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним“ (1 Иоан. 3, 22).

КОГДА МОЗАИЧНЫЕ
КАМЕШКИ
НЕ ПОДХОДЯТ
ДРУГ К ДРУГУ

ПОМЫШЛЕНИЯ БОЖИИ ВЫШЕ НАШИХ ПОМЫШЛЕНИЙ

В первый год моего пребывания в больнице я переворачивала иногда страницы Библии с помощью мундштука. Тогда я кое-чему уже научилась, но все-таки чтение Библии было в основном для меня таким же препровождением времени, как телевизор и радио. Только вернувшись домой, я серьезно занялась Библией. Разница между прежним поверхностным чтением Библии и нынешним – была подобна ночи и дню. Когда я стала смотреть на свою инвалидность с Божией точки зрения, я начала постепенно соединять камешки в своей мозаике страданий. У меня возникло предвкушение истинной мудрости. „Если я буду поступать так и впредь, – рассуждала я, – то, может быть, окажусь однажды достаточно мудрой, чтобы понимать помышления Божии относительно всего, что происходит“.

Однако по мере возрастания моей веры я убедилась, что это невозможно. Часто было совершенно ясно, что особое испытание служит моему благу. Иногда, правда, это было не столь очевидно. Я знала, например, что нам следует возрастать в вере посредством испытаний. Однако иной раз проблемы так нагромождались, что

угрожали просто раздавить меня, несмотря на то, что я принимала их из руки Божией. Я говорила себе: „Господь обещал, что такие дни, как этот, в конечном итоге должны служить благу, но как?“ Мне это было просто неясно.

Но это было еще не все. Кроме собственного болезненного опыта я слышала и рассказы других, кому приходилось переносить испытания, о таких испытаниях, которые я никак не могла объяснить. Люди писали мне о проблемах, которые я никак не могла понять. Я знала различные места Священного Писания, которые свидетельствовали о том, почему Господь допускает страдания. Но как же мне найти соответствующее объяснение для какого-то определенного испытания? Все это представляло для меня большую проблему. Что бы вы ответили, например, девушке, которая мне прислала следующее письмо?

„Дорогая Джони! Мой отец умер, когда мне было два года, а мама моя уже год, как тяжело болеет раком... Я пытаюсь понять, почему Бог допустил все это. Порою я только тем и занимаюсь, ломаю себе голову – что будет, когда моя мама умрет и я останусь одна. Я пыталась приблизиться к Богу, а потому не хочу роптать против Него. Иисус Христос является моим Господом и Спасителем, но я так подавлена, когда вижу, как мама вынуждена страдать, что с трудом могу сосредоточиться, чтобы читать Его Слово и размышлять над ним. Получается, будто я ни на что более не способна, как только спать, сидеть и смотреть телевизор“.

Я предложила этой девушке несколько советов относительно того, как она могла бы прославить Господа в своем положении. Но как бы я могла объяснить ей смысл и цель ее бедствий? Хочет ли Бог таким образом сконцентрировать ее внимание на духовном или посвятить ее Иисусу Христу? Намеревается ли Он сделать ее достойным примером для ангелов или же – утешением для других? Я могла предполагать многое, однако точного ответа на эти вопросы у меня не было. Но каков бы ни был замысел Бога, рассуждая поверхностно, казалось, что ни одно из Его намерений в данном случае не достигало цели.

Некоторые из бедствий, о которых писали мне люди, казалось, вредили даже делу Божьему.

„Дорогая Джони! Не думай, пожалуйста, что я пишу тебе из жалости к себе или что я атеист. Я думал, что прочитав твою книгу, я, наконец, приобрету другую точку зрения. Да, я восторгаюсь тобою, если ты действительно веришь так, как пишешь, и тем не менее я все еще не могу понять смысла тех страшных событий, которые произошли в твоей жизни и в жизни моего брата.

Моему брату 26 лет. Попав в автомобильную катастрофу, он с 1965 года полностью парализован... Как и ты, он был весьма энергичен, пока с ним не случилось несчастье. Так как ты сама парализована, то знаешь, что ему пришлось пережить.

Наконец он решил что-нибудь предпринять с помощью последнего, что у него еще осталось – разума. Он изучал заочно психологию, работал ассистентом у губернатора Индианы и хотел

учиться в университете в Огайо. Но через две недели он потерял рабочее место, потому что касса по обеспечению больных не могла оплачивать врачебных счетов. Но он хотел трудиться, чтобы быть независимым от других людей. Как и ты, он не хотел, чтобы его жалели.

Я говорю о нем в прошедшем времени, потому что мой брат с октября 1976 года, вследствие странного "несчастливого случая, лежит без сознания в больнице. До сих пор у него был ясный трезвый ум. Но вот теперь кому-то угодно было лишить его еще и разума. Если у тебя такое впечатление, что это справедливо или полезно, тогда помоги мне, пожалуйста, понять смысл этих бедствий".

Все объяснения, которые я могла бы предложить этому молодому человеку, оказались бы, вероятно, ничего не говорящими, избитыми фразами. Честно говоря, они и меня в глубине сердца не могли удовлетворить. Порою страдания человека столь велики, что при всем желании невозможно понять их смысла. Это же чувство одолело меня, когда я прочла следующее письмо, которое написала мне одна девушка:

„Дорогая Джони! Мне 22 года, и я парализована. Это случилось в 1968 году после того, как моя мать ударила меня по голове. Потребовалось шесть операций, чтобы спасти мне жизнь. Один год я пробыла с больницы в Кук Каунти. Затем меня отправили на полтора года в реабилитационный центр в Чикаго. Далее – в больницу Грант, чтобы сделать операцию на ногах и руках.

Восемь раз я находилась в реабилитационном

центре и пережила 22 операции. Однако состояние мое не изменилось. Я сижу в кресле-коляске, у меня нет семьи, и потому я вынуждена все делать сама. Я прочла твою книгу и хотела бы знать, как мне справиться с моей подавленностью. Я не особенно верую в Бога. В конечном счете, я просто не могу смириться со своей судьбой. Напиши мне, пожалуйста, что ты думаешь об этом“.

Постепенно я начала задавать себе вопрос: „Окажусь ли я когда-либо столь мудрой, чтобы понять намерения Божии в столь тяжелых случаях жизни?“ Мой друг Стив не облегчил мне этой проблемы, когда передал мне, что пришлось пережить его кузине. До недавних пор эта молодая женщина жила неподалеку от нас. Вот ее рассказ о своей жизни:

„Когда моей маме было 16 лет, один местный алкоголик, будучи всего лишь на несколько лет старше ее, начал угрожать ей, что убьет ее родителей, если она не выйдет за него замуж. Сам он был словно помешанный, и когда бывал пьян, то обычно избивал ее до синяков. Мы жили в чрезвычайной нищете на одной из ферм в Теннесси.

Мать моя вынуждена была работать на поле, чтобы как-то прокормить нас. Я вспоминаю еще, как она однажды созвала нас и мы побежали на луг позади нашего дома. Я думала, что папа превратился в ковбоя или в индейца, чтобы поиграть с нами, и потому преследовал нас с ружьем в руках (я была тогда еще маленькая). Когда же я увидела страх на мамином лице, я поняла, что дела плохи. Только поздно ночью мы вернулись домой, когда

отец уже спал. Когда он напился в следующий раз, он поставил нас всех к стенке и направил на нас заряженное ружье, сказав, что расстреляет каждого из нас по очереди, а затем застрелит себя. Если бы тогда как раз не пришел сосед и не помог нам, то нас, наверное, не было бы сегодня в живых. Мой отец утонул, когда мне было семь лет.

Когда моя мать вторично вышла замуж и мы переехали на север, казалось, несчастья не перестали преследовать нас. Маме опять стали угрожать ружьем. Через два года, когда она работала в магазине, трое человек напали на нее, связали, заткнули ей рот и заперли в женском туалете. Затем они приставили ей нож к горлу и сказали, что убьют, если она скажет хоть слово... Уже девять недель она лежит в больнице, руки и пальцы на ногах у нее почернели и болят, как будто они обморожены. В течение всего этого времени она не может спать по ночам. Боли у нее столь сильны, что она почти не в состоянии выносить их, особенно когда простыня касается ее пальцев. Когда почернела ее левая нога, врачи думали, что придется ампутировать ее, но к счастью, обошлось без этого.

Однако на левой руке у нее ампутировали три пальца по первый сустав. Все мы продолжаем уповать на Господа, порою это очень трудно!

Даже самый зрелый христианин едва ли мог бы сказать в конечном итоге, какие намерения у Бога по отношению к этой женщине. Но и это еще не все. Кузина Стива рассказала нам о серьезных болезнях и операциях, которые перенес ее отчим, а также о несчастном случае, случившемся

с ее братом и вызвавшим раздробление плеча и паралич левой руки. Сама же она болеет раком и была повторно оперирована. Однако то, что она рассказала нам в заключение, оказалось столь ужасным, что этому едва ли можно было верить. Это случилось однажды августовским днем 1975 года на их ферме.

„Мой муж Будди и дети только что уехали на работу и в школу. Я оделась и спустилась вниз по лестнице, желая пройти через кухню в гараж. Я испугалась, увидев в кухне мужчину, склонившегося над стиральной машиной. Когда он оглянулся, я узнала его: это был молодой человек с фермы, расположенной в четырехстах метрах от нас. „Что ты здесь делаешь?“ – спросила я с удивлением. Я удивилась также, что он не постучал в дверь. Обычно собаки лают, когда приходит чужой, но сегодня они не лаяли. Он не сказал ни слова, только упрямо посмотрел на меня. Затем он вытащил нож и стал приближаться ко мне. Я отскочила назад и начала кричать, но он все ближе подходил ко мне. Наконец он остановился прямо предо мною и вонзил мне нож в правый бок. Когда я почувствовала, что потекла горячая жидкость, я прижала руку к ране, чтобы не потерять слишком много крови. Но это было бессмысленно, потому что он, как дикарь, начал колоть меня ножом. Я все время кричала: „Почему? За что?“ Я хотела вытащить кухонный нож, чтобы защищаться, но мне это не удалось. Самое страшное было то, что я повсюду видела свою собственную кровь. Я рухнула на пол. Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем он

ушел. Я поднялась с большим трудом, чтобы добраться до телефона, и услышала, что позади меня открылась кухонная дверь: этот тип фактически не ушел, а выжидал, чтобы посмотреть, что я буду делать. У меня потемнело перед глазами. Я знала, что не доберусь до телефона. „На этот раз я действительно убью тебя“, – сказал он, начав опять колотить меня. После того, как он поранил мне кистевой сустав и колено, он начал вонзать нож в мой желудок. Это было столь страшно, что я не в состоянии даже описать этого.

Он спросил меня, дома ли мой муж, и я сказала: „Да, он сейчас спустится по лестнице“. Однако никто не шел, и, узнав, что я солгала, он снова набросился на меня. Из последних сил я крикнула: „Ты уже погубил меня. Почему же ты не оставляешь меня в покое?“ Тогда он спокойно вытер рукавом рот, повернулся и ушел.

Мне становилось все хуже, потому что я теряла все больше крови, но я знала, что мне необходимо ждать, пока он уйдет окончательно, и только потом я смогу что-то предпринять. Когда я уже почти потеряла сознание, Бог дал мне силы подняться на ноги, чтобы добраться до телефона. Я набрала соответствующий номер и смогла сообщить телефонистке лишь самые важные подробности, прежде чем окончательно потерять сознание.

Позже я узнала, что два дня я была между жизнью и смертью. Пришлось удалить селезенку, а печень, легкие и поджелудочную железу сшивать“.

Стив рассказал мне, что этот изверг только один месяц находился в тюрьме для подростков, а затем его отправили в психиатрическую больницу, откуда он в конце каждой недели мог ездить домой. Через 14 месяцев его совсем отпустили. Бог даровал кухне Стива дивную силу простить этого парня, однако по истечении трех лет она все еще чувствует последствия пережитого. Если ночью ей необходимо в туалет, она вынуждена прежде разбудить своего мужа, потому что боится пройти через темный холл.

Когда я выслушала повесть этой молодой женщины, меня будто обухом ударили по голове. Какой смысл можно усматривать во всем этом? Ведь она чувствует и будет чувствовать всю жизнь последствия этого нападения. Правда, она сказала, что благодаря этому событию ее семья стала дружнее, а сама она приблизилась к Богу.

Но если бы даже это можно было рассматривать как объяснение того, почему Бог допустил все это, то в принципе оно не удовлетворяет нас.

Эта женщина уже и прежде жила в общении с Господом Иисусом, и ее семейная жизнь была безупречной. Намерения Божии не могли, конечно, заключаться лишь в том, чтобы еще более улучшить ее и без того гармоничную духовную и семейную жизнь. Для этого не требовалось столь тяжелого испытания.

Чего же хотел достичь Бог таким образом? На эти трудные вопросы, кажется, нет ответа.

Мне казалось, что когда имеешь дело со страдающими людьми, необходимо иметь ответ на

такие вопросы. Но как же я могу помочь другим понять то, чего не понимаю сама?

Как я благодарна Богу за то, что приблизительно в это время мне попала в руки одна книга! Я решаюсь сказать, что она относится к самым лучшим из тех, которые я когда-либо читала. В этой книге И.И. Пакера „Познать Бога“ есть короткая глава под названием „Божия мудрость и наша мудрость“. В ней автор говорит о том, что нам просто невозможно понимать всех намерений Божиих, лежащих в основе каждого события. Он пишет следующее:

„Очень часто совершают ошибку, допуская, что мудрость заключается в возможности понимать намерения Божии в каждом из Его дел, а также в возможности знать, что Он намеревается далее предпринять“.

„Но как же можно считать это ошибкой? – думала я. – Разве не мудрость всегда углубляться в помышления Божии?“

„Верующие полагают, что если они и впрямь тесно связаны с Богом, то Он будет беспрепятственно возвещать им Свою мудрость. А они, в свою очередь, будут способны распознавать Его истинные намерения в каждом событии их жизни и твердо знать, что им в каждое мгновение своей жизни следует предпринимать. Если в итоге они окажутся неправы, то они готовы отнести это обстоятельство на счет какого-то недостатка в своей духовной жизни“.

Именно это и занимает меня. Неужели этот человек мог прочесть мои мысли?

„Эти люди проводят много времени, чтобы...

задаваться вопросом, почему Бог допустил то или иное?.. Или какой вывод им следует сделать из происшедшего?.. Такими бессмысленными вопросами дети Божии могут довести себя едва ли не до сумасшествия“.

Я поистине близка была к сумасшествию. „Следовательно, он имеет в виду, что мы не всегда можем понять помышления Божии? – спрашивала я себя. – Но если это не является мудростью, тогда что же?“

Последующие страницы предложили мне несколько ответов, которые действительно изменили мои взгляды и побудили меня к тому, чтобы самостоятельно исследовать Библию.

Я столкнулась с историей Иова – с этим образцом страдающего человека. Если кто-либо нуждался в ответе на вопрос: „Почему Бог допустил это?“ – то это был Иов. Дети его погибли, имущество было потеряно, тело – в язвах. Только в последних пяти главах этой книги на переднем плане появляется Бог, чтобы ответить на вопросы и требования Иова и его друзей. И знаете ли, на какую причину страданий Иова указывает Бог? Он не указывает никакой причины. Ни слова! Он не говорит: „Послушай-ка хорошо! Я объясню, почему тебе пришлось пережить все это. Знаешь ли ты, что Мой план выглядит следующим образом?..“ Бог совсем не думает отвечать на вопросы Иова. Вместо этого Он говорит: „Препояшь чресла свои, как муж, Я буду спрашивать тебя...“

В последующих четырех главах Бог указывает на требующее благоговения величие Своих дел в

природе, а затем спрашивает Иова о том, что он мог бы на это возразить. Бог наглядно описывает сотворение мира, величие звезд и Вселенной, крепость вола, красоту лошади, чудо звериных инстинктов и питание всех живых существ плодами земли. „Ты знаешь это, потому что ты был уже тогда рожден, – говорит Бог Иову, – и число дней твоих очень велико“ (Иов. 38, 21).

Я могу представить, как съезжился Иов, когда Бог так говорил с ним (и мне становится страшно при одной только мысли). Однако почему Он загнал Иова в тупик? Я много размышляла об этом.

Это описание мудрости и силы Божией в природе является, конечно, весьма интересным. Однако при чем тут страдания Иова? Иов никогда не утверждал, что он сотворил мир. Он никогда не говорил, что в состоянии объяснить привычки хищных животных. Почему же Бог указал ему на все это? Иов никогда не утверждал, что ему известны тайны погоды, рождения и жизни. Он хотел только понять, почему он потерял своих детей, имущество, почему все тело покрыто проказой.

Я продолжала читать. Далее следовали описания природы и величия Божьего. Потом – ирония Божия: „Знаешь ли ты время, когда рождают дикие козы?.. Можешь ли возвысить голос твой к облакам, чтобы вода в обилии покрыла тебя? Обозрел ли ты широту земли? Объясни, если знаешь все это“ (Иов. 39, 1; 38, 34 и 18).

Я все еще не понимала, что Бог хочет этим

сказать. Однако при чтении 40-й главы в голове начало проясняться. Наконец Бог задал Иову вопрос, который позволяет нам узнать, в чем дело. „Будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему... Препояшь, как муж чресла твои: Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Мне. Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?“ (Иов. 39, 32; 40, 2-3).

Все это было так! Бог знал, что Иов, постоянно задаваясь вопросом „Почему?“, требует у Него отчета. Все это выглядит как будто безобидно, однако если мы требуем от Бога таких ответов, это значит, что в некотором смысле мы возвышаем себя над Ним. Как это безрассудно! Мы часто думаем, как Иов, что Бог обращается с нами несправедливо. Мы поступаем так, как будто в небесах существует воображаемый судебный престол, пред которым Бог бывает вынужден отчитываться в Своих действиях. Однако мы забываем, что Бог Сам – высший Судия. Именно Он создал справедливость. Но чем же мы в состоянии измерять Его справедливость? Все, что совершает Он, – абсолютно справедливо.

Обратите внимание на требующее благоговения величие Божие и Его мудрость, которые обнаруживаются в делах Его творения. Как должен Бог отчитываться перед ничтожным и смертным Иовом, который не в состоянии даже представить себе бесконечного величия Божия? Как говорит Господь через пророка Иеремию: „Ибо кто подобен Мне? и кто потребует ответа от

Меня? и какой пастырь противостанет Мне“ (Иер. 49, 19). Это подобно тому, как если бы Бог сказал Иову: „Иов, если ты не в состоянии понять Меня в Моих действиях в природе, почему же ты присваиваешь себе право требовать у Меня отчета в духовной сфере, ведь эту область понять гораздо труднее!“

Когда Иов понял это, он мог только сказать: „Вот, я ничтожен; что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои. Однажды я говорил, — теперь отвечать не буду, даже дважды, но более не буду“ (Иов. 39, 34-35). Как же так случилось, что Иов пришел, наконец, к такому выводу? Прежде всего, он почувствовал, кем является Бог в самом деле. В течение всей своей жизни он поклонялся Богу, но теперь он впервые увидел Его таким, каким Он является в действительности, а не таким, каким Он видел Его в своем ограниченном мышлении. Эту мысль Иов выразил так: „Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя“ (Иов. 42, 5).

В своих размышлениях я оставляю Иова и вновь обращаюсь к своему собственному положению. Я была весьма благодарна за то, что могла взглянуть с Божьей точки зрения. Но, как и у Иова, у меня были еще неотвеченные вопросы. Как же все-таки обстоит дело с тем, чего Бог еще не открыл нам? Как мне относиться к этому? Ответ я получила молниеносно! Библия говорит, что наш Бог достоин доверия, что мы можем возлагать на Него свое упование, что нам не следует полагаться на наш собственный ограниченный разум (Притч. 3, 5). Бог уже доказал, что

мы можем уповать на Его любовь, потому что Он послал Сына Своего Иисуса Христа – умереть за наши грехи. Разве этого недостаточно? А я все еще хотела понимать решительно все, так сказать, сидеть вместе с Богом в контрольной башне вместо того, чтобы находиться на летном поле, где все, казалось, идет кувырком. Я полагала, что должна помочь Ему, так как Он не в состоянии Сам обозреть все!

Какие же у меня были ничтожные представления в течение всех этих лет о моем Творце и Господе! Как смела я предполагать, что могущественный Бог обязан мне все объяснять! Не могла же я думать, что я „угодила“ Богу, став христианкой, а потому Он обязан теперь обсуждать со мною все дела! Неужели Господь обязан отчитываться предо мною относительно того, каким испытаниям подвергать ему того или иного человека? И почему Ему следует делать это? Разве я не читала во Второзаконии 29, 29: „Сокрытое принадлежит Господу Богу нашему...“? Как же могла я возгордиться так, чтобы понимать все слова Его, даже в том случае, если Он пожелает объяснить мне их? Даже великий апостол Павел вынужден был согласиться с тем, что он часто не видел выхода, хотя никогда не оставался в тупике (2 Кор. 4, 8). Разве не сказал Бог: „Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших“ (Ис. 55, 8-9)? Разве один из авторов Ветхого Завета не говорит: „Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости

во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает все“ (Еккл. 11, 5). Вся книга Екклесиаста написана для того, чтобы убедить таких людей, как я, что только у Бога ключи к тайнам жизни и этих ключей Он никому не дает взаимы.

„Все соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца“ (Еккл. 3, 11).

Если бы разум Божий был столь мал, что я могла бы постичь его, тогда Он не был бы Богом! Как я заблуждалась!

Я вспоминала то время, когда начала исследовать Слово Божие и камешки мозаики моих страданий постепенно начали складываться в общую картину. Каким же сладким мне тогда казалось предвкушение мудрости! Как удивительно прекрасно смотреть на наши бедствия и наши трудности с Божьей точки зрения. Но как я ошибалась, предполагая, что смогу достичь того, чтобы составить всю мозаику страданий. Ведь мудрость – это нечто большее, нежели только созерцание наших проблем с точки Божьего зрения; мудрость – это упование на Него даже в том случае, когда камешки не подходят друг к другу.

НЕБО

„Облака...“ – пробормотала я, глядя в окно самолета.

– Что? – Шерри подняла голову, перестав читать.

– Посмотри-ка на эти облака там... – ответила я.

Шерри через мое плечо с удивлением посмотрела на прекрасное море облаков. День уже склонялся к закату, и зрелище облаков было величественно: темный багрянец, светло-розовые, матово-голубые и оранжевые тона – цепь небесных гор, как круговая панорама в лучах заходящего солнца.

– О чем ты думаешь, глядя на все это? – спросила я.

– О горах, – ответила Шерри, – это плавающие цветные горы!

– Я знаю, – сказала я, по-прежнему глядя на это чудо природы. – Можно подумать, что они тверды и удержат человека, который бы прыгнул на них.

А в действительности все было, конечно, иначе. Как ни прекрасно было это зрелище, каким бы прочным оно ни казалось, это все-таки были водяные пары – клочки облаков, которые сегодня здесь, а завтра там.

Я подумала о нашей жизни здесь на земле и о том, что говорит о ней Библия: „Вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий“ (Иак. 4, 14). Я огляделась. Стюардессы с освежающими напитками, деловые люди с газетами в руках, матери с младенцами, туристы с теннисными ракетками. Некоторые дремали, другие смотрели в окна. Они летели на деловые встречи, в отпуск, к дедушкам и бабушкам. „Все это совсем не выглядит, как пар, который скоро исчезнет“, – подумала я. Мы вообще не думаем о том, что когда-то наступит конец этой жизни, не так ли? Если бы Бог не сказал нам чего-то другого, можно было бы думать, что эта жизнь так и будет длиться дальше...

Но ей непременно наступит конец. Она не будет продолжаться вечно. Она не является чем-то единственно высоким и достойным людских стремлений... Все прекрасное и хорошее, что существует на этой земле, – это только слабое отражение того, что ожидает нас в небесах. Все это напоминает мне те картины, которые я рисую. Я рисую виды природы, которая окружает меня. Но эти рисунки – только слабая попытка отразить то, что я вижу. Серым карандашом я подражаю тому, что нарисовал Бог бесконечным великолепием красок. Мои рисунки ограничены краем альбома, они не в состоянии отобразить беспредельной дали природы над нами и вокруг нас. И как мое искусство, хотя оно и притязает на что-то, однако весьма несовершенным образом отражает природу, так и эта знакомая нам земля

– всего лишь набросок, слабо отражающий ту славу, которая некогда откроется нам. Действительность – подлинная картина – находится в небесах.

Наша проблема в том, что нас слишком уж пленила реальность этой жизни.

„Через месяц буду лежать на песках Флориды и пить лимонад“, – мечтает переутомленная секретарша.

„Еще три недели – и конец!“ – размышляет школьник перед выпускными экзаменами.

„Разве он не самый лучший в мире человек?“ – вздыхает влюбленная невеста.

„Вот бы мне поскорей продвинуться!“ – надеется руководящий служащий, который хочет сделать карьеру.

Однако когда мы получаем желаемое, оно редко оказывается столь прекрасным, как мы представляли себе это. Желанный отпуск оказывается в итоге слишком дорогим. Домашние задания в школе являются лишь детской игрой в сравнении с учебой в университете. Рыцарь, о котором мечтала девушка, оказывается в итоге заурядным супругом, доспехи которого все в трещинах. Да и продвижение по службе влечет за собой более значительные стрессы и дополнительные головные боли. Хорошие вещи в жизни редко приносят нам в конце концов то удовлетворение, которого мы ожидали. Но если даже так и случается, то радость наша весьма кратковременна.

Поэтому Бог говорит нам в Библии, что необходимо помышлять о горнем (Кол. 3, 2; 1 Петр.

1, 13). Радости жизни никогда не предназначались для того, чтобы полностью удовлетворять нас. Им предстоит только возбуждать аппетит к будущему и ободрять нас в нашем путешествии, которое мы совершаем по этой земле к небесам. „Наш Отец одобряет наше путешествие, предлагая нам порою прекрасные стоянки, но Он не хочет, чтобы мы считали их своей родиной“ (К.С. Льюис).

К сожалению, мы все-таки считаем их своей родиной. Нам трудно помышлять о небесах, потому что они представляются нам столь далекими. Кроме того, нам необходимо умереть, чтобы достичь их. А кто же с радостью помышляет о смерти? Потому Бог помогает нам направлять наши мысли к потустороннему миру. Бог достигает этого путем, который сначала очень неприятен нам, однако позже мы бываем за него благодарны. Сэмюэл Резерфорд так писал в своем сочинении еще в восемнадцатом веке:

„Если бы Бог сказал мне раньше, что Он хочет сделать меня столь счастливым, как только может быть счастлив человек в этом мире, но для этой цели потребуются парализовать мою руку или ногу, а также лишить меня всех прочих источников радости, то я, конечно, почел бы все это весьма странным. И все же, сколь явно обнаруживается Его мудрость даже и в этом! Если бы вам довелось увидеть человека, который закрылся в своей комнате и обоготворяет светильники, радуясь свету их, и вы бы пожелали сделать его действительно счастливым, то разве вы не погасили бы все его лампы, а затем не открыли бы все окна, чтобы впустить солнечный свет?“

Точно то же совершил со мной Бог, когда допустил, чтобы я сломала себе шею. Он погасил все светильники, которые освещали мою жизнь и делали ее привлекательной. Затем я была повержена в глубокое сомнение. Но, с другой стороны, я увидела в совершенно ином свете все то, что Библия говорит о небесах. Когда Иисус опять придет на землю, тогда Бог откроет окна небесные. И я не сомневаюсь ни на мгновение, что буду больше радоваться этому, чем если бы теперь я приобрела возможность ходить. Знайте, что страдания готовят нас для неба.

Как это происходит? Они пробуждают в нас тоску по небесной родине. Переломы рук или ног, сломанная шея, развалившиеся браки и семьи, разбитые сердца – все это должно напоминать нам о том, „что эта бедная земля совсем не наша родина“. Когда мы убеждаемся, что наши надежды никогда не исполнятся, что наши любимые, почившие навсегда, ушли из этой жизни, что мы никогда не будем столь красивыми, любимыми, успешными в жизни или знаменитыми, как мы представляли себе это некогда, – тогда наш взор устремляется ввысь. Наш взгляд от этого мира направляется к будущей жизни. Бог знает, что этот мир никогда не смог бы удовлетворить нас. И небеса становятся нашей страстью.

Когда я размышляю о тоске по небесам, я вспоминаю Рика Сполдинга, 23-х летнего парализованного молодого человека. Он написал мне письмо вскоре после того, как прочел мою первую книгу. Письма его были так наполнены радостью и любовью к Господу, что они являлись

для всех нас, читавших их, большим ободрением. Мне так хотелось встретиться с ним, может быть, я узнала бы тогда больше о его увечьи, а кроме того, мы могли бы еще обменяться духовными познаниями и опытом жизни в кресле-коляске.

4 июля 1976 года мне представилась возможность посетить Рика. Друзья взяли меня с собою на несколько дней в Филадельфию, где я должна была свидетельствовать на различных собраниях. Однажды после обеда, в порядке исключения, у нас появилось свободное время: не намечалось никаких собраний.

И вот тут я вспомнила, что Рик Сполдинг живет со своей семьей недалеко от Филадельфии, в Веллей Фордж. Мы позвонили и спросили, можем ли посетить Рика. Вскоре мы были уже на пути в Веллей Фордж.

Когда мы прибыли, миссис Сполдинг отвела нас в сторону, чтобы подготовиться к встрече с Риком.

— Когда Рик было пятнадцать лет, он на занятиях по боксу стукнулся головой об пол в спортзале своей школы. Рик оказался в глубоком обмороке. Когда же он пришел в сознание, он был полностью парализован.

„Значит, — думала я, — он тоже парализован. И я парализована!“ Я могу двигать плечами, могу также немножко двигать мышцами верхней части руки, я могу улыбаться и говорить. А вот Рик ничего не может. Он может только вращать головой и моргать глазами, но потребовались месяцы, чтобы он мог научиться этому.

– Вам придется ответы читать по его глазам, – сказала нам его мать, когда мы входили к нему.

Рик понравился нам с первого взгляда. Он лежал в кресле, не мог жевать пищу и не мог говорить. Но зато как говорили его глаза! В ходе „беседы“ (мы ведь не могли нормально беседовать) я могла задавать только такие вопросы, на которые он легко мог отвечать морганием, „говоря“ „да“ или „нет“.

Родители Рика показали нам изобретенный ими метод, с помощью которого Рик мог складывать целые предложения: это была алфавитная таблица. Когда он хотел составить по буквам какое-то слово, мать наблюдала за его глазами, показывающими то на правую, то на левую сторону таблицы. Затем он смотрел вверх, прямо или вниз, чтобы показать, в каком ряду находится буква. И тогда его мать читала буквы громко и по порядку, пока он не останавливал ее морганием глаз. Она писала эту букву, а затем переходила к следующей.

С помощью этой таблицы Рик писал экзаменационные работы, а учебники слушал по магнитофону. Так он закончил гимназию, а потом еще два года колледжа. За свои университетские работы он получил одну пятерку, одну тройку, остальные были четверки. Свою единственную тройку он получил в первом семестре по русскому языку. Позже он исправил ее на четверку!

Мы „говорили“ в тот вечер о многом, однако самым волнующим моментом оказался тот, когда мы начали говорить о нашей общей вере в Господа Иисуса Христа, а затем о небесах.

– Рик, – сказала я, надеясь, что смогу высказать то, чего он не мог сказать, – можешь ли ты представить себе, как будет некогда прекрасно, когда мы получим на небесах новые тела?

Глаза его озарились светом.

– Я не знаю, как это было с тобою, – продолжала я, – но тогда, когда я могла еще ходить, я не особенно много думала о небе. Я всегда представляла себе его, как скучное место, где все носят ангельские одежды, стоят на облаках и весь день расппевают псалмы.

Рик рассмеялся, хотя он не мог улыбаться (если только вы в состоянии представить себе это).

– Но с тех пор, как я уже не могу более двигаться, я начинаю постепенно сознавать, что однажды я получу новое тело. Нет, не ангельские крылья! А только руки, которые будут трудиться, и ноги, которые будут ходить. Представь себе это! Мы сможем стоять на своих ногах – бегать, ходить, работать, говорить с Иисусом, делать все возможное. Может быть, даже играть в теннис!

Когда я говорила это, Рик только двигал своими веками, поднимая и опуская их с поспешностью, как только мог. Таков был его метод улыбаться и выражать свой восторг. Он сообщил нам единственным и доступным ему образом, как он рад небесам. Глаза его сияли, и это было живое свидетельство его веры в Бога и его желания быть со Христом и получить новое тело.

Когда вот так вечером мы сидели в комнате Рика и беседовали, то мы все: я, мои подруги, Рик и его семья – чувствовали сильную тоску по небу.

Но так как Рик должен был приобрести там больше остальных, то он и испытывал самую сильную тоску. Через месяц исполнилось его желание. В августе того же года он ушел домой, чтобы быть с Господом.

То, чего страдания достигли в Рике, они могут достичь и в нас, они могут обратить наши сердца к вышней родине, которой они и принадлежат. Но страдания достигают еще и большего: они готовят нас ко встрече с Богом. Подумайте вот о чем: допустим, вы никогда в своей жизни не испытывали каких-либо телесных страданий. Что будут означать для вас рубцы на руках Иисуса, когда Он будет приветствовать вас? Как вы будете чувствовать себя, не испытав прежде никаких ран? Как вы сможете тогда подобающим образом выразить свою благодарность, когда приблизитесь к престолу Мужа скорбей, Которому были известны страдания? (Ис. 53, 3) Если вы никогда не смущались, если вы никогда не испытывали стыда, вы не в состоянии представить себе, как Иисус возлюбил вас, когда взял на Себя ваши грехи.

Когда мы увидим Его лицом к лицу, мы сможем благодаря нашим страданиям представить себе хотя бы в самой ничтожной степени, что Ему пришлось пережить, чтобы искупить нас. Понимаете ли вы, что именно поэтому мы будем больше любить Его? И наша верность в этих страданиях лишь поможет нам воздать Ему чем-то за все это. Как бы мы смогли доказать Ему свою любовь и верность, если эту свою жизнь мы прожили бы без ран и рубцов? Как мы будем

стыдиться, если наше христианство ничего не стоило нам? Страдания готовят нас к тому, чтобы встретить Бога.

Но еще кое-что приносят страдания. Если мы верны в своих испытаниях, то в небесах получим награду. „Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу...“ (2 Кор. 4, 17). Бог пользуется моим креслом, как бы оно не было тягостно для меня, чтобы изменить мою внутреннюю настроенность, чтобы побудить меня к верности. Эта верность удостоится в небесах награды. Таким образом, наши земные страдания содействуют нашему благу не только здесь, но тем более в вечности.

Теперь я еще не знаю точно, как будут выглядеть те награды и сокровища, которые ожидают нас, но, несомненно, они будут достойны наших страданий. Вспомните свое детство, когда какой-то ребенок, случалось, оказывался главным в классе, потому что у него была особенно красивая и интересная игрушка. Всем остальным детям непременно хотелось иметь такую же. Когда же вы оказались в старших классах гимназии, вас уже не беспокоили более ни игры, ни игрушки. В университете же самым важным для вас было принадлежать к университетской команде, иметь отличный автомобиль или быть любимым в определенном кругу лиц.

Так будет и тогда, когда Бог сделает нас совершенными. Вещи, которые ныне представляются нам столь важными, потеряют свое значение, а желание нашего сердца выразится в прослав-

лении Господа, Который один только и достоин хвалы. В известном отношении все те, которые не были верны Богу в этой жизни и которых Бог не многим наградит, не будут желать этой награды. Мне кажется, что в своем очищенном сердце они охотно согласятся с тем, что вообще не заслужили вознаграждения. А другие, которых наградит Бог? Все стремление их будет заключаться в том, чтобы еще более и совершеннее служить Ему. Он и исполнит желание их. Они получают преимущество служить Ему особым образом – они будут распорядителями Его благ и столпами в Его храме (Матф. 25, 23; Откр. 3, 12).

Я сказала, что Бог сделает нас однажды совершенными. Это совершенство представляется мне величайшим чудом небес. Если бы Бог уже сегодня принял нас на небеса, не изменив внутренне, то небеса не были б небесами. Чистота и святость этого места отталкивали бы нас, а мы чувствовали бы себя виновными. По истечению определенного времени мы бы начали страшно скучать, как это случается даже при самом интересном занятии здесь на земле.

Небеса только тогда становятся небесами, когда Бог внутренне изменяет нас. Можете ли вы представить себе, как это будет, когда мы не будем больше грешить, не будем больше испытывать подавленности, не будем волноваться? Мы будем переживать дивное состояние: мы будем не только находиться в раю, но у нас будет и сердце, способное наслаждаться всею славою.

Когда я размышляю о небесах, я представляю себе, что произойдет что-то наподобие того,

когда мы возвращаемся домой. Я вспоминаю то время, когда могла еще ходить и возвращалась домой после тренировки в хоккей. Как хорошо было тогда дома! Когда я открывала дверь черного входа, раздавался звонок, так хорошо мне знакомый, а дома ожидали меня вещи, звуки и запахи, которые излучали тепло и любовь. Мама приветствовала меня радостной улыбкой, накладывая еду в большие тарелки и ставя их на стол. Я снимала спортивный костюм, вбегала в гостиную и здоровалась с папой. Он поворачивался от своего письменного стола, снимал очки, приветствовал меня громким: „Хелло!“ – и спрашивал, как прошла тренировка.

Что-то подобное произойдет с христианами на небесах. Наш любящий Отец Небесный примет нас с распростертыми объятиями. Там будет и Иисус, наш великий Брат, чтобы приветствовать нас. Мы не будем чувствовать себя там чужими, не будем чувствовать себя неуверенно, но будем знать, что мы дома... потому что мы действительно будем дома. Иисус сказал, что небеса – это место, которое Он приготовил для нас.

Мы будем иметь новое тело и новые чувства. Тогда я вновь окажусь в состоянии подойти к своим подругам, чтобы обнять их. У меня будут новые руки, которые я смогу поднять перед воинствами небесными, чтобы воскликнуть: „Закланый за нас Агнец достоин принять честь, хвалу и славу! Он исторг душу мою из челюстей греха и смерти и искупил тело мое!“

Тогда будет царить гармоничная справедливость. Бог сочтет все наши слезы, которые Он

хранит в Своих сосудах, и ни одна из них не будет упущена. Тогда Он, у Которого в руках все, подаст нам ключ, так что мы поймем смысл даже самых бессмысленных страданий. Но это только начало. „И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло“ (Откр. 21, 4).

Радуетесь ли вы этому?

„Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!“ (Откр. 22, 20).